

# США & Канада

ЭКОНОМИКА • ПОЛИТИКА • КУЛЬТУРА

## USA & Canada: Economics • Politics • Culture

*С наступающим Новым годом!*

- «ОБЗОР ЯДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ» СОЕДИНЁННЫХ ШТАТОВ  
2018 И 2022 гг: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
- ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ США И ЕС:  
КОНСОЛИДАЦИЯ ЗАПАДНОГО СООБЩЕСТВА
- ГЕГЕМОНИЯ США В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ И ВОЗМОЖНОСТИ  
ЕЁ ПРЕОДОЛЕНИЯ
- ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О КИТАЕ В АМЕРИКАНСКОМ  
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
- МЕНЯЮЩАЯСЯ РОЛЬ ЯПОНИИ В РАМКАХ АЛЬЯНСА  
С СОЕДИНЁННЫМИ ШТАТАМИ
- ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ США И «ДЕКАПЛИНГ» С КНР
- ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ  
СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ



12 • 2023

*Российская академия наук  
Институт Соединённых Штатов Америки и Канады  
имени академика Г.А. Арбатова*



# **США & Канада**

**ЭКОНОМИКА – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА**

*Научный и общественно-политический журнал*

**2023**

**№ 12 (648)**

**Декабрь**

*Основан в январе 1970 года*

**Выходит 12 раз в год**

**ISSN 2686-6730**

*Журнал издаётся под руководством  
Отделения глобальных проблем и международных  
отношений РАН*



*Главный редактор*

**А.Н. ПАНОВ**

*Редакционная коллегия:*

В.Н. Гарбузов (ИСКРАН, Москва, Россия); П.С. Золотарёв (ИСКРАН, Москва, Россия);  
Е.Г. Комкова (ИСКРАН, Москва, Россия); А.В. Коробков (Государственный  
университет Среднего Теннесси, Нашвилл, США); К.И. Косачёв (Совет Федерации  
Федерального Собрания РФ, Москва, Россия); С.В. Лавров (МИД РФ, Москва, Россия);  
Л.Ф. Лебедева (ИСКРАН, Москва, Россия); В.П. Лукин (Совет Федерации Федерального  
Собрания РФ, Москва, Россия); М.Г. Носов (Институт Европы РАН, Москва, Россия);  
О.Г. Овчинников (ИСКРАН, Москва, Россия); А.Н. Панов (МГИМО, Москва, Россия);  
А.А. Пороховский (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); С.М. Рогов (ИСКРАН,  
Москва, Россия); С.А. Рябков (МИД РФ, Москва, Россия); В.Б. Супян (ИСКРАН,  
Москва, Россия); Т.А. Шаклеина (МГИМО, Москва, Россия); Н.А. Шведова (ИСКРАН,  
Москва, Россия); Т. Грэм (Ассоциация Киссинджера, Нью-Йорк, США); Пан Давэй  
(Шанхайская академия общественных наук, Шанхай, КНР); П. Дуткевич (Карлтонский  
университет, Оттава, Канада); Дж. С. Дюрран (Мемориальный университет  
Ньюфаундленда, Сент-Джонс, Канада); Т. Ротнем (Государственный университет в  
Кеннесо, Кеннесо, США); Н. Симотомаи (Университет Хосэй, Токио, Япония); А. Стент  
(Джорджтаунский университет, Вашингтон, США); К. Того (Университет Киото Сангё,  
Киото, Япония); Хон Ван Сук (Университет внешнеполитических исследований Хангук,  
Сеул, Республика Корея).

*Номер готовили:*

В.С. Ахонина; М.Ю. Белецкая; А.Л. Коровина; О.Б. Кузнецова;  
Е.К. Рогульская (заведующая редакцией); А.С. Степанов.

**Москва**

© Российская академия наук, 2023

© Институт США и Канады им. Г.А. Арбатова, 2023

© Редакция журнала «США & Канада» (составитель), 2023

*Russian Academy of Sciences  
Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies*

# **USA & Canada**

## **ECONOMICS – POLITICS – CULTURE**

2023

No. 12 (648)

December

*Published since January 1970*

Monthly Publication (12 Times a Year)

ISSN 2686-6730

*The Journal is published under supervision of the Department of Global  
Problems and International Relations of the RAS*

*Editor-in-Chief*

**A. PANOV**

*Editorial Board:*

V. Garbuzov (ISKRAN, Moscow, Russia); P. Zolotarev (ISKRAN, Moscow, Russia); E. Komkova (ISKRAN, Moscow, Russia); E. Komkova (ISKRAN, Moscow, Russia); A. Korobkov (Middle Tennessee State University, Nashville, USA); K. Kosachev (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); S. Lavrov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); L. Lebedeva (ISKRAN, Moscow, Russia); V. Lukin (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); M. Nosov (The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); O. Ovchinnikov (ISKRAN, Moscow, Russia); A. Panov (MGIMO, Moscow, Russia); A. Porokhovskii (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); S. Rogov (ISKRAN, Moscow, Russia); S. Ryabkov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); V. Supyan (ISKRAN, Moscow, Russia); T. Shakleina (MGIMO, Moscow, Russia); N. Shvedova (ISKRAN, Moscow, Russia); Thomas Graham (Kissinger Associates, Inc., New York, USA); Pan Dawei (Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China); Piotr Dutkiewicz (Carleton University, Ottawa, Canada); John Stuart Durrant (Memorial University of Newfoundland, St. John's, Canada); Thomas Rotnem (Kennesaw State University, Kennesaw, USA); Nobuo Shimotomai (Hosei University, Tokyo, Japan); Angela Stent (Georgetown University, Washington, D.C., USA); Kazuhiko Togo (Kyoto Sangyo University, Kyoto, Japan); Hon Wan Suk (Hankuk University of Foreign Studies, Seoul, Republic of Korea).

**MOSCOW**

---

© Russian Academy of Sciences, 2023

© Arbatov U.S. and Canada Institute  
(ISKRAN), 2023

© Editorial Board of "USA & Canada"  
(compiler), 2023

## Содержание

2023, № 12 (648)

**Приходько О.В.** США – ЕС: торгово-экономические взаимоотношения в эпоху глобального соперничества..... 5

**Голиней В.А., Розенталь Д.М.** Гегемония США в Латинской Америке и возможности по её преодолению: горизонт 2040..... 21

**Козлов В.О.** Теория международных отношений на примере взаимодействия США и Китая..... 33

### На актуальную тему

**Кочегуров Д.А.** Япония в Индо-Тихоокеанской стратегии США: усиление роли для сдерживания Китая..... 42

**Чудинова К.О.** «Антикитайский курс» и расширение кооперации США с союзниками в АТР..... 54

### Продовольственная безопасность

**Солдатенкова О.И.** Продовольственная безопасность арктических территорий Северной Америки..... 64

### В мире бизнеса

**Никитин Л.В.** Банковский феномен Северной Каролины: истоки и современность..... 74

### Публичная дипломатия

**Артамонова У.З.** Обменные программы как инструмент публичной дипломатии США..... 86

### Глобальная безопасность

**Криволапов О.О., Степанова Н.В.** «Обзор ядерной политики» США администрации Дж. Байдена: новое видение?..... 99

### Политика и люди

**Карамеев С.Г.** Генри Киссинджер и политика США на юге Африки..... 110

**Содержание журнала за 2023 год**..... 123

**Информация для авторов** ..... 127

## Contents

---

*2023, No. 12 (648)*

---

|                                                                                                                 |    |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| Prikhodko, O.V. US-EU Trade and Economic Relationship in the Age of Global Rivalry.....                         | 5  |
| Goliney, V.A., Rosenthal, D.M. US Hegemony in Latin America and Opportunities to Overcome It: Horizon 2040..... | 21 |
| Kozlov, V.O. Theory of International Relations: The Interaction of the USA and China.....                       | 33 |

### **The Current Discourse**

|                                                                                                            |    |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| Kochegurov, D.A. Japan in the US Indo-Pacific Strategy: Strengthening Role to Contain China.....           | 42 |
| Chudinova, K.O. 'Anti-Chinese' Course and Expansion of US Cooperation with Allies in the Asia-Pacific..... | 54 |

### **Food Security**

|                                                                                                       |    |
|-------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| Soldatenkova, O.I. Features of Ensuring Food Security in the Arctic Territories of North America..... | 64 |
|-------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|

### **In the World of Business**

|                                                                                          |    |
|------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| Nikitin, L.V. The Banking Phenomenon of North Carolina: From Origins to the Present..... | 74 |
|------------------------------------------------------------------------------------------|----|

### **Public Diplomacy**

|                                                                                             |    |
|---------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| Artamonova, U.Z. International Exchanges as an Instrument of American Public Diplomacy..... | 86 |
|---------------------------------------------------------------------------------------------|----|

### **Global Security**

|                                                                                                       |    |
|-------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| Krivolapov, O.O., Stepanova, N.V. The Biden Administration Nuclear Posture Review: A New Vision?..... | 99 |
|-------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|

### **Politics and People**

|                                                                          |     |
|--------------------------------------------------------------------------|-----|
| Karamaev, S.G. Henry Kissinger and US Policy in the South of Africa..... | 110 |
|--------------------------------------------------------------------------|-----|

УДК 339.56  
JEL: F1, F13  
DOI: 10.31857/S2686673023120015  
EDN: MQVFWZ

## **США – ЕС: торгово-экономические взаимоотношения в эпоху глобального соперничества**

**О.В. Приходько**

*Институт США и Канады им. Г.А. Арбатова  
Российской академии наук (ИСКРАН),  
Российская Федерация 121069, Москва, Хлебный пер., 2/3.  
Scopus Author ID: 57224728612      РИНЦ ID: 626112  
ORCID: 0000-0001-9764-4096    e-mail: olegvladim@yandex.ru*

---

**Резюме:** Разрушение американоцентричного миропорядка, конфронтация с Россией и обостряющаяся конкуренция с Китаем подталкивают США и ЕС к консолидации западного сообщества. Координация санкций и других мер экономического давления на «ревизионистские державы» является одним из главных направлений взаимодействия Вашингтона и Брюсселя. Торговые взаимоотношения между Соединёнными Штатами и Евросоюзом в президентство Дж. Байдена являют собой разительный контраст в сравнении с периодом администрации Д. Трампа, когда противоречия между ними переросли в тарифные войны и торговые конфликты. После непродолжительного спада в пандемийный период происходит заметное оживление трансатлантической торговли. Усилия Вашингтона и Брюсселя по достижению договорённостей в сфере прорывных технологий соседствуют с их попытками добиться для себя индивидуальных преимуществ в гонке за технологическое лидерство и в построении «зелёной» (экологически чистой) экономики. Стремление США и ЕС к сотрудничеству не отменяет противоречий между ними, тем более, когда существуют объективные предпосылки для ожесточённой конкуренции.

**Ключевые слова:** США, ЕС, торговля, технологии, экономическое партнёрство

**Для цитирования:** Приходько О.В. США – ЕС: торгово-экономические взаимоотношения в эпоху глобального соперничества. *США – Канада: экономика, политика, культура*. 2023. 53 (12):5-20. DOI: 10.31857/S2686673023120015      EDN: MQVFWZ

---

## **US-EU Trade and Economic Relationship in the Age of Global Rivalry**

**Oleg V. Prikhodko**

*Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies,  
Russian Academy of Sciences  
2/3 Khlebnyy per., Moscow 121069, Russian Federation.  
Scopus Author ID: 57224728612      РИНЦ ID: 626112  
ORCID: /0000-0001-9764-4096    e-mail: olegvladim@yandex.ru*

---

**Abstract:** The erosion of the U.S.-centric global order, heightened confrontation with Russia, and escalating rivalry with China are propelling the United States and the EU towards more intensive cooperation in economic and technological sectors. Coordinating sanctions and other punitive measures against 'revisionist powers' has become a key area of interaction between Wash-

ington and Brussels. Remarkably, the US-EU trade and economic relationship has advanced during the Biden presidency, contrasting sharply with the tariff and trade wars of the Trump era. Following a brief decline during the pandemic, US-EU bilateral trade has resumed growing at a rapid pace. Efforts by Washington and Brussels to address challenges posed by emerging technologies coincide with their individual pursuits of unilateral advantages in the race for technological supremacy and a transition to a green economy. While the transatlantic partners are striving for cooperation, this does not preclude potential clashes in their trade and economic interests, especially where there are foundational reasons for intense competition.

**Keywords:** United States, European Union, trade, technologies, economic partnership

**For citation:** Prikhodko, O.V. US-EU Trade and Economic Relationship in the Age of Global Rivalry. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023. 53 (12):5-20.

DOI: 10.31857/S2686673023120015 EDN: MQVFZW

## ВВЕДЕНИЕ

Укрепление трансатлантического торгово-экономического партнёрства администрация Дж. Байдена и руководство Евросоюза рассматривают как важное направление в борьбе за сохранение позиций Запада в условиях разрушающегося американоцентричного миропорядка. Конфронтация с Россией и растущая конкуренция с Китаем усиливают мотивацию Вашингтона и Брюсселя к достижению договорённостей по вопросам развития двусторонних связей в экономике и технологиях, особенно в тех областях, которые непосредственно касаются санкционной войны против Москвы и торговых ограничений в отношении Пекина. Координация санкций, направленных на экономическое ослабление РФ, и согласование ограничительных мер по сдерживанию технологического прогресса КНР являются одними из приоритетных сфер взаимодействия США и ЕС.

Унаследовав от «эпохи Трампа» обострившиеся торгово-экономические противоречия, США и ЕС с приходом администрации Дж. Байдена предприняли энергичные усилия, чтобы быстрее преодолеть последствия недавней торговой войны и активизировать сотрудничество в сфере торговли и технологий. Между Вашингтоном и Брюсселем оживился диалог по нахождению взаимоприемлемых решений в спорных вопросах, будь то трансатлантический обмен персональными данными, где позиции сторон значительно сблизились, или политика субсидирования разработок и внедрения прорывных технологий, где разногласия ещё достаточно велики.

Учитывая безуспешные попытки сформировать совместные партнёрства на передовых направлениях научно-технического прогресса, США и ЕС, судя по всему, отказались от этих амбициозных планов. Они уже не рассчитывают на достижение полного согласия в нормативном регулировании вопросов, касающихся применения достижений революционных технологий, однако стремятся выработать общий подход и найти консенсус по базовым правилам и стандартам в области новейших информационно-коммуникационных систем (включая мобильную связь шестого поколения – 6G), искусственного интеллекта, квантовой вычислительной техники, геномных исследований. Вашингтон и Брюссель полагают, что общая позиция по этим вопросам позволит смягчить возникающие между ними противоречия на почве конкуренции и сообща продвигать консолидированную точку зрения на многосторонних переговорах в ООН, в Группе семи (G7), Группе двадцати (G20), навязывая другим странам свои договорённости как между-

народные нормы. Они также пытаются присвоить себе роль законодателей в разработке нормативного регулирования международного интернет-пространства.

И США, и ЕС преследует свои корыстные интересы, которые вступают в конфликт между собой, когда речь заходит о завоевании как можно большей доли глобального рынка новых видов высокотехнологичных товаров. Официально причислив технологии «чистой энергетики» к категории продукции, затрагивающей национальную безопасность, – соответствующий указ президент Дж. Байден подписал в сентябре 2022 г., – американская администрация развязала себе руки с точки зрения возможности введения практически любых протекционистских мер. Подобный подход противоречит представлениям ЕС о принципах свободного рынка, честной конкуренции и равного сотрудничества.

США наращивают усилия, в том числе с помощью различных инструментов государственной политики, для завоевания и поддержания лидерства в ключевых секторах технологического развития. В этом же направлении пытается действовать и Евросоюз, развивая своё законодательство с целью повышения конкурентных возможностей интеграционной Европы в соперничестве с США и Китаем.

Несмотря на «посттрамповское потепление» в двусторонних отношениях, у США и ЕС сохраняются взаимные претензии друг к другу. Вашингтон подозревает, что нормативное регулирование Евросоюза в сфере передовых технологий направлено на ограничение прав американских компаний на европейском рынке. Он очень болезненно реагирует на дискриминационные положения законодательства ЕС. Европа, со своей стороны, видит в некоторых бюджетных и экономических инициативах администрации Дж. Байдена завуалированный протекционизм, стремление потеснить не только китайских, но и европейских конкурентов в гонке за торговые преимущества и технологическое превосходство.

## **США – ЕС: ОСНОВНЫЕ ТRENДЫ В ЭКОНОМИКЕ И ТОРГОВЛЕ**

С приходом администрации Дж. Байдена трансатлантические торговые взаимоотношения стали обретать утраченную динамику, освобождаясь от завалов, возникших в результате агрессивной внешнеэкономической политики президента Д. Трампа. Однако к нынешнему этапу экономического взаимодействия США и Евросоюз пришли в разном состоянии. Экономика США, хотя и сталкивается с серьёзными проблемами, но, преодолев во второй половине 2022 года двухквартальную рецессию, демонстрирует непрерывный подъём ВВП. Правда, темпы экономического роста последовательно снижаются. По итогам январь-марта ВВП вырос на 2% в реальном исчислении, согласно уточнённым данным, которые Бюро экономического анализа Минторга США представило 29 июня [1]. За период с пандемийного 2019 г. до апреля 2023 г. американская экономика выросла на 5,4%, а европейская – на 2,9%.

*Европа в сравнении с США экономически выглядит заметно хуже, демонстрируя отрицательную динамику по целому ряду ключевых показателей.* Обнародованные Евростатом 8 июня данные свидетельствуют, что экономика еврозоны вошла в рецессию в начале нынешнего года. Согласно обновлённым показателям, ВВП двадцати стран еврозоны сократился на 0,1% в IV квартале 2022 г. и на такую же величину в I квартале нынешнего года. Однако экономика всего ЕС выросла на 0,1% за первые три месяца текущего года, после падения на 0,2% в последнем квартале 2022 года [2]. В мае федеральное статистическое ведомство ФРГ сообщило, что германская экономика, крупнейшая в Европе, находится в состоянии



рецессии, она отброшена к уровню 2019 года. За прошлый год энергоёмкие сектора промышленности ФРГ сократили выпуск продукции на 13%.

Рецессия в еврозоне была спровоцирована высокими ценами на углеводородное сырьё и рядом других причин, связанных с отказом ЕС от российских энергоресурсов и взаимовыгодных торговых отношений с восточным соседом. Разрыв экономических связей с Россией привёл к сжатию внутреннего спроса на промышленную продукцию и инфляционному всплеску в Европе. Хотя инфляция снижается, она всё ещё намного превышает многолетние показатели – в мае составила 6,1% в годовом исчислении в среднем по еврозоне, а в семи восточноевропейских странах достигла двухзначного значения, тогда как в Соединённых Штатах не превысила 3%. Цены на газ и электроэнергию в ЕС значительно обгоняют показатели США. Американский аналитик Б. Шаффер напоминает, что экономическое благополучие ведущих держав Европы «зависит от производства, где электроэнергия является одной из самых больших статей расходов. Их промышленные товары не могут быть конкурентоспособными, если энергоносители дорогие» [Shaffer B., 2022: 23].

Резкий рост расходов на электроэнергию и снижение внутреннего спроса на промтовары ведут к простоям мощностей тяжелой промышленности в Европе. В результате повышения производственных затрат падает конкурентоспособность энергоёмких отраслей европейской экономики, особенно металлургии и нефтехимии, сокращается доля промышленной продукции ЕС на мировом рынке. *К началу 2023 г. в Европе простаивали более половины металлургических цехов и примерно 70% мощностей по производству удобрений.* Европейские производители алюминия, цинка, аммиака и других энергоёмких продуктов переносят инвестиции в другие регионы мира.

США выгодно снижение промышленного потенциала Европы, ведь этот процесс ведёт к увеличению конкурентных преимуществ американских производителей как гражданской, так и военной техники. По прогнозу западных экспертов, в ближайшие несколько лет рост производственных издержек в Германии, Франции, Италии в результате более высоких цен на электроэнергию будет превышать американские показатели на 25-30%, что ослабляет позиции ЕС в экономической конкуренции с США. Разрыв между ними по размеру ВВП неуклонно растёт в американскую пользу с 2012 года. После выхода Великобритании из ЕС превосходство Соединённых Штатов над Европой по этому показателю составило 8,8 трлн долл., или 34,6% [3].

Разнонаправленные процессы в промышленности по обе стороны Атлантики ведут к росту дисбаланса экономических потенциалов в сторону США. Еврокомиссия, обуреваемая идеей декарбонизации производства, всячески избегает дискуссии на тему деиндустриализации Европы. Может быть, в новую технологическую эпоху тяжёлая промышленность действительно не нужна в прежнем объёме? Однако трудно оспорить то, что без неё не может быть сильной военной индустрии и развитого многопрофильного машиностроения.

В переломный период, который наступает в трансформации мирового порядка, США и Евросоюз острее чувствуют потребность в консолидации своих сил для отражения внешних вызовов. *Вашингтон отводит Евросоюзу ключевую роль в экономической войне Запада против России.* Тема усиления давления на экономику РФ, включая ужесточение санкционного режима, подробно обсуждалась на заседании Совета по торговле и технологиям (СТТ), которое прошло 30-31 мая в Лундсе (Швеция) под председательством глав внешнеполитических и торговых

ведомств США и ЕС – Э. Блинкена, Дж. Раймондо, К. Тай, В. Домбровскиса и М. Вестагер. В рамках СТТ функционируют десять совместных рабочих групп, и деятельность по крайней мере четырех из них охватывает вопросы, касающиеся экономического и технологического противоборства с Россией и Китаем.

На переговорах в Лулео США и ЕС констатировали беспрецедентный уровень сотрудничества в сфере экспортного контроля и санкций против России и Белоруссии. В рамках этого взаимодействия они разработали специальные ограничения для предотвращения экспорта технологий, используемых, в частности, в беспилотниках иранского производства, и интенсифицировали обмен информацией о вводимых торговых ограничениях. США и ЕС договорились: улучшить координацию в сфере экспортного контроля, включая регулярное обновление списка санкционных товаров (по этой теме работает специальная группа); ускорить работу по определению ключевых инструментов и технологий, имеющих важнейшее значение для противодействия России в конфликте на Украине; продолжить сотрудничество в разработке мер, препятствующих обходу санкций и экспортных ограничений, усилить воздействие на нарушителей санкционного режима [4].

Вашингтон и Брюссель стремятся оптимизировать механизм координации санкций, чтобы эффективнее применять торгово-экономические ограничения и перекрыть каналы поступления в РФ и Китай запрещённых технологий. Они договорились заранее информировать друг друга о предстоящем введении ограничений на экспорт новых видов чувствительных товаров, обмениваться данными об экспорте критически важных технологий и синхронизировать свою лицензионную политику. Особое внимание уделяется блокированию поступления в Россию микроэлектронной продукции. США и ЕС добиваются от других стран повышения транспарентности торговых операций, чтобы осуществлять контроль за их экспортными поставками.

Американский экономист Б. Эйхенгрин (Калифорнийский университет) призывает трезво оценивать эффективность санкционных ограничений: по его мнению, лишение России доступа к полупроводникам последнего поколения, которые производят Нидерланды, Южная Корея и Тайвань, едва ли ощутимо повлияет на российскую внешнюю и военную политику [Eichengreen B., 2022: 68]. Он предупреждает, что распад глобальных цепочек поставок, завязанных на Китае, создаст большие риски для американской экономики. Многие заокеанские эксперты указывают на эту опасность, предостерегая администрацию Дж. Байдена от шагов, которые могут привести США к *экономической войне на два фронта*.

В противодействии внешним вызовам США и ЕС задействуют различные ресурсы влияния, но фундаментом для них служит совокупная экономическая мощь. В стоимостном выражении трансатлантические торгово-экономические связи оцениваются в 7 трлн долларов. Суммарный ВВП составляет 42% мировой экономики. Соединённые Штаты и Евросоюз образуют самый крупный трансрегиональный рынок в мире – ежегодный объём двусторонней торговли товарами и услугами превышает 1,1 трлн долларов. Взаимные инвестиции дают занятость для 6 млн. человек. Впечатляющие масштабы и диверсифицированная структура товарооборота, высокий уровень инвестиционного взаимодействия являются опорами экономического фундамента трансатлантических отношений.

После некоторого снижения, которое произошло в разгар пандемии ковид-19, торговля между двумя берегами Атлантики вновь вышла на траекторию динамичного роста. В 2022 г. произошёл *резкий скачок экспорта США в ЕС*, достигнув отметки 350,8 млрд долл., – прирост составил 28,8% по сравнению с преды-

дущим годом. Высокая динамика роста продаж американской товарной продукции на европейском рынке сохраняется и в нынешнем году: за январь-сентябрь экспорт США в ЕС составил 277,0 млрд долл., тогда как за аналогичный период рекордного 2022 г. – 261,8 млрд долларов [5]. На Евросоюз приходится 17% совокупного товарного экспорта США. Основными рынками сбыта американской продукции в Европе являются Великобритания (вышла из ЕС два года назад), Нидерланды, Германия, Франция, Бельгия, Италия и Испания.

Импорт США из Европы тоже растёт, но более умеренными темпами – в прошлом году он увеличился на 12,8%. Американские компании закупили в странах ЕС фармацевтической продукции на 97 млрд долларов, а сами поставили её в Европу примерно в 3 раза меньше, если считать в денежном выражении. Товарооборот в этой сфере особенно бурно рос в период пандемии ковид-19, когда возник ажиотажный спрос на вакцины, средства личной защиты, аппараты ИВЛ и другое специализированное оборудование. Помимо товаров медицинского назначения в американских закупках на европейском рынке значительное место занимают машины, оборудование, энергетические установки и компоненты к ним, автотранспортные средства, электрооборудование и продукты органической химии.

Таблица

**Структура и динамика экспорта США в ЕС по основным группам товаров, млрд долл.**

| Товарная группа                                                                                                     | 2020 г. | 2021 г. | 2022 г. | Динамика за трёхлетний период |
|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|---------|---------|---------|-------------------------------|
| Углеводородное сырьё и продукты его первичной переработки                                                           | 23,9    | 34,7    | 81,9    | +242,2%                       |
| Фармацевтические товары                                                                                             | 25,0    | 30,5    | 33,5    | +33,8%                        |
| Машины, оборудование, механизмы, продукция для ядерной и тепловой энергетики                                        | 24,5    | 28,1    | 33,2    | + 35,3%                       |
| Оптические, контрольно-измерительные инструменты, лазерная и прецизионная техника, сложное медицинское оборудование | 23,7    | 26,7    | 29,0    | + 22,4%                       |
| Авиационная и космическая техника, запчасти к ней                                                                   | 24,0    | 24,4    | 28,0    | + 16,6%                       |
| Электрооборудование, промышленные и бытовые товары электроники                                                      | 18,9    | 22,1    | 24,2    | + 28,0%                       |
| Автотранспортные средства, аксессуары и запчасти к ним                                                              | 15,7    | 16,7    | 15,9    | +1,1%                         |
| Продукты органической химии                                                                                         | 9,6     | 11,7    | 13,8    | +44,1%                        |

Exports, Imports, and Trade Balance of Goods by Country and Area: 2023. Available at: <https://www.census.gov/foreign-trade/balance/c0003.html#2023>; U.S. Exports of Goods by End-Use Category and Commodity. Available at: [https://www.census.gov/foreign-trade/Press-Release/current\\_press\\_release/ft900.pdf](https://www.census.gov/foreign-trade/Press-Release/current_press_release/ft900.pdf)

Евросоюз является крупным потребителем американской наукоёмкой продукции. После снятия пандемийных ограничений и прекращения торговой войны, которую США вели против европейских конкурентов в президентство Д. Трампа,

оживился американский экспорт высокотехнологичных товаров в Европу. Так, поставки авиакосмической техники в прошлом году выросли на 14,6% по сравнению с 2021 г. и составили 28 млрд долларов. США продают в страны ЕС широкий спектр наукоёмкой продукции – микроэлектронику, авиадвигатели, оптическую и прецизионную технику, измерительное и сложное медицинское оборудование, устройства для обработки цифровых данных. За январь-апрель 2023 г. страны ЕС закупили американских высокотехнологичных товаров на 36,3 млрд долл., а сами поставили в США аналогичной продукции на 45,3 млрд долларов [6].

Ещё в годы президентства Д. Трампа наметилась тенденция резкого увеличения доли углеводородного сырья в структуре американского экспорта в Европу. В 2022 г. продажа энергоресурсов США в страны ЕС значительно выросла – на 136% по сравнению с предыдущим годом, она вышла на первое место по выручке, достигнув рекордного показателя 81,9 млрд долларов. *Однако говорить о сырьевом крене в трансатлантической торговле неправомерно: несмотря на заметное увеличение в ней доли энергоресурсов, оборудование и техника различного назначения в совокупности составляют основной объём взаимных поставок.* Статистические данные подтверждают разносторонний характер товарооборота между США и Европой.

Энергетическая экспансия США в Европу привела к тому, что наиболее доходной статьёй американского экспорта в ЕС стали поставки углеводородного сырья и продуктов его переработки. Она осуществляется стремительными темпами, о чём свидетельствуют данные Минторга США. Доля европейского рынка в американском экспорте углеводородных ресурсов достигла почти 30%. Поставки американского газа в страны ЕС в стоимостном выражении за последние три года выросли в 6,7 раза – с 4,8 млрд долл. до 30,1 млрд долл., что выглядит внушительно даже с учётом резкого взлёта газовых цен в Европе. Экспорт нефти и нефтепродуктов из США на европейский рынок увеличился за указанный период почти в 3 раза – с 13,1 млрд долл. до 37,5 млрд долл.; каменноугольного топлива в 4,5 раза, а угольного кокса более чем в 63 раза, но эта статья экспорта в абсолютном выражении выглядит весьма скромно – выручка увеличилась с 2,9 млн долл. до 181 млн долларов [7]. В Европе основными потребителями американских энергоресурсов являются Нидерланды, Великобритания, Франция и Испания, на которые приходится 74% закупок углеводородного сырья в прошлом году.

В структуре энергетического экспорта США в Европу центральное место занимают поставки сжиженного природного газа. Согласно данным, которые 31 мая обнародовало Управление по энергетической информации США, экспорт американского СПГ в Европу вырос в 2022 г. на 141% по сравнению с предыдущим годом и достиг 192,5 млн куб. м в день [8]. Цена этого сырья на европейских торговых площадках была значительно выше, чем в других регионах мира из-за свёртывания странами Евросоюза закупок российских энергоресурсов. Европа стала основным рынком для экспорта американского СПГ – её доля составила 64%.

Приведённая торговая статистика показывает, сколь выгодным для США является разрыв торгово-экономических связей между Россией и Европой. К такому шагу Вашингтон всячески подталкивал европейских союзников, преследуя свои эгоистические интересы, включая планы проникновения на европейский энергетический рынок со своими ресурсами. Для приёма американского СПГ намечается построить в ближайшие годы приёмные терминалы и мощности по регазификации в Германии, Италии, Франции, Греции, Нидерландах, Бельгии, Польше и ряде других стран ЕС. Однако амбициозные замыслы Еврокомиссии по перестройке энергобаланса Европы с упором на возобновляемые источники

энергии усложняют для европейских компаний расчёт реальных потребностей по закупкам американского углеводородного сырья на обозримую перспективу.

## КОНКУРЕНЦИЯ В СФЕРЕ ТЕХНОЛОГИЙ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА США И ЕС

Глобальная конкуренция за лидерство в научно-техническом развитии подталкивает США и ЕС к мобилизации ресурсов и использованию разнообразных инструментов господдержки на ключевых направлениях технологических прорывов. В 2022 году Конгресс принял закон «О стимулировании производства полупроводников и науке» (*CHIPS and Science Act*), который предусматривает выделение 200 млрд долл. на проведение НИОКР и создание производственных мощностей полупроводниковой промышленности на американской территории. По оценкам западных экспертов, суммарные ассигнования на научные исследования, разработки и производство могут составить ещё более внушительную сумму – 280 млрд долларов. Эти вложения призваны обеспечить США статус ведущего мирового производителя и экспортёра наукоёмкой продукции.

В августе 2022 г. президент Дж. Байден подписал закон «О снижении инфляции» (*Inflation Reduction Act – IRA*), который предусматривает финансовые и налоговые льготы на общую сумму 490 млрд долл. (некоторые эксперты называют более скромную цифру – 369 млрд долл.) для разработчиков и производителей высокотехнологичных природосберегающих товаров – электромобилей, солнечных батарей и т. д. – из США, Канады и Мексики, которые связаны трёхсторонним договором о свободной торговле. По оценкам экспертов банка «Голдман Сакс» (*Goldman Sachs*), в случае высокой активности инвесторов сумма предоставляемых государством финансовых льгот может превысить 800 млрд долл., а с учётом инвестиций частного капитала – 1,6 трлн долларов.

Закон «О снижении инфляции» предполагает субсидирование производства электромобилей и других антиуглеродных товаров только в том случае, если конечная стадия их изготовления осуществляется в странах Северной Америки, и если используемые в них аккумуляторные батареи содержат значительную долю материалов, созданных в США. Одна из главных целей закона – стимулирование развития «зелёных» отраслей промышленности в Соединённых Штатах и сокращение зависимости от поставок из Китая. Антиинфляционный закон направлен на обеспечение американского лидерства в переходе к «чистой» энергетике и в создании «зелёной» (декарбонизированной) экономики, а на эту роль претендуют также ЕС и Китай. Пока США отстают от КНР и Евросоюза по объёму экспорта «антиуглеродных» товаров на мировой рынок.

Протекционистские положения нового американского законодательства вынуждают европейские компании, если они рассчитывают на финансовые льготы, создавать производственные мощности в США вместо того, чтобы экспортировать свою продукцию из Европы. После принятия антиинфляционного закона «Фольксваген» и ряд других европейских автопроизводителей заявили об инвестировании в строительство заводов на территории США, чтобы получить право на субсидии согласно американскому законодательству. Потенциал роста рынка электромобилей в Соединённых Штатах огромен: сейчас доля этих транспортных средств составляет только 5% американского автопарка. Однако издержки, связанные с отказом от закупок китайских комплектующих и поиском

альтернативных подрядчиков, могут для европейских автоконцернов превысить выгоду от американских субсидий.

На практике вопросы, касающиеся тех или иных форм субсидий по конкретным контрактам, решает Минфин по согласованию с Минэнерго и другими государственными ведомствами США. Последовавшие после принятия закона «О снижении инфляции» уточнения Минфина немного смягчили ограничения по импорту комплектующих для некоторых категорий товаров, в частности для электротранспорта, но в принципиальном плане ситуация не изменилась. Тем не менее, даже незначительные послабления вызвали в Конгрессе критику со стороны приверженцев жёсткого протекционизма, таких как сенатор Дж. Мэнчин.

По мнению ЕС, закон «О снижении инфляции» с его положениями о субсидиях и налоговых льготах противоречит правилам международной торговли, которые запрещают дискриминацию импорта [9]. Он ставит европейские компании в неравные условия по сравнению с их американскими конкурентами, провоцирует отток инвестиций из Европы в США, замедляя развитие «зеленой» промышленности в ЕС. Однако Евросоюз сам прибегает к протекционистским мерам: в Европе пошлины на ввозимые электромобили составляют 10%, а в США – 2,5%.

Администрация Байдена согласилась вести переговоры с Брюсселем об условиях, на которых европейские компании могли бы рассчитывать на получение льгот по антиинфляционному закону. В октябре прошлого года начала свою деятельность совместная оперативная группа США - ЕС по устранению трансатлантических трений, которые вызвал этот закон. Ход её работы обсуждается на встречах главы аппарата председателя Еврокомиссии Б. Зиберта с советником президента США по национальной безопасности Дж. Салливаном, директором Национального экономического совета при президенте США Б. Дизом (в феврале его сменил Л. Брейнард) и старшим советником президента по инновациям в сфере чистой энергетики Дж. Подестой.

Законодательные новации администрации Дж. Байдена вызвали беспокойство в ЕС, где опасаются оттока европейских инвестиций и исследовательских ресурсов в США. Подобная перспектива особенно встревожила Париж, так как она подрывает концепцию «стратегической автономности» Европы, которую пытается продвигать президент Э. Макрон. Еврокомиссия подготовила различные варианты реагирования на нечестную конкуренцию с американской стороны, которые включают в себя возможное ограничение доступа компаний США к системе госзакупок в Европе, смягчение условий для получения господдержки европейскими компаниями, принятие закона о мерах по налоговому поощрению разработок экологически безвредных технологий и товаров наподобие тех, что прописаны в американском законе «О снижении инфляции».

В феврале 2023 г. Еврокомиссия обнародовала «Зелёный курс в промышленности», который предусматривает льготный режим и финансовые стимулы для расширения в Европе мощностей по созданию технологий и товаров с низким углеродным следом. Чтобы привлечь инвестиции в «чистую» энергетику, ЕК скорректировала правила, которые жёстко ограничивали государственное субсидирование компаний. Теперь правительства европейских стран могут предоставлять своим компаниям, которые инвестируют в проекты «зелёной» энергетики, субсидии, сопоставимые с теми, что эти компании могли бы получить по американскому законодательству, если бы осуществляли аналогичную деятельность на территории США.

Евросоюз стремится избежать обострения отношений с американским партнёром – это показали переговоры в Вашингтоне Э. Макрона с Дж. Байденом в ноябре 2022 г. и У. фон дер Ляйен с американским президентом в марте 2023 года. США и ЕС запустили механизм регулярных консультаций в рамках диалога по «чистой» энергетике с тем, чтобы избежать конфликтных ситуаций в процессе конкуренции за лидерство в сфере безуглеродных энергетических технологий. Они обязались информировать друг друга о своих программах стимулирования разработки и внедрения подобных технологий, обмениваться результатами изучения рыночной конъюнктуры товаров для «зелёной» энергетики и совместно анализировать нерыночные действия третьих стран, чтобы оценить, как они затрагивают интересы западных компаний, и принять контрмеры. Главную опасность США и ЕС видят в лице Китая, которого обвиняют в недобросовестной конкуренции. Вашингтон и Брюссель договорились наладить сотрудничество в обеспечении доступа к критически важным видам минерального сырья (бокситы, кобальт, никель, литий), редкоземельных металлов и компонентов, по которым они зависят от внешних поставщиков. Раньше они практически не взаимодействовали по этому вопросу.

Трансатлантические разногласия из-за разного подхода к расчёту налогов в США и ЕС на превышение предельно допустимого уровня выбросов углекислого газа могут создать серьёзные проблемы в торговых отношениях. Стороны пытаются урегулировать этот вопрос на переговорах в рамках СТТ. Они надеются сформировать «международный климатический клуб», объединив вокруг Группы семи как можно больше государств, чтобы сообща обложить «антиуглеродными» пошлинами продукцию третьих стран, включая сталь и алюминий из России и Китая, при производстве которых превышает пороговый показатель выбросов парниковых газов, установленный этим клубом.

Источником трансатлантических трений являются новые законодательные акты ЕС по регулированию деятельности компаний в сфере цифровых услуг и технологий, которые были приняты в 2022–2023 гг., а также некоторые европейские инициативы по кибербезопасности. По мнению экспертов, в частности бывшего торгового представителя США С. Шваба, с помощью законодательства по защите цифрового суверенитета ЕС стремится «прижать» американские компании, которые являются лидерами на европейском рынке. Новые законы сулят американским технологическим гигантам более жёсткое регулирование их деятельности в Европе и судебные иски в случае неподчинения. Вашингтон считал дискриминационными в отношении американских компаний налоги в ЕС на провайдеров цифровых услуг. Компромиссом стало многостороннее соглашение по корпоративным налогам, достигнутое при посредничестве ОЭСР и одобренное странами Евросоюза в конце 2022 года.

В сентябре 2022 г. ЕС принял закон о цифровых рынках (*Digital Markets Act – DMA*), который определяет условия работы компаний в этой сфере бизнеса. В октябре того же года Евросоюз одобрил закон о цифровых услугах (*Digital Services Act – DSA*), который накладывает на социальные медиаплатформы, такие как Твиттер (*Twitter*), Фейсбук (*Facebook*), Инстанграм (*Instagram*), Вотсап (*WhatsApp*), обязательства по предоставлению более подробной отчётности о своей деятельности на территории Европы. По оценке западных экспертов, этот закон создаёт для европейских компаний более выгодные условия по сравнению с американскими конкурентами. В ЕС обсуждаются предложения о взимании с поставщиков интернет-контента и приложений платы за пользование сетями, о сертификации провайдера

ров «облачных» услуг, предполагающей запрет на получение аккредитации от уполномоченных европейских органов по кибербезопасности для компаний из третьих стран. Без такой аккредитации американские IT-компании не смогут вести бизнес на европейском рынке «облачных» услуг.

Эти инициативы воспринимаются в США как дискриминационные. Несмотря на американские возражения, некоторые из них нашли отражение в законопроекте о цифровых данных – «Data Act», который Еврокомиссия обнародовала в феврале прошлого года. Брюссель утверждает, что целями упомянутых выше законов является завоевание доверия общества к революционным технологиям, таким как искусственный интеллект, обеспечение большей прозрачности в деятельности компаний, формирование открытой конкурентной среды, позволяющей новым игрокам прийти на рынок и конкурировать с IT-гигантами. Однако такой подход привёл к тому, что американские корпорации «Гугл» и «Мета» решили не выходить на рынок ЕС со своими новыми интернет-продуктами – приложением «Threads» и ботом генеративного искусственного интеллекта «Bard» [10].

Европейские законодательные новации вызвали критику в США, где они воспринимаются как ограничение прав и ущемление финансовых интересов американских IT-корпораций. Вашингтон считает подход Евросоюза к нормотворчеству в сфере информационных технологий чрезмерно зарегулированным, дирижистским и малоэффективным. Он видит в новом законодательстве ЕС завуалированную попытку ослабить позиции технологических компаний США и поддержать европейские фирмы в конкуренции на рынке цифровых услуг.

## ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ ПРОРЫВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ДОГОВОРЁННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

США и ЕС придают сотрудничеству в области высоких технологий особое значение в контексте обостряющейся борьбы Запада с Россией и Китаем за будущее мироустройство. Они стремятся добиться превосходства на ключевых направлениях научно-технического прогресса, которые будут определять потенциал государств уже в недалекой перспективе. На заседании СГТ в мае США и ЕС договорились делиться информацией и изучить возможности сотрудничества по НИОКР в области искусственного интеллекта (с этой целью была создана специальная рабочая подгруппа), квантовой вычислительной техники, информационно-коммуникационных систем новых поколений, биотехнологий. Они решили ускорить разработки в сфере экологически чистой энергетики, планируя перейти к экономике с нулевой эмиссией парниковых газов не позднее 2050 года.

Вашингтон и Брюссель намерены обмениваться опытом и координировать свои подходы к оценке рисков, связанных с инвестициями в сфере чувствительных технологий. Они договорились передавать друг другу данные о действиях нерыночных игроков в сфере цифровой экономики, чтобы нейтрализовать возникающие угрозы. США и ЕС согласовали меры по обеспечению своих интересов в том, что касается цепочек поставок полупроводниковой продукции, включая создание механизма раннего предупреждения о грядущих сбоях в трансграничном перемещении важнейших товаров микроэлектроники.

США и ЕС рассматривают сотрудничество по искусственному интеллекту (ИИ) как необходимый самостоятельный трек взаимодействия в сфере прорывных технологий. В декабре 2022 г. они приняли дорожную карту по координации работ на этом направлении, которая предусматривает создание общей терминологиче-



ской базы, разработку основных правил и взаимное информирование о подходах к оценке рисков, связанных с разработкой генеративного ИИ. В январе 2023 года США и ЕС подписали административное соглашение о сотрудничестве в исследованиях, касающихся применения искусственного интеллекта в пяти областях: предсказание экстремальных явлений природы и изменения климата; меры реагирования в чрезвычайных ситуациях; новации в области медицины и здравоохранения; оптимизация энергосистем; рационализация в сельском хозяйстве. Они решили создать совместный каталог Еврокомиссии и американских научных госучреждений по этим исследованиям. США и ЕС договорились создать три экспертные группы по следующим направлениям деятельности в области ИИ: согласование терминологии и таксономии (уже одобрены 65 основных терминов); мониторинг и измерение рисков; разработка стандартов и инструментов для обеспечения надёжности и управления рисками.

Развитие революционных технологий идёт быстрыми темпами, опережая разработку законодательных норм. *Между США и ЕС сохраняются разногласия в подходах к регулированию в сфере ИИ.* Вопрос об использовании систем распознавания лиц в контексте защиты личных данных, степень контроля за применением технологий генеративного искусственного интеллекта и некоторые другие смежные проблемы вызывают трансатлантические споры. ЕС считает необходимым выработать подробные правила правового регулирования в этой сфере. Администрация Дж. Байдена склоняется к более либеральному подходу, отдавая предпочтение менее дотошному вмешательству властей в дела бизнеса и полагаясь на то, что компании сами определяют нужные меры безопасности в своей работе, пока этот вопрос не будет решен на законодательном уровне. Политически расколотый Конгресс едва ли сможет принять необходимые законы до президентских выборов 2024 года.

На заседании СТТ в мае представители США и ЕС обменялись мнениями о том, какой должен быть механизм контроля за применением ИИ. Они договорились согласовать кодекс поведения для компаний, которые занимаются созданием ИИ [11]. Вашингтон и Брюссель обсуждают проект добровольного кодекса поведения, который призван предотвратить возможный ущерб от непредвиденных последствий внедрения ИИ, включая недавно появившиеся разработки генеративного искусственного интеллекта, такие как «Чат Жи-Пи-Ти» (*ChatGPT*) и гугуловский «Бард» (*«Bard»*), вызвавшие большой общественный резонанс и спровоцировавшие громкие судебные иски. Упомянутый проект, разработанный в недрах Еврокомиссии, был передан на рассмотрение американской стороны. По замыслу Брюсселя, он должен включать в себя юридически необязательные стандарты прозрачности, оценки рисков и некоторые другие параметры, которые компании согласились бы добровольно соблюдать до тех пор, пока не будет принято соответствующее законодательство.

Американское правительство не намерено пассивно ждать, пока будет заполнен правовой вакуум в вопросе контроля за разработками ИИ. По мнению Вашингтона, за основу международных норм в этой области могут быть взяты базовые правила по управлению рисками в сфере искусственного интеллекта, которые в январе представил Американский институт стандартов и технологий. В мае в Белом доме прошло заседание с участием вице-президента К. Харрис, министра торговли Дж. Раймондо и ряда советников президента США с руководителями четырёх ведущих корпораций. На встрече рассматривались вопросы, связанные с развитием технологий ИИ. Большинство ведущих разработчиков в этой сфере –

«Гугл» (Google), «Майкрософт» (Microsoft) и «Оупен-эй-ай» (OpenAI), «Антропик» (Anthropic) базируются в США. Господдержка этих компаний в борьбе за технологическое превосходство над иностранными конкурентами является одним из приоритетов американской политики национальной безопасности в области ИИ.

США и ЕС придают большое значение сотрудничеству в области технологий квантовых вычислений. Для улучшения координации усилий на этом направлении они создали совместную рабочую группу, в задачу которой входит изучение возможностей перекрестного участия американских и европейских экспертов в государственных исследовательских программах друг друга по квантовой тематике на основе взаимности, а также в работах по постквантовой криптографии. Эта группа должна сформулировать основные положения по обеспечению прав интеллектуальной собственности при проведении совместных работ, определить наиболее важные элементы квантовых технологий, рассмотреть вопросы о технических стандартах и контрольных характеристиках квантовых компьютеров, а также предложить меры экспортного контроля для предотвращения утечки этих технологий в Россию и Китай. В рамках упомянутой группы стороны обсуждают вопросы стандартизации в сфере постквантовой криптографии и возможные направления сотрудничества по этой тематике, которые могли бы внести вклад в совместную работу США и ЕС по кибербезопасности.

Вашингтон и Брюссель договорились ускорить разработку общей концепции и дорожной карты по исследованиям, направленным на создание систем мобильной связи шестого поколения, сосредоточив внимание на проведении необходимых НИОКР. По их оценкам, новые системы начнут замещать мобильную связь пятого поколения в качестве основного стандарта с 2030 года. Специальная рабочая группа составила прогноз развития ситуации в этой сфере, обрисовала возможности трансатлантического сотрудничества по проблематике 6G и цифрового управления. Стороны определили основные принципы и ключевые темы, которые требуют совместного анализа для формирования общего взгляда на будущее технологий мобильной связи.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Противоборство с Россией и обостряющаяся конкуренция с Китаем будут в обозримой перспективе одними из главных факторов, определяющих характер трансатлантических взаимоотношений. Кризис американоцентричного миропорядка вынуждает США и ЕС энергичнее искать пути преодоления двусторонних разногласий, в том числе в торгово-экономической сфере, ради защиты общих интересов. В менее напряжённой международной ситуации трансатлантические противоречия, скорее всего, проявлялись бы гораздо резче. Однако консолидация на антироссийской основе не снимает проблемы протекционизма и экстерриториальности американского законодательства, которые осложняют торгово-экономические взаимоотношения США и ЕС. Для Евросоюза одним из главных приоритетов в торговле с заокеанским партнёром является устранение барьеров, которые создают дискриминационные нормы некоторых правовых актов Соединённых Штатов.

США и ЕС, разрабатывая санкции против РФ, не могли достоверно просчитать адаптивность российской экономики. Полицентричная структура мирохозяйственных связей ограничивает эффективность экономических ограничений Запада в отношении России. Участие в санкционной войне обходится ЕС гораздо дороже, чем США. Разрыв экономических связей с РФ ведёт к тому, что про-

изводственные издержки растут в Европе заметно быстрее, чем у других членов антироссийской санкционной коалиции, подрывая конкурентоспособность продукции ЕС на мировом рынке.

*Соперничество с Китаем является одним из главных драйверов сотрудничества США и ЕС.* Вашингтон и Брюссель продвигают согласованную позицию на переговорах по обновлению правил мировой торговли и реформированию ВТО в противовес китайским инициативам. Они стремятся к достижению договорённостей в сфере прорывных технологий и в торговле наукоёмкими товарами, преследуя несколько стратегических целей, важнейшими из которых являются технологическая изоляция РФ и торможение развития КНР. Вашингтон и Брюссель пытаются выработать общее согласие по таким вопросам, как искусственный интеллект, мобильная связь шестого поколения, цифровая торговля, «зелёная» энергетика, закладывая основы для сотрудничества по перспективным направлениям. Эти договорённости призваны вывести конкуренцию между США и ЕС за рамки их отношений с Китаем и другими крупными экономическими игроками, содействовать минимизации разногласий и снижению рисков зависимости Запада от импорта критически важных товаров.

Стремительный технологический прогресс вызывает трения между США и ЕС в вопросе о правовом регулировании социально значимых аспектов этого процесса. В разработке прорывных технологий и в борьбе за расширение своей доли на глобальном рынке природосберегающих товаров (электромобили, солнечные батареи и т.д.) США и ЕС рассматривают не только Китай, но и друг друга как начальных конкурентов. Столкновение их интересов объясняет, почему не получают практического воплощения совместные инициативы, такие как «альянс в поддержку зелёных технологий», который должен был ускорить разработки для экологически чистой энергетики. США и ЕС вынесли наиболее спорные вопросы – законодательство о защите личных данных, о минимизации выбросов углекислого газа в сталелитейной промышленности – в отдельные переговорные треки, чтобы не тормозить работу двустороннего Совета по торговле и технологиям.

Нынешний этап трансатлантических отношений в торгово-экономической сфере отличается рядом особенностей. *Во-первых*, вмешательство политики в коммерческую сферу достигло беспрецедентного масштаба – никогда прежде не было столь сильной политизации торговли. Запад предаёт ключевые постулаты доктрины глобализации, основанной на рациональности международного разделения труда, ради борьбы с Россией и Китаем за будущее мироустройство.

*Во-вторых*, состояние торгово-экономических отношений приобретает всё большее значение для США и ЕС по мере обострения системного противоборства Запада с «ревизионистскими» державами, которые не признают американоцентричный миропорядок. В экономической сфере Вашингтон и Брюссель видят главную угрозу в укреплении китайского потенциала. Они взяли курс на снижение своей зависимости от поставок стратегических компонентов, комплекствующих и товаров из КНР. Выход на новый уровень госрегулирования промышленной политики в Соединённых Штатах и Европе является реакцией на вызовы, которые порождает научно-технический рывок Китая и конкуренция за лидерство в построении «зеленой» экономики.

*В-третьих*, США формируют энергетическую зависимость Европы от поставок американского углеводородного сырья. Этот курс диктуется как геополитическими соображениями, так и заинтересованностью в экспорте избыточной продукции американской нефтегазовой отрасли, появившейся в результате

сланцевой революции. Соединённые Штаты планируют наращивать экспорт СПГ в страны ЕС, судя по планам строительства новых терминалов и трубопроводов на побережье Мексиканского залива.

*В-четвёртых*, соперничество друг с другом за конкурентные преимущества в сфере прорывных технологий и в международной торговле климатосберегающими товарами Вашингтон и Брюссель пытаются встроить в контролируемые и политически приемлемые рамки, используя «посттрамповское» потепление в двусторонних отношениях.

В прошедшие годы президентства Дж. Байдена США и ЕС смогли договориться о сотрудничестве по довольно широкому спектру торгово-экономических вопросов, но многие разногласия, включая тарифные споры, им не удалось урегулировать. Они решили продвигать совместную повестку по глобальной торговле в рамках ВТО, что является разительным контрастом с периодом администрации Д. Трампа, когда Вашингтон не скрывал своего презрительного отношения к этой международной организации. Однако независимо от того, кто находится в Белом доме, республиканцы или демократы, США используют императив трансатлантической солидарности и экстерриториальность своего законодательства в качестве инструментов подчинения Европы целям американской внешней политики.

## ИСТОЧНИКИ

1. Gross Domestic Product. 7 June, 2023. Available at: <https://www.bea.gov/data/gdp/gross-domestic-product> (accessed 07.07.2023).

2. GDP down by 0.1% and employment up by 0.6% in the euro area. Eurostat, 8 June, 2023. Available at:

<https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/16921720/2-08062023-AP-EN.pdf/70e6937f-93ad-2936-ed03-5dbc9fd762f6> (accessed 23.06.2023).

3. GDP (current US\$) - European Union, United States, China. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?end=2022&locations=EU-US-CN&start=1960> (accessed 20.03.2023).

4. The White House. May 31, 2023. Fact sheet: U.S.- EU Trade and Technology Council deepens transatlantic ties. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/05/31/fact-sheet-u-s-eu-trade-and-technology-council-deepens-transatlantic-ties> (accessed 20.06.2023).

5. Exports, Imports, and Trade Balance of Goods by Country and Area: 2023. Available at: <https://www.census.gov/foreign-trade/balance/c0003.html#2023> (accessed 12.11.2023).

6. U.S. Trade in Advanced Technology Products by Technology Group and Selected Countries and Areas. Available at: [https://www.census.gov/foreign-trade/Press-Release/current\\_press\\_release/ft900.pdf](https://www.census.gov/foreign-trade/Press-Release/current_press_release/ft900.pdf) (accessed 23.06.2023).

7. U.S. Trade in Goods by Principal Commodities. Available at: [https://www.census.gov/foreign-trade/Press-Release/current\\_press\\_release/ft900.pdf](https://www.census.gov/foreign-trade/Press-Release/current_press_release/ft900.pdf) (accessed 16.06.2023).

8. Natural Gas Monthly. May 2023. Available at: <https://www.eia.gov/naturalgas/monthly> (accessed 26.06.2023).

9. J. Reid. 'Discriminatory' measures in U.S. Inflation Reduction Act still need addressing, top EU official says. Available at: <https://www.cnn.com/2023/01/19/still-discriminatory-measures-in-us-inflation-reduction-act-eus-valdis-dombrovskis-.html> (accessed 23.02.2023).

10. M. Scott. Europe's Big Tech rules come at a cost. Look at Threads and Bard. *Politico* (on-line). July 6, 2023. Available at: <https://www.politico.eu/article/3309552> (accessed 23.07.2023).

11. Joint Statement EU-US Trade and Technology Council of 31 May 2023 in Lulea, Sweden. Available at: [https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/statement\\_23\\_2992](https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/statement_23_2992) (accessed 20.06.2023).

## REFERENCES

Eichengreen, B. What Money Can't Buy. *Foreign Affairs*. July-August 2022. Volume 101, № 4. P. 64-73.

Shaffer, B. Europe's Baby Steps Won't Solve Its Energy Crisis. *Foreign Policy*. Fall 2022. No. 246. P. 22-23.

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**ПРИХОДЬКО Олег Владимирович**, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела внешнеполитических исследований Института США и Канады им. Г.А. Арбатова РАН (ИСКРАН). Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., 2/3.

**Oleg V. PRIKHODKO**, Cand. Sci. (History), leading researcher, Department of Foreign Policy Studies, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN), 2/3 Khelbny per., Moscow 121069, Russian Federation.

*Статья поступила в редакцию 27.07.2023 / Received 27.07.2023.*

*Поступила после рецензирования 13.08.2023 / Revised 13.08.2023.*

*Статья принята к публикации 15.08.2023 / Accepted 15.08.2023.*

УДК: 327

DOI: 10.31857/S2686673023120027

EDN: NZAFJK

## Гегемония США в Латинской Америке и возможности по её преодолению: горизонт 2040

**В.А. Голиней**

*Институт Латинской Америки Российской академии наук (ИЛА РАН).*

*Российская Федерация, 115035, Москва, Б. Ордынка, 21/16.*

*ResearcherID: GYE-2156-2022 Scopus Author ID: 58030249600*

*РИНЦ ID: 1045328 ORCID: 0000-0002-1135-2322 e-mail: natli2009@yandex.ru*

---

**Д.М. Розенталь**

*Институт Латинской Америки Российской академии наук (ИЛА РАН).*

*Российская Федерация, 115035, Москва, Б. Ордынка, 21/16.*

*Факультет мировой экономики и мировой политики*

*НИУ «Высшая школа экономики».*

*РФ, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20.*

*ResearcherID: AEZ-3588-2022 Scopus Author ID: 57205422579*

*РИНЦ ID: 844820 ORCID: 0000-0001-9224-3701 e-mail: rozentaldm@gmail.com*

---

**Резюме.** В статье рассматривается феномен гегемонии США в Западном полушарии и возможности его преодоления к 2040 г. Ставится вопрос о целесообразности этой меры для истребления стран региона. Определяются ключевые детерминанты развития межамериканских отношений, а также выявляются ключевые угрозы доминирования Вашингтона. Среди них особую важность имеют усиление позиций крупных держав, прежде всего, Бразилии и Мексики, а также проникновение Китая в Латинскую Америку. Прогностический характер исследования обусловил методологию статьи, при которой актуальные тенденции сопоставляются с видением будущего мирового развития (к середине XXI столетия).

**Ключевые слова:** Латинская Америка, межамериканская система, прогноз 2040, Бразилия, Мексика, энергетические ресурсы, технологическое развитие

**Благодарности:** Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

**Для цитирования:** Голиней В.А., Розенталь Д.М. Гегемония США в Латинской Америке и возможности по её преодолению: горизонт 2040. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2023, 53(12):21-32. DOI: 10.31857/S2686673023120027 EDN: NZAFJK

---

## US Hegemony in Latin America and Opportunities to Overcome It: Horizon 2040

**V.A. Goliney**

*Institute of Latin American Studies of the Russian Academy of Sciences (ILA RAS).*

*Russian Federation, 115035, Moscow, B. Ordynka, 21/16.*

*ResearcherID: GYE-2156-2022 Scopus Author ID: 58030249600*

*РИНЦ ID: 1045328 ORCID: 0000-0002-1135-2322 e-mail: natli2009@yandex.ru*

---

D.M. Rosenthal

*Institute of Latin American Studies of the Russian Academy of Sciences (ILA RAS).*

*Russian Federation, 115035, Moscow, B. Ordynka, 21/16.*

*National Research University Higher School of Economic.*

*Russian Federation, 101000, Moscow, Myasnitskaya str., 20.*

*ResearcherID: AEZ-3588-2022*

*Scopus Author ID: 57205422579*

*РИНЦ ID: 844820 ORCID: 0000-0001-9224-3701 e-mail: rozentaldm@gmail.com*

---

**Abstract.** This article examines the phenomenon of US hegemony in the Western Hemisphere and explores the possibility of overcoming it by 2040. The authors question the expediency of this measure for the countries within the region. The article identifies key determinants of Inter-American relations development. Among the key threats to Washington's dominance, the authors highlight the strengthening positions of major powers, particularly Brazil and Mexico, as well as China. The study's prognostic nature dictates its methodology, wherein current trends are compared with visions of future world development (by the middle of the 21st century).

**Keywords:** Latin America, Inter-American system, forecast 2040, Brazil, Mexico, energy resources, technological development

**Acknowledgements** The article was prepared within the project "Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

**For citation.** Goliney V.A., Rosenthal D.M. US Hegemony in Latin America and Opportunities to Overcome It: Horizon 2040. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture.* 2023; 53 (12): 21-32. DOI: 10.31857/S2686673023120027 EDN: NZAFJK

---

## ВВЕДЕНИЕ

Первая половина XXI века – период появления новых центров силы в Азии, Африке и Латинской Америке. Этот процесс оказывает влияние на интересы крупных субъектов мировой политики, вносит корректировки в традиционную систему альянсов и экономических объединений, а в перспективе может повлиять на положение США, КНР, ЕС и России на глобальной авансцене. Не вызывает сомнений и стремление традиционных великих держав удержать своё первенство.

Этот процесс наблюдается и в Западном полушарии, где Вашингтон предпринимает попытки по сдерживанию восходящих гигантов мировой политики. Это противостояние осложняется двумя противоположными подходами, характерными для латиноамериканских стран. С одной стороны, практика интервенций США привела к чувству неприятия и отторжения североамериканского доминирования. С другой – регион и Соединённые Штаты прочно переплелись политическими, экономическими и культурными связями, стали зависеть друг от друга. В этих условиях преодоление гегемонии Белого дома становится сложной задачей.

В статье ставится вопрос о возможности преодоления традиционной гегемонии США в Западном полушарии. Сегодня такая перспектива воспринимается лишь гипотетически. Вместе с тем повышение веса латиноамериканских государств в мировой политике и экономике (к середине XXI века) повышает вероятность реализации этого сценария. Подобная постановка вопроса придаёт исследованию, в том числе и прогностический характер.

Тема политики США в Западном полушарии хорошо проработана в научной литературе. Можно упомянуть работы отечественных учёных В.П. Сударева [Сударев В.П., 2000], В.Л. Хейфеца и Л.С. Хейфеца [Хейфец В.Л., Хейфец Л.С., 2014], в которых анализируются подходы Белого дома к региону. Исследователь из РФ П.П. Яковлев [Яковлев П.П., 2019] и американский эксперт Р.Э. Эллис [Ellis R.E., 2005] рассмотрели противостояние Вашингтона и Пекина в Латинской Америке. Российский американист А.С. Евсеенко [Евсеенко А.С.] и эксперт из США П. Шифтер [Shifter M., 2021] уделили внимание инициативам администрации Дж. Байдена в регионе.

Задачей перечисленных публикаций стал комплексный анализ межамериканских отношений, однако взгляд в будущее требует наложение существующих тенденций на среднесрочные и долгосрочные прогнозы. В этом смысле большое значение для работы имели публикации Института мировой экономики и международных отношений РАН им. Е.М. Примакова [Мир 2035, 2017], а также открытый доклад Национального совета по разведке (США) [1]. Предположения о развитии бразильской экономики были высказаны в статье отечественного специалиста Л.Н. Симоновой [Симонова Л.Н., 2023]. Существенный вклад в работу внесла монография российских учёных В.М. Давыдова и А.В. Бобровникова, посвященная развитию ведущих латиноамериканских стран [Давыдов В.М., Бобровников А.В. 2009].

## **ДОКТРИНА МОНРО В ЗАПАДНОМ ПОЛУШАРИИ**

Два столетия Западное полушарие воспринималось и продолжает восприниматься истеблишментом Соединённых Штатов зоной их непосредственных интересов. Нахождение в регионе других крупных субъектов мировой политики (прежде всего Китая и России) отождествляется с угрозой безопасности Вашингтона. Эта позиция обусловлена как объективными политико-экономическими интересами США, так и исторической традицией, выраженной доктриной Монро, провозглашенной в 1823 году.

Несмотря на то, что в современной трактовке доктрина Монро приобрела негативную коннотацию и отождествляется с попыткой США установить контроль над странами Латинской Америки [Мартынов Б.Ф., 2022], в момент провозглашения она во многом носила прогрессивный характер. Концепция стала ответом на планы Священного союза по интервенции в бывшие испанские колонии. Вашингтон выступал за три ключевых принципа в отношениях с Европой. Речь шла, во-первых, о невмешательстве в дела Западного полушария, во-вторых, о недопустимости присоединения государств региона к монархическим проектам в Старом Свете [Болховитинов Н.Н., 1959], в-третьих, о предотвращении перехода получивших независимость территорий во владения другим мировым державам [Исэров А.А., 2021: 205].

Администрация Соединённых Штатов стремилась к созданию системы международных отношений, в которой бы учитывались интересы государств Западного полушария. Эти установки разделяла и значительная часть элит бывших испанских колоний. Вместе с тем экономическое и военное доминирование США в регионе неуклонно приводило к политическому лидерству Вашингтона, идеологической основой которого стала доктрина «панамериканизма» [Herman D., 2009]. Постепенно оборонительный характер доктрины Монро трансформировался в наступательный. Разыгрывая карту «коммунистической угрозы» (во второй половине XX столетия основная опасность происходила уже от СССР, а не от европейских держав), Белый дом оказывал давление на неудобные политические силы



[Диас-Кальехас А., 1988], обеспечивая контроль над общественными процессами в регионе.

Первым серьёзным вызовом для доминирования Вашингтона в Западном полушарии стала Кубинская революция и проникновение Советского Союза в Латинскую Америку, затем приход к власти в Чили левого правительства во главе с С. Альенде, в 1979 г. в Никарагуа победила Сандинистская революция. Эти процессы обусловили активную политику США по противодействию СССР в регионе – Белый дом оказывал давление на страны, выступающие за сотрудничество с Москвой. Окончательно угроза активного проникновения коммунизма в Западное полушарие миновала лишь после прекращения холодной войны.

Второй вызов для доминирования США в Латинской Америке произошёл в начале XXI века и был обусловлен «левым поворотом». Приход к власти в ряде государств социально ориентированных правительств изменил расстановку политических сил, вывел на авансцену коренные народы и малообеспеченные слои населения, которые ранее были исключены из общественной жизни. Это явление в значительной степени переформатировало межамериканские отношения и интеграционные процессы в Западном полушарии.

Во многом оно ускорило проникновение в регион крупных субъектов мировой политики – КНР и России. Так, Китай потеснил США с позиции основного торгового партнёра государств Латинской Америки [Лексютина Я.В., 2012]. Москва заняла ведущие позиции на рынке вооружений, продав только в Венесуэлу военную технику на 11 млрд долларов [2].

При этом одной из ключевых причин «левого поворота» стал перенос внимания США на другие регионы мира в начале XXI века. Борьба с терроризмом, активная политика на Ближнем Востоке и Средней Азии не позволяли Вашингтону в полной мере контролировать политические процессы в Западном полушарии. Латиноамериканские страны были вынуждены самостоятельно отвечать на вызовы времени, объединяться в блоки и союзы для решения хозяйственных проблем. Эта регионализация приобрела антиамериканский и в некотором смысле антиимпериалистический оттенок.

Так, странами Латинской Америки зачастую отвергались проекты, предлагаемые Белым домом. Наиболее ярким примером стал отказ от создания Зоны свободной торговли в Западном полушарии (*Área de Libre Comercio de las Americas, ALCA*). Антиамериканское звучание получил созданный Венесуэлой и Кубой Боливарианский альянс для народов нашей Америки (*Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América, ALBA*).

Тем не менее к середине второго десятилетия XXI века проявились признаки кризиса «левого поворота». Он выразился в приходе правых к власти в Аргентине (2015), Бразилии (2016), Боливии (2019). Произошло ослабление позиций боливарианцев в Венесуэле и сандинистов в Никарагуа.

Ослабление левой волны во многом произошло и вследствие действий США в регионе. Начиная с администрации Барака Обамы, Белый дом методично возвращал утраченные при президенте Джордже Буше-младшем позиции [Хейфец В.Л., Хейфец Л.С., 2014]. При Дональде Трампе об актуальности документа 1823 г. заговорили с новой силой. Среди тех, кто выступал за возвращение к его принципам, оказались тогдашний государственный секретарь Рекс Тиллерсон [Friedman M.P., 2018], и советник президента США по национальной безопасности Джон Болтон [John Bolton and the Monroe Doctrine, 2019].

Кроме того, в период кризиса внимание «левых» было сфокусировано на решении внутренних проблем. Необходимость поддержания собственной хозяйственной системы препятствовало их переходу на радикальные позиции. Даже режимы в Венесуэле, Никарагуа и на Кубе, сохранив антиимпериалистическую риторику, были вынуждены занять осторожную позицию на международной арене. Вместе с тем в регионе остался запрос на преодоление гегемонии США. Ему во многом способствует рост потенциала региональных лидеров: Бразилии, Мексики, а также активное проникновение в регион крупных игроков, прежде всего Китая.

## **ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЛИДЕРОВ**

Ход межамериканских отношений во многом будет определяться основными трендами общественного развития, в том числе в области демографии, экономики, институционального строительства. Прогнозирование этих явлений – сложный процесс и не входит в задачи статьи. Вместе с тем анализ актуальных процессов в Западном полушарии позволяет сделать ряд выводов о будущем региона.

В последние десятилетия страны Латинской Америки существенно усилили свои позиции в мировой политике и экономике. Произошло это не только благодаря большому ресурсному потенциалу (можно прогнозировать увеличение их доли в мировых поставках углеводородов) [3], но и активному научно-технологическому развитию в странах-лидерах. Так, Бразилия и Мексика входят в первую десятку государств по числу финтех-компаний [Яковлев П.П., 2023].

В то же время экономическое развитие региона продолжит зависеть от мировой конъюнктуры, в том числе на основные экспортные товары, в особенности сырьё. Колебания цен на мировых рынках в значительной степени отражается на эффективности хозяйственной деятельности, а также на политических и интеграционных процессах. С высокой долей вероятности можно утверждать, что к середине века эта тенденция сохранится и будет сдерживающим фактором для развития стран Латинской Америки.

По-видимому, государства региона переживают демографические изменения, в них наблюдается замедление темпов прироста населения. Тем не менее из-за инерционности этого процесса к 2040 г. ожидается увеличение численности жителей региона до 730 млн человек [4] (в настоящий момент этот показатель составляет примерно 645 миллионов [4]). При этом происходит старение латиноамериканских обществ, что неминуемо повысит нагрузку на бюджеты государств.

Уменьшение экономически активного населения приведёт к увеличению числа бедных. Их доля традиционно колеблется в пределах 25-40%. Аналитики Национального совета по разведке (США) полагают, что к 2040 г. малообеспеченные люди могут составить половину населения региона [5]. Прогнозируется рост крупнейших городов. Так, Мехико и Сан-Паулу к 2035 г. будет проживать 25 млн человек, в Буэнос-Айресе – 17 миллионов [6]. В этих условиях велик риск возрастания социальной напряжённости и запроса на государственный патернализм. Возможно усиление как леворадикальных, так и праворадикальных политических сил.

Кроме того, исследовательская организация *Latinobarometro* в 2023 г. зафиксировала большую долю молодёжи, выступающей против демократического правления [7]. Через 10-15 лет эти люди станут определять политику в своих государствах. Сочетание социальной напряжённости и роста популярности автократии создают предпосылки для идейного конфликта между рядом латиноамериканских стран и

США. Эти противоречия, а также попытки региональных лидеров преодолеть традиционное для Вашингтона доминирование неминуемо приведут к противостоянию с Белым домом.

При этом возможностями для подобного противостояния обладают лишь несколько латиноамериканских государств. Ни Аргентина (из-за продолжающейся нестабильности и колоссальной задолженности перед МВФ), ни Венесуэла (вследствие системного кризиса) не способны преодолеть гегемонию Вашингтона. Потенциалом противодействия США обладают лишь региональные лидеры – Бразилия и Мексика. Не вызывает сомнений их обеспеченность ресурсами. Так, португальговорящая страна – первая по возобновляемым запасам пресной воды, обладает 14,3% мировых лесов и 5,2% сельскохозяйственных площадей. Мексика в 2020 г. входила в первую десятку по производству меди и золота, в 2021 г. она заняла восьмое место среди лидеров по добыче нефти [Montoya J.D., 2023].

Бразилия является одной из основательниц БРИКС, а с приходом к власти Луиса Инасиу Лулы да Силвы она стремится к возвращению в большую политику и готова играть в ней важную роль. Высоко оценивают потенциал «тропического гиганта» и учёные из ИМЭМО РАН, считая, что к середине века страна способна войти в число развитых государств [Мир 2035, 2017: 130]. Вместе с тем это потребует создания национального проекта развития, который сопровождается наличием у элит политической воли для мобилизации ресурсов и защиты национальных интересов [Давыдов В.М., 2009].

Впрочем, стоящие перед страной вызовы (разделенного общества и конкурирующих политических проектов, высокого уровня неравенства и коррупции) станут серьёзным препятствием её развитию. Кроме того, для преодоления гегемонии США Бразилии потребуется пересмотреть или отказаться от налаженных связей с Вашингтоном в сфере обороны и обмена технологиями. Так, в декабре 2021 г. на ежегодных переговорах страны договорились усилить сотрудничество в космической сфере, киберпространстве и в исследованиях и разработках [8]. В этих условиях национальным элитам придётся решать вопрос о целесообразности разрыва традиционных форм кооперации с Белым домом.

Мексика, несмотря на значительный потенциал, в торгово-экономическом и политическом плане прочно связана с США. Страна остаётся вторым торговым партнёром Вашингтона [Jassiel V., 2013], входит в зону свободной торговли с Соединёнными Штатами и Канадой (ЮСМКА – *USMCA*). Глубокая интеграция с северным соседом является естественным препятствием для преодоления гегемонии. Кроме того, Белый дом обладает обширным инструментарием давления на Мексику [Андреев А.С., Розенталь Д.М., 2021].

Преодоление гегемонии Вашингтона побуждает региональных лидеров к выбору собственного пути развития, определённой автономности в экономической и политической повестке [Zea L., 2019]. Вместе с тем реализация этого сценария потребует от ведущих стран региона значительных издержек. Отказ от ориентации на США приведёт к разрыву (или же значительному уменьшению) кооперации в области безопасности и технологического развития. В этих условиях истеблишмент ключевых государств Латинской Америки должен принять решение о целесообразности этой меры.

## ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ВНЕШНИМИ ИГРОКАМИ

Латинская Америка стала важным направлением интересов крупных субъектов мировой политики: КНР, Европейского Союза, Ирана и Турции. Вместе с тем в ближайшие несколько десятков лет лишь Китай имеет реальные возможности выдерживать конкуренцию с Вашингтоном. ЕС не предлагает странам региона альтернативного американскому проекту развития. Остальные игроки не обладают сопоставимым с США экономическим потенциалом.

В последние два десятилетия КНР совершила стремительный прорыв в регион. Стимулом для этого стали как значительные ресурсы стран Западного полушария (растущая экономика Поднебесной нуждалась в углеводородах), так и активный хозяйственный рост, который наблюдался в Латинской Америке в «золотое десятилетие» (2003–2013 гг.). Серьёзность намерений Пекина во многом подтверждалась системным подходом к взаимодействию с государствами-партнёрами. Кооперация осуществлялась не только в области торгово-экономических связей, но и на идеологическом уровне. Речь шла о совпадении «китайской мечты» с чаяниями развивающегося мира [Сафронова Е.И. 2020].

КНР планомерно выстраивала и реализовывала стратегию по проникновению в Западное полушарие. Концепция по взаимодействию со странами региона была опубликована в 2008 г. [9]. В документе фиксировались 4 сферы сотрудничества, которые подразделялись на 34 пункта. В 2014 г. было создан форум Китай - Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна (*Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños, CELAC*) [10]. Он стал площадкой для обсуждения совместных проектов, координации позиций с правительствами государств-членов, позволил запустить ряд важных инфраструктурных проектов.

В 2016 г. в новом доктринальном документе о взаимодействии с Латинской Америкой КНР расширила сферы взаимодействия до 6, детализировав в них 37 пунктов [11]. Страны региона подписали План сотрудничества с Китаем на период 2015–2019 гг., позже он был продолжен на 2022–2024 годы [12]. При этом ключевым инструментом экспансии Пекина остаётся проект «Один пояс – один путь» [13]. К инициативе присоединились 19 государств Западного полушария.

Эти усилия позволили Пекину стать основным торговым партнёром многих стран региона. Так, товарооборот Бразилии с КНР в 2022 г. превысил 157 млрд долл. [14], (экспорт и импорт южноамериканской страны в США за тот же период составил всего 93 млрд долл. [15]). Признаком политической успешности Поднебесной стал отказ целого ряда государств Латинской Америки от признания Тайваня. Так, в XXI веке КНР установил дипломатические отношения с Доминикой, Гренадой и Коста-Рикой, Панамой, Доминиканской Республикой, Сальвадором и Гондурасом.

Для повышения привлекательности правительство азиатской страны активно использует механизмы «мягкой силы», в том числе институты изучения китайского языка и культуры, образовательные обмены. Осуществляется вещание на испанском языке созданного в 2007 г. китайского телеканала.

Белый дом не сразу стал рассматривать проникновение КНР в Латинскую Америку как угрозу своей безопасности. Высокопоставленные чиновники из США, в том числе один из наиболее авторитетных дипломатов Томас Шенон, не выступали против сотрудничества Китая со странами региона. Напротив, Вашингтон и Пекин регулярно обменивались мнениями о ситуации в Западном полушарии [16], стремились координировать свои действия [17].

Вместе с тем риск утратить доминирующее положение в Западном полушарии побудил США к активному противостоянию Пекину в регионе. Так, Вашингтон продвигает тезисы о китайском «неоколониализме», а также усугублении зависимости стран региона от экспорта сырья в Поднебесную. По мнению отечественного востоковеда Е.И. Сафроновой, эта риторика зачастую находит понимание у правых и правопоцентристских правительств [Сафронова Е.И. 2020]. Белый дом стремится вытеснить КНР из Западного полушария. Так, переформатирование НАФТА – Североамериканской зоны свободной торговли (*North American Free Trade Agreement, NAFTA*) в ЮСМКА было направлено и против азиатского гиганта. В договор было включено положение, согласно которому торговый альянс одного из членов с государством нерыночной экономики дает право другим двум выйти из соглашения в течение шести месяцев [Яковлев П.П., 2019].

Вместе с тем объективная потребность в ресурсах и расширении инфраструктурных проектов подталкивает КНР к активной латиноамериканской политике, при этом, в отличие от прошлых лет, её представители не смущаются делать громкие заявления. Так, министр иностранных дел КНР Ван И подчеркнул, что Китай не рассматривает регион как чьим-то «задним двором» [18]. Кроме того, Пекин способен вкладывать значительные средства в исследования и разработки (хоть и меньше, чем США), что к 2040 г. позволит выстроить ему и технологическое сотрудничество со странами Западного полушария.

Вполне справедливо ожидать дальнейшего проникновения КНР в Латинскую Америку. По ряду прогнозов к 2040 г. доля Поднебесной в торговле с регионом может составить 40% [19]. Кроме того, дальнейшее развитие проекта «Один пояс – один путь» значительно усилит позиции китайского капитала в регионе, а использование юаня в валютных операциях сильно возрастет. В этих условиях вероятность переориентации ряда стран региона на Пекин станет значительно выше.

Тревожный звонок для США – стремление ряда стран Латинской Америки вступить в БРИКС. В 2023 г. заявки подали Аргентина, Куба, Венесуэла, Боливия и Гондурас. При этом с каждым годом китайское влияние в объединении усиливается. Потенциальное вступление новых членов усилит позиции Пекина в регионе, неминуемо приведёт к его интенсификации контактов с государствами Западного полушария [Stuenkel O., 2023].

В этих условиях риск Вашингтона к середине века утратить лидерство в регионе становится предельно ощутимым. О возможной утрате позиций уже заявил адмирал К. Фаллер, бывший глава Южного командования США. Президент Дж. Байден назвал КНР «стратегическим конкурентом» [20]. По всей видимости, в ближайшие десятилетия соперничество между двумя гигантами будет усиливаться.

Угроза потери доминирующего положения в Западном полушарии способна побудить Белый дом к активным действиям. Новым проектом Вашингтона стала инициатива «Американского партнёрства ради экономического процветания» (*Americas Partnership for Economic Prosperity*) [21]. Вместе с тем воплощение её в жизнь может натолкнуться на политические сдвиги в регионе, конкуренцию Китая, а также на приход к власти в США другой администрации.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Любое прогнозирование имеет свои пределы. 17 лет, которые отделяют нас от 2040 г., – большой срок. Вместе с тем ключевые детерминанты межамериканских отношений просматриваются уже сегодня. Это борьба за доступ к ресурсам и

технологиям, «фактор роста» восходящих гигантов, прежде всего Бразилии и Мексики, конкуренция США и Китая за влияние в регионе. В этих условиях государствами Латинской Америки придётся определить дальнейший вектор развития.

Стремление к преодолению гегемонии США в регионе характерно лишь для части латиноамериканских элит. Решение этой задачи будет сопровождаться болезненным разрывом сотрудничества по ряду направлений. Вместе с тем по мере повышения веса Бразилии и Мексики (может быть, в перспективе двух десятилетий – Аргентины и Венесуэлы) на мировой арене может поставить этот вопрос с новой силой. Участие латиноамериканских стран в процессах глобального регулирования потребует проведения многовекторной политики с учётом задач собственного социально-экономического развития.

При этом отказ от односторонней ориентации на США не означает переход в китайскую орбиту интересов. Сегодня конкуренция двух гигантов за влияние благоприятно отражается на развитии региона. Вашингтон и Пекин выдвигают инициативы, направленные на инфраструктурное, экономическое и социальное развитие его государств. Вместе с тем в перспективе важной задачей национальных элит может стать выработка собственного проекта развития, учитывающая исторические и культурные особенности латиноамериканских обществ.

## ИСТОЧНИКИ

1. Global trends 2040. Available at: [https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/GlobalTrends\\_2040.pdf](https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/GlobalTrends_2040.pdf) (accessed 5.06.2023).
2. Приоритетные направления развития отношений России с государствами Латинской Америки и Карибского бассейна. Материалы парламентских слушаний (продолжение). *Латинская Америка*, 2013. №12. С. 5-16.
3. Фурсова И. К 2040 году структура энергопотребления в мире сильно изменится. *Российская газета*. 22.12.2015. Available at: <https://rg.ru/2015/12/22/prognoz.html> (accessed 23.07.2023).
4. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2022). World Population Prospects 2022, Online Edition. Available at: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/MostUsed/> (accessed 30.06.2023).
5. Global trends 2040. Five-year regional outlooks, Latin America and the Caribbean. Available at: <https://www.dni.gov/index.php/gt2040-home/gt2040-5-year-regional-outlooks/latin-america> (accessed 6.06.2023).
6. Global trends 2040. Available at: [https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/GlobalTrends\\_2040.pdf](https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/GlobalTrends_2040.pdf) (accessed 5.06.2023).
7. Informe Latinobarómetro 2023: La recesión democrática de América Latina. P. 31. Available at: <https://www.latinobarometro.org/lat.jsp> (accessed 25.08.2023).
8. Brazil: Background and U.S. Relations. Congressional Research Service. May 10, 2022. Available at: <https://sgp.fas.org/crs/row/R46236.pdf> (accessed 30.07.2023).
9. Texto íntegro del Documento sobre la Política de China hacia América Latina y el Caribe. 11.05.2008. Available at: <https://politica-china.org/secciones/documentacion/texto-integro-del-documento-sobre-la-politica-de-china-hacia-america-latina-y-el-caribe-2> (accessed 10.07.2023).
10. The BRICS Policy Center. The China-CELAC Forum. Available at: <https://bricspolicycenter.org/en/china-celac-forum/> (accessed 10.07.2023).
11. Documento sobre la Política de China Hacia América Latina y el Caribe. 24.11.2016. Available at: <https://www.fmprc.gov.cn/esp/wjdt/wjzc/t1418256.shtml> (accessed 10.07.2023).

12. Plan de Acción conjunto de cooperación en áreas claves China-CELAC (2022-2024). Available at: [https://www.fmprc.gov.cn/esp/wjdt/gongbao/202112/t20211213\\_10467311.html](https://www.fmprc.gov.cn/esp/wjdt/gongbao/202112/t20211213_10467311.html) (accessed 10.07.2023).
13. Special Declaration of Santiago of the II Ministerial Meeting of the CELAC-China Forum on the Belt and Road Initiative. Santiago, January 22, 2018. Available at: <http://www.itamaraty.gov.br/images/2ForoCelacChina/Special-Declaration-II-CELAC-CHINA-FORUM-FV-22.1.18.pdf> (accessed 15.07.2023).
14. Imports and exports of Brazil with China from 2015 to 2022. Statista. Jun 27, 2023. Available at: <https://www.statista.com/statistics/1105976/brazil-trade-value-china/> (accessed 13.07.2023).
15. Total value of U.S. trade in goods (export and import) with Brazil from 2000 to 2022. Jul 27, 2023. Available at: <https://www.statista.com/statistics/218284/total-value-of-us-trade-in-goods-with-brazil-since-2004/> (accessed 30.07.2023).
16. Jiang Shixue Triangulation between China, Latin America and the US? China.org. July 19, 2014. Available at: [http://www.china.org.cn/opinion/2014-07/19/content\\_32994867.htm](http://www.china.org.cn/opinion/2014-07/19/content_32994867.htm) (accessed 23.07.2023).
17. Ellis R.E. The United States, Latin America and China: A "Triangular Relationship"? Inter-American Dialog Working Paper. Available at: <https://www.observatorioasiapacifico.org/images/publicaciones/20131219043041TheUnitedStatesLatinAmericaandChina.ATriangularRelationship.pdf> (accessed 20.08.2023).
18. Zhao Jia China with LAC for a shared future. *China Daily*. 7.03.2022. Available at: <https://www.china-daily.com.cn/a/202203/07/WS6225e37ea310cdd39bc8afb6.html> (accessed 13.07.2023).
18. Sullivan, M.P., Lum, T. China's Engagement with Latin America and the Caribbean. Congressional Research Service, IF10982. November 12, 2020. P.1. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/row/IF10982.pdf> (accessed 15.07.2023).
20. Roy, D. China's Growing Influence in Latin America. Council on Foreign Relations. June 15, 2023. Available at: <https://www.cfr.org/background/china-influence-latin-america-argentina-brazil-venezuela-security-energy-bri> (accessed 1.08.2023).
21. Biden-Harris Administration Advances Americas Partnership for Economic Prosperity. Fact Sheet. Available at: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/fact-sheets/2023/january/fact-sheet-biden-harris-administration-advances-americas-partnership-economic-prosperity> (accessed 15.08.2023).

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев А.С., Розенталь Д.М., 2021. Левый регионализм в Латинской Америке: традиции и современность. *PolitBook*. №1. С. 25-47.
- Болховитинов Н.Н. Доктрина Монро (происхождение и характер). М.: Изд-во Института международных отношений, 1959, с. 153-185.
- Давыдов В.М., Бобровников А.В. Роль восходящих гигантов в мировой экономике и политике (шансы Бразилии и Мексики в глобальном измерении). М.: ИЛА РАН, 2009. 234 с.
- Диас-Кальехас А. «Контадора» вызов брошен. Латинская Америка против имперских амбиций США. М.: Прогресс, 1988. 256 с.
- Евсеев А.С., 2021. Инициативы США на латиноамериканском направлении: проблемы и перспективы. *США & Канада: экономика, политика, культура*. №7. С.83-89. DOI: 10.31857/S268667300015578-5

Исэров А.А. США и борьба Латинской Америки за независимость 1815-1830. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011, с. 205.

Лексютина Я.В., 2012. Китай – Активный игрок на просторах Латинской Америки. *Латинская Америка*. №8. С. 22-36.

Мартынов Б.Ф., 2022. Доктрина Монро как воля и представление Соединённых Штатов Америки. *Международная жизнь*. №11. С. 46-57.

Мир 2035. Глобальный прогноз / Под ред. акад. А.А. Дынкина. ИМЭМО им. Е.М. Примакова. М.: Магистр, 2017. 352 с.

Сафронова Е.И. 2020. Латиноамериканский вектор актуальной внешней политики Китая. *Латинская Америка*. №2. С. 30-46.

Симонова Л.Н. 2023. Горизонт 2040. Взгляд из Бразилии. Часть 1. Экология, климат и технологии. *Латинская Америка*. №7. С. 6-22.

Сударев В.П. Взаимозависимость и конфликт интересов. США и Латинская Америка (вторая половина XX века). М.: МГИМО, 2000. 357 с.

Хейфец В.Л. Хейфец Л.С. Латиноамериканская стратегия США на современном этапе. *Актуальные проблемы экономики и управления*. 2014. №4. С. 150-160.

Яковлев П.П. 2019. От НАФТА к ЮСМКА: реформа североамериканской интеграции. *Российский внешнеэкономический вестник*. №1. С. 75-87.

Яковлев П.П. 2019. США и КНР в Латинской Америке: контуры конкуренции. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. №1. С.47-58.

Яковлев П.П. 2023. Мегатренды развития Латинской Америки и экономические интересы России. *Латинская Америка*. №6. С. 6-22.

## REFERENCES

Ellis, R.E. 2005. U.S. National Security Implications of Chinese Involvement in Latin America Jun. 1, Available at: <https://www.jstor.org/stable/resrep11288?seq=44> (accessed 3.08.2023).

Friedman, M.P. Rex Tillerson en Texas, el retorno de la Doctrina Monroe. *Nodal*. Available at: <https://www.nodal.am/2018/02/rex-tillerson-texas-retorno-la-doctrina-monroe-max-paul-friedman/> (accessed 20.08.2023).

Herman, D. 2009. The three roots of the "Manifest Destiny". *American Indian*. No.3 (winter). Pp. 22-25.

Jassiel, V. México y EU 'la rompen': comercio entre los vecinos marca nuevo récord en 2022. *ElFinanciero*. 8.02.2023. Available at: <https://www.elfinanciero.com.mx/economia/2023/02/07/comercio-entre-mexico-eu-marca-record-en-2022-779-mil-308-millones-de-dolares/> (accessed 30.07.2023).

John Bolton and the Monroe Doctrine. *The Economist*. 09.05.2019. Available at: <https://www.economist.com/leaders/2019/05/09/john-bolton-and-the-monroe-doctrine> (accessed: 21.08.2023).

Montoya, J.D. Guíasobrelosrecursos naturales de México. *Desarrollo Sustentable*. 19.07.2023. Available at: <https://www.desarrollosustentable.co/recursos-naturales-de-mexico/> (accessed 30.07.2023).

Shifter, M. A Policy for a Post-American Latin America. How Washington Can Reset Relations with a Region That Needs It Less. *Foreign Affairs*, 3 June 2022. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2022-06-03/policy-post-american-latin-america> (accessed 1.08.2023).



Stuenkel, O. How BRICS Expansion Will Impact South America. *Americas Quarterly*. August 24, 2023. Available at: <https://www.americasquarterly.org/article/how-brics-expansion-will-impact-south-america/> (accessed 25.08.2023).

Zea, L. *Filosofía de la Historia Americana*. México: Universidad Nacional Autónoma de México, Centro de Investigaciones sobre América Latina y el Caribe, 2019, pp. 515-566.

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

**ГОЛИНЕЙ Владимир Андреевич**, кандидат политических наук, старший научный сотрудник ИЛА РАН. Российская Федерация, 115035, Москва, Б. Ордынка, 21/16.

**Vladimir A. GOLINEY**, Candidate of Sciences (Political), Senior Researcher. Institute for Latin American Studies Russian Academy of Science. 21/16 B. Ordynka, Moscow, 115035, Russian Federation.

**РОЗЕНТАЛЬ Дмитрий Михайлович**, кандидат исторических наук, доцент, и.о. директора ИЛА РАН.

Российская Федерация, 115035, Москва, Б. Ордынка, 21/16;

Доцент Факультета мировой экономики и мировой политики

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20.

**Dmitry M. ROZENTAL**, Candidate of Sciences (History), Director at the Institute for Latin American Studies, Russian Academy of Science (ILA RAS).

21/16 B. Ordynka, Moscow, 115035, Russian Federation;

Associate Professor, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economic.

Russian Federation, 101000, Moscow, Myasnitskaya str., 20

*Статья поступила в редакцию 11.08.2023 / Received 11.08.2023.*

*Поступила после рецензирования 26.08.2023 / Revised 26.08.2023.*

*Статья принята к публикации 27.08.2023 / Accepted 27.08.2023.*

УДК 327

DOI: 10.31857/S2686673023120039

EDN: NYHZOO

## Теория международных отношений на примере взаимодействия США и Китая

**В.О. Козлов**

*Институт США и Канады им. Г.А. Арбатова РАН (ИСКРАН).*

*121069, Москва, Хлебный переулок, 2/3.*

*Researcher ID ABI-1581-2020*

*РИНЦ ID 1028443*

*ORCID: 0000-0002-6874-3965*

*e-mail: kozlov-vadm@yandex.ru*

---

**Резюме:** Изучение представлений о Китае в политическом дискурсе США занимает особое место в исследованиях его международного имиджа, поскольку ни одна другая страна не привлекала внимание американской общественности в такой степени и таким противоречивым образом, как Китай. В статье исследуются основные школы теории международных отношений: реалистская, либеральная и конструктивистская. Как показывает анализ, данные парадигмы устанавливают одни представления о Китае, при этом подвергают маргинализации другие не только в Соединённых Штатах, но и во всём мире. Кроме того, рассматриваются разные определения образа и представлен исторический анализ научных работ по репрезентациям Китая – в основном из интерпретивистской традиции. Затем анализируются культурные, медийные и коммуникационные исследования и подходы критических школ. Заключительный раздел работы посвящён обзору направлений постструктуралистской мысли, он показывает, как репрезентативные практики определяют властные отношения через дискурс.

**Ключевые слова:** американо-китайские отношения, внешняя политика США, дискурс, имидж, репрезентация

**Благодарности.** Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

**Для цитирования:** Козлов В.О. Теория международных отношений на примере взаимодействия США и Китая. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2023, 53(12):33-41. DOI: 10.31857/S2686673023120039 EDN: NYHZOO

---

## Theory of International Relations: The Interaction of the USA and China

**V.O. Kozlov**

*Georgy Arbatov Institute for the U.S. and Canada Studies,*

*Russian Academy of Sciences.*

*2/3 Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation.*

*Researcher ID ABI-1581-2020*

*РИНЦ ID 1028443*

*ORCID: 0000-0002-6874-3965*

*e-mail: kozlov-vadm@yandex.ru*

---

**Abstract:** This study examines how China is portrayed in U.S. political discourse, a topic of significant interest in Image Studies. No other country has captured the American public's attention as extensively and controversially as China throughout the history of their bilateral relations. The article explores the main schools of International Relations Theory—realist, liberalist, and constructivist—and demonstrates their pivotal role in shaping China's representation while overlooking other perspectives, both in the United States and globally. The review then delves into various definitions of image and representation, offering a historical overview of work on China's imagery, primarily from an interpretivist tradition. It further examines cultural, media, and communication studies, highlighting specific approaches to analyzing China's portrayal in U.S. political discourse, such as constructivist and critical approaches, including critical constructivism and critical geopolitics. The final section is dedicated to an overview of poststructuralist thought, illustrating how representational practices define power relations through discourse.

**Keywords:** U.S. - China relations, U.S. foreign policy, discourse, image, representation

**Acknowledgements.** The article was prepared within the project "Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

**For citation:** Kozlov, V.O. Theory of International Relations: The Interaction of the USA and China. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, 2023, 53(12):33-41. DOI: 10.31857/S2686673023120039 EDN: NYHZOO

## ВВЕДЕНИЕ

Современные американско-китайские отношения оказывают существенное влияние на динамику развития международной системы, а в науке о международных отношениях считаются наиболее сложными. Противоречия между двумя крупнейшими экономиками мира в последнее время серьёзно обостряются. Большинство политологов озадачены внезапными и противоречивыми действиями администрации Д. Трампа в период, который оказался переломным в восприятии Соединёнными Штатами Китая и в китайском направлении американской внешней политики.

Изучение представлений о Китае в политическом дискурсе США занимает особое место в исследованиях, поскольку ни одна другая страна не привлекала внимания американского народа в такой степени и таким противоречивым образом, как Китай на протяжении всего периода двусторонних отношений. Изучение восприятия во внешней политике имеет долгую историю и занимает центральное место в анализе межгосударственных конфликтов. Тем не менее, подавляющее большинство работ по политике США в отношении Китая по-прежнему пренебрегает идеями и так называемыми «идеациональными» факторами [De Graff N., 2018: 114]. Однако необходимо отметить, что не столько растущие материальные возможности Китая делают его угрозой для Соединённых Штатов, а скорее к этому приводят американское восприятие и понимание китайских намерений как враждебных. С одной стороны, Китай составляет США реальную конкуренцию, которая перетекает из плоскости экономической в политическую. С другой – агрессивный дискурс со стороны США имеет влияние на двусторонние отношения, являясь опосредованно производным от конкуренции в «реальных» областях.

Научные исследования на тему американско-китайских отношений и формирование китайского вектора американской внешней политики оказывают взаимное влияние друг на друга. Эволюция исследования образов и восприятия во

внешней политике США Китая отражает смену внешнеполитических подходов. Необходимо проследить эту эволюцию и выделить основные научные подходы к проблеме восприятия и образов во внешней политике. Некоторые из этих подходов находят своё применение в формировании современной внешней политики США в отношении Китая.

Начиная с основополагающей работы У. Липпмана «Общественное мнение» 1921 г. политологи исследуют влияние восприятий и образов на формирование политической повестки дня и принятие решений [Lippman W., 1960]. Пионеры исследований по изучению внешнеполитического восприятия, К. Боулдинг и Р. Джервис, в основном сосредоточились на роли образов стран во внешнеполитических решениях. Развивая идею, изложенную в знаменитой строке Талмуда, «Мы не видим вещи такими, какие они есть, мы видим вещи такими, какие мы есть» – Боулдинг утверждает, что «именно то, что мы думаем о мире, а не то, на что он похож на самом деле, определяет наше поведение» [Boulding, 1959: 120]. С тех пор эта точка зрения в значительной степени повлияла на исследования конфликтов, их управления и разрешения.

Большинство трудов были посвящены взаимным представлениям и заблуждениям Советского Союза и США во время холодной войны, которые были особенно критичны в свете постоянной угрозы взаимного уничтожения и высокого уровня недоверия. Ряд учёных и лиц, принимающих решения, опасаются подобной эскалации в отношениях между США и Китаем, сравнивая это соперничество великих держав XXI века с советско-американским противостоянием. В том же духе ведущий аналитик политики национальной безопасности и обороны США Г. Эллисон утверждает через призму политического реализма, что США и Китай склонны к конфронтации, используя метафору ловушки Фукидида [Alisson, 2017: 2]. Однако, как показывает последующий анализ, если такие представления о политическом курсе утвердятся, в свою очередь, посредством научного дискурса, то они могут превратить отношения между двумя державами в исключительно антагонистические.

## ТРАДИЦИОНАЛИСТСКИЙ ПОДХОД

Традиционные теории международных отношений (ТМО) играют фундаментальную роль в производстве знаний о международных процессах и, следовательно, оказывают влияние на то, как политические элиты воспринимают и понимают сложные международные проблемы и принимают политические решения. В XXI веке вместе с подъёмом Азии восточная наука в области международных отношений сделала большой скачок вперёд как в создании своих собственных подходов, так и в критике существующего корпуса научных работ, накопленных западными учёными. Одним из наиболее непримиримых критических замечаний, с которым сталкивается современный мейнстрим западных теорий международных отношений, заключается в том, что он, претендуя на объективность, обременён историческими стереотипами, зачастую устаревшими. Его ценностная нагрузка подразумевает предвзятую нормативную базу и склоняется в пользу гегемонии западной культурной логики и идеологии либерального капитализма. Эти предубеждения становятся понятными при изучении того, как американские образы и представления о Китае структурированы в основных теориях.

Экономический рост Китая сопровождался появлением «китайской угрозы» или – её аналогичной и синонимической версии – дискурсом о подъёме Китая.

Г. Йи и Я. Стори отмечают, что эти дискурсы коренятся в реалистских теоретических предположениях [Yee, Storey, 2002: 5]. Они утверждают, что реалистские теории, такие как теория перехода власти или теория гегемонистской стабильности, превращают Китай из экономического конкурента в экзистенциальную угрозу западной гегемонии во главе с США [Yee, Storey, 2002: 47].

В статье о секьюритизации дискурса китайской угрозы, то есть процессах превращения Китая в угрозу безопасности для Запада, У.Сун подчёркивает роль научного дискурса в формировании политической повестки дня [Song W., 2015: 148]. Ч.Пан и Э.Кавальски отождествляют феномен «подъём Китая» с реалистским и либеральным подходами в рамках ТМО, которые порождают конкретные теории, предвзятые по отношению к Китаю [Pan, Kavalski, 2018: 290]. Они призывают заново изобрести словарь теории международных отношений, чтобы адекватно рассмотреть контекст глобальной политики в XXI веке с Китаем на «подъёме» и пересмотреть понятие власти, идентичности, стратегии, дабы избежать предвзятых подходов [Pan, Kavalski, 2018: 295–296].

Хван и Чо справедливо указывают на идеологические аспекты основных ТМО [Cho, 2019]. Их критический анализ реализма, либерализма и конструктивизма в ориенталистской манере выявляет, что цель этих теорий можно свести к производству знаний о Китае, которые отдают предпочтение интересам Запада. Авторы опираются на понятие дискурса по М. Фуко и связи власти и знаний в своей попытке деконструировать западные научные рассуждения в упомянутых школах [Cho, 2019]. Их исследование раскрывает механизмы, с помощью которых эти теории служат для воспроизведения и реструктуризации гегемонистских отношений власти между Западом и Китаем. Устанавливая режимы истины, эти знания создают эпистемологические сообщества, в которых подъём Китая априори воспринимается как «естественная» угроза западному миропорядку [Cho, 2019].

Изучение восприятия часто пересекается с изучением образов. Однако важно проводить различие между этими терминами. Образ – это, прежде всего, когнитивное понятие или категория, тогда как восприятие считается дискурсивной практикой. Исследования образов, как правило, сосредоточены на рассмотрении их в качестве психологической конструкции [Dichter, 1985]. Согласно определению К. Боулдинга, образ — это «общая когнитивная, аффективная и оценочная структура единицы поведения, или её внутренний взгляд на себя и свою вселенную». Другими словами, образ обладает способностью структурировать наше восприятие, наше отношение и наше действие по отношению к объекту наблюдения [Boulding, 1956: 120]. Образ Боулдинга также является историческим. Это означает, что его интерпретация подвержена изменениям с течением времени и зависит от конкретного исторического контекста.

В то время как образ связан с подходами, связанными с психологией, восприятие является основным продуктом в культурологии и занимает центральное место в критических и постструктуралистских подходах к международным отношениям и в основном анализируется с помощью методов анализа дискурса и нарративов [Webb, 2008]. К. Холл в своей основополагающей работе о восприятии подчёркивает её функционирование как практики, посредством которой мы придаём определённый набор значений нашим образам реальности [Hall, 1997: 19–20]. Он также указывает, что представления не принимают форму после того, как происходит событие, ибо события становятся значимыми только через представление, и, таким образом, представление и есть конститутивное событие как таковое [Hall, 1997: 21].

Восприятие также является идеологическим средством, которое придаёт структуру иерархии власти. Опираясь на подход М. Фуко к теории дискурса, Э. Саид установил генеалогию ориенталистских дискурсов. Деконструируя западные представления о Востоке, он определил, что они отражают превосходство Запада над восточной неполноценностью [Said, 1978: 213]. Восток не представлялся объективным образом. Скорее этот подход служил оправданием западной гегемонии и универсальности западных ценностей, идеологии и форм правления [Said, 1978: 100]. Важно отметить, что, как указывает Саид, Запад формирует свою идентичность через процесс отчуждения Другого. Он выделяет несколько основных дискурсов, используемых для создания бинарной оппозиции между Западом и Востоком. С тех пор эта ориенталистская структура используется в качестве аналитического инструмента в различных областях и подходах к изучению восприятия в политическом дискурсе.

Д. Вукович в работе «Китай и ориентализм» представил критическую оценку революционной работы Э. Саида. В ней он прослеживает западную традицию производства знаний в области китаеведения [Vukovich, 2012]. Вукович устанавливает, что принцип *modus operandi* восприятия в этой области исследования — это не иначе, как мыслие Саида, а то, что он называет «становлением одинаковостью», под которым он подразумевает, что Запад вмняет Китаю стремление стать равным Западу. Вукович в значительной степени опирается на основоположников постколониализма, таких как Г. Спивак, и использует его понятие «санкционированного невежества». Кроме того, придуманный им термин «стать тем же самым» соответствует постколониальной концепции мимикрии, согласно которой подчинённая группа усваивает ценности доминирующей [Vukovich, 2012: 35]. Его работа проливает свет на то, как Запад пытается обратить Китай в свою веру в приверженность якобы универсальным ценностям либеральной демократии и капитализма.

Исторические исследования американских представлений о Китае проложили основу для дальнейших критических исследований. Ли подчеркивает важность образов и восприятия в формировании внешней политики США и Китая [Li, 1998: 11]. Он указывает на амбивалентный и противоречивый характер отношений между двумя странами из-за нехватки объективного понимания друг друга того, что он приписывает неточным — в лучшем случае, а искаженным и стереотипным образам — в худшем [Li, 1998: 18-19].

## КОНСТРУКТИВИСТСКИЙ ПОДХОД

Первое всестороннее исследование исторической эволюции американского восприятия Китая было проведено С. Миллером [Miller, 1969]: он проследил его генеалогию с 1785 г. Ему удалось выявить устойчивые стереотипы, составляющие образ Китая среди американской общественности, посредством чего он объясняет загадочное сосуществование положительных и отрицательных архетипов [Miller, 1969: 55]. Анализируя журналистские и медийные образы, американский исследователь Ч. Йесперсен развивает тезис С. Миллера об американском патриотизме, уподобляя его понятию об американской идентичности, и утверждает, что внутривосприимчивые факторы являются наиболее значимыми в формировании восприятия Китая [Jespersen, 1996: 110]. Он выдвигает утверждение о том, что именно самооценка США составляет образ Китая, закладывая основу для критических подходов, основанных на идентичности [Jespersen, 1996: 111].

В рамках конструктивистской традиции Д. Скотт анализирует столетний период в истории отношений между Западом и Китаем, который он обозначает, вслед за Мао Цзэдуном, как «век унижения» [Scott, 2009: 13]. Он утверждает, что восприятие действительно имеет значение в международной политике, поскольку оно отражает существующее распределение власти, указывает на доминирование Запада в создании образов Китая. Исследователь поднимает вопрос, является ли поведение Китая в начале XXI века ответом на отношение к нему Запада. Однако его анализ дискурсов о «Желтой» и «Красной» угрозах оставляет без ответов вопросы о том, как эти американские представления о Китае стали доминирующими и как они влияют на законодательство и процессы принятия политических решений.

Исследователь-конструктивист Э. Гох пытается восполнить этот пробел в исследовании изменений образов Китая в период американско-китайского сближения в 1961 - 1974 гг. [Goh, 2005]. С помощью конструктивистского подхода она анализирует трансформацию представлений о Китае и утверждает, что формирование позитивных образов во время правления Р. Кеннеди и Л. Джонсона имело решающее значение для последующего примирения при Р. Никсоне [Goh, 2005: 216]. Тем не менее, она обходит стороной роль прагматических геополитических соображений, как движущей силы эволюции образа Китая в американской политике.

«Критические» конструктивисты отличаются от обычных направлений в интерпретации роли, которую идентичности играют в формировании внешней политики. Как и другие критические теоретики, они отрицают достижение объективной истины посредством социального исследования. Тунсё в работе о политике США в отношении Тайваня демонстрирует конститутивную связь между идентичностью США и их внешней политикой в отношении Тайваня, которая зависит от изменения внутренних дискурсов в самих Соединённых Штатах [Tunsjø, 2008: 179-180].

Критическая геополитика берёт своё начало как в классической геополитике, так и в постколониальной теории, утверждая, что образ и дискурсивное восприятие страны зависит от её геополитического положения [Tuathail, 1994: 545]. Э. Лэйтам, изучая сообщения СМИ об инциденте столкновения самолётов-разведчиков в 2001 г. выявил устойчивые закономерности в геополитических аналитических фреймах США. Он утверждает, что США придерживаются своего самопровозглашённого права развивать цивилизацию на своих условиях. Китай часто фигурирует в официальных документах США как нецивилизованный и безответственный актор, воспринимается как потенциальная угроза и как страна, которую следует модернизировать по-американски [Latham, 2001: 142-143]. В анализе борьбы за интерпретацию в известных британских газетах Э. Модсли подчёркивает важность языка и образов для производства и продвижения определённых перспектив [Mawdsley, 2008: P. 526].

«Фрейм-анализ» основан на теории фреймов И. Гоффмана и исследует, как определённые события представлены, т.е. оформлены, и в основном применены к медиа-текстам [Goffman, 1974]. Фреймы являются «схемами интерпретации» и разрабатываются политической элитой для продвижения своей повестки дня [Goffman, 1974: 8]. М.Л. Аспироз утверждает, что существует связь между фреймами и политической властью [Aspiroz, 2014: 89]. Г. Голан и Ж. Лукито рассматривают стратегии фрейминга в контексте международных отношений и приходят к выводу, что фрейм «подъём Китая» используется для искажения общественного мнения и укрепления вредных стереотипов о Китае [Golan, Lukito, 2015: 772].

Су-Мэй Оой и Г. Д'Арсенгелис прослеживают «ориенталистские тропы» Китая в политическом дискурсе США в трёх областях — валюте, кибершпионаже и морских спорах [Ooi, D'Arcangelis, 2017]. Они утверждают, что эти темы в представлении Китая должны поддерживать моральное превосходство США в спорах и оправдывать американскую политику сдерживания Пекина [Ooi, D'Arcangelis, 2017: 282-283]. Фэнминь Ян фокусируется на том, как СМИ представляют вопросы, касающиеся Китая, и передают одни точки зрения, пока другие игнорируются или умышленно замалчиваются [Yan, 2020]. Он приходит к выводу, что фреймы Китая воспроизводят и утверждают исторические стереотипы, которые, представляют собой доминирующие способы интерпретации, связанные с западным доминированием [Yan, 2020: 100].

Другой подход к изучению образов в политическом дискурсе - анализ метафор. Метафоры — это когнитивные инструменты, которые структурируют мышление и общую память, поэтому они являются подходящими идеологическими носителями. Миньяо Тан изучает метафорическое представление Китая в средствах массовой информации вопреки логике ориенталистского механизма «отчуждения Другого» Саида и тезисов Вуковича о «становлении Китая модернизированной державой евро-американского типа» [Tang, 2017]. Он приходит к выводу, что метафоры, используемые для представления Китая, неизбежно связаны с западной концепцией «Другого» и представляют собой образы, которые служат идеологическим оправданием политики Запада в отношении КНР [Tang, 2017: 410].

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Критические теории, в противовес позитивистским, задаются в первую очередь вопросом «как?», и изыскания в них нацелены на процессы создания смысловых структур и иерархий знаний, которые лежат в основе понятийного и оперативного аппарата традиционных школ. В отличие от прагматизма, направленного на понимание причин и обоснование определённой политики, целью критических школ является в первую очередь эмансипация. В качестве центральных субъектов выступают дискурс и такие дискурсивные образования как репрезентация. Понятие «репрезентации» как дискурсивного элемента, несущего в себе идеологическое ядро и отражающего властные отношения между референтом и объектом референции, берёт свои истоки в науках об образах.

Конвенциональные теории о международных отношениях в позитивистской традиции — реализм, либерализм, и конструктивизм задаются в первую очередь вопросом «почему?», ставя в центр исследования причинно-следственные связи. Один из недостатков таких подходов заключается в том, что изучаемые явления не поддаются полноценному обоснованию в отрыве от множества факторов, влияющих на их возникновение. В результате такое объяснение оказывается неполноценным.

Однако эти теории априори принимают значения, которыми оперируют, как данностью, обходя стороной процессы создания, как правило, политизированных выводов. Таким образом, конвенциональные теории могут превратиться в идеологическую основу определённого политического курса, как, например, реализм стал идеологическим обоснованием советской угрозы. Мишенью идеологических нападок США в XXI веке стал Китай. С одной стороны, либерализм указывал на путь неизбежной европейской модели модернизации, а реализм, с другой стороны,



обосновал необходимость экономического и геополитического сдерживания Китая. На данный момент реалистский дискурс является наиболее применимым в понимании современной внешней политики США по отношению к Китаю. Тем не менее использование критических подходов с опорой на множество внутренних и внешних факторов необходимо для более глубокого понимания процессов, проходящих в современных американо-китайских отношениях.

## REFERENCES

- Allison, G. Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap? *Brazilian Political Science Review*, 2018, 8. P. 2-17.
- Azpiroz, M.L. Framing and Political Discourse Analysis: Bush's trip to Europe in 2005. *Observatorio*, 2014, 8(3), pp. 75-96.
- Boulding, K.E. National Images and International Systems. *The Journal of Conflict Resolution*, 1959, 3(2), pp. 120-131.
- Boulding, K.E. The Image: Knowledge in Life and Society. University of Michigan Press. Chicago, 1956. 172 p.
- Cho, Y.C., Hwang, Y. Mainstream IR Theoretical Perspectives and Rising China Vis-À-Vis the West: The Logic of Conquest, Conversion and Socialisation. *Journal of Chinese Political Science*. 2019. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11366-019-09620-3>
- De Graaff, N. US-China Relations and the Liberal World Order: Contending Elites, Colliding Visions. *International Affairs*, 2018, 94(1) pp. 113-131.
- Dichter, E. What's in an image. *The Journal of Consumer Marketing*. 1985. No. 1, P. 75-81.
- Goffman, E. Frame analysis: An essay on the organization of experience. CA.: Harvard University Press, 1974. 586 p.
- Goh, E. Constructing the U.S. Rapprochement with China, 1961-1974: From "Red Menace" to "Tacit Ally." New York: Cambridge UP, 2005. 316 p.
- Golan, G. J., and Lukito, J. The Rise of the Dragon? Framing China's Global Leadership. *Elite American Newspapers, International Communication Gazette*. 2015, 77(8), pp. 754-772.
- Hall, S. Representation. Cultural Representations and Signifying Practices. London: Sage/The Open University, 1997. 395 p.
- Jespersen, Ch. American Images of China, 1931-1949. Stanford, California: Stanford University Press, 1996. 254 p.
- Latham, A.A. China in the Contemporary American Geopolitical Imagination. *Asian Affairs*, 2001, 28(3), pp. 138-145.
- Li, H. Introduction: Image and Perception in U.S.-China Relations, in Li, H. and Zh. Hong (eds.) *Image, perception, and the making of U.S.-China relations*. Lanham, Maryland: University Press of America, 1998. P. 10-24.
- Lippmann, W. Public Opinion. N.Y.: Macmillan, 1960. 214 p.
- Mawdsley, E. Fu Manchu versus Dr. Livingstone in the Dark Continent? Representing China, Africa and the West in British broadsheet newspapers. *Political Geography*, 2008, 27, pp. 509-529.
- Miller, S.C. The unwelcome immigrant: the American image of the Chinese, 1785-1882. Berkely and Los Angeles: University of California Press, 1969. 259 p.
- Ooi, S., D'Arcangelis, G. Framing China: Discourses of Othering in US News and Political Rhetoric. *Global Media and China*, 2018, 2(3-4), pp. 269-283.

- Pan, Ch. and Kavalski, E. Theorizing China's Rise in and beyond International Relations. *International Relations of the Asia-Pacific*, 2018, 18(3), pp. 289–311.
- Said, E. Orientalism. NY.: Pantheon Books, 1978. 350 p.
- Scott, D. China and the International System, 1840-1949: Power, Presence, and Perceptions in a Century of Humiliation, Albany: State University of New York, 2009. 358 p.
- Song, W. Securitization of the 'China Threat' Discourse: A Poststructuralist Account. *China Review*, 2015, 15(1). pp. 145-169.
- Tang, M. Metaphorical Mirrors of the West: China in the British Economic Press. *Historia y comunicación social*, 2017, 22(2), pp. 397-413.
- Tuathail, G.O. (Dis)Placing Geopolitics: Writing on the Maps of Global Politics. *Environment and Planning D: Society and Space*. 1994, 12(5), pp. 525–546.
- Tunsjø, Ø. US Taiwan Policy: Constructing the Triangle. New York: Routledge, 2008. 194 p.
- Yee, H. and Storey, I. The China Threat: Perceptions, Myths and Reality London. New York: Routledge. 2002. 412 p.
- Vukovich, D. China and Orientalism. London: Routledge, 2012. 208 p.
- Webb, J. Understanding representation. London: Sage, 2008. 176 p.
- Yan, F. Image, Reality and Media Construction: A Frame Analysis of German Media Representations of China. Singapore: Springer. 2020. 249 p.

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**КОЗЛОВ Вадим Олегович**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела внутриполитических исследований Института США и Канады РАН им. Г.А. Арбатова. Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный переулок, 2/3.

**Vadim O. KOZLOV**, Candidate of Sciences (History), Senior Research Fellow, Department of Internal Political Studies, Georgy Arbatov Institute for the U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences. 2/3 Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 5.07.2023 / Received 5.07.2023.

Поступила после рецензирования 20.07.2023 / Revised 20.07.2023.

Статья принята к публикации 22.07.2023 / Accepted 22.08.2023.

УДК: 327

DOI: 10.31857/S2686673023120040

EDN: NYQDVK

## **Япония в Индо-Тихоокеанской стратегии США: усиление роли для сдерживания Китая**

**Д.А. Кочегуров**

*Институт Соединённых Штатов Америки и Канады*

*им. Г.А. Арбатова Российской академии наук.*

*Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный переулок, д. 2/3.*

*РИНЦ ID: 1033347 ORCID: 0000-0003-4955-033X e-mail: kocheg.dima007@yandex.ru*

---

**Резюме:** Статья посвящена меняющейся роли Японии в рамках двустороннего альянса с США. В первой части отражена эволюция американско-японских отношений до современного этапа; далее внимание фокусируется на наращивании японской стороной военной мощи и модернизации альянса с США при правительствах Синдзо Абэ и Фумио Кисиды. В заключительной части автор доказывает возрастающее значение Японии в контексте американской стратегии «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», рассуждает о перспективах повышения роли Японии в мировой политике и обосновывает её место ключевого союзника США в сдерживании Китая.

**Ключевые слова:** альянс, безопасность, Дж. Байден, ИТР, миропорядок, партнёрство, С. Абэ, Силы самообороны, СНБ, США, Ф. Кисида, Япония

**Для цитирования:** Кочегуров Д.А. Япония в Индо-Тихоокеанской стратегии США: усиление роли для сдерживания Китая. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2023; 53 (12): 42–53. DOI: 10.31857/S2686673023120040 EDN: NYQDVK

---

## **Japan in the US Indo-Pacific Strategy: Strengthening Role to Contain China**

**Dmitry A. Kochegurov**

*Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies,*

*Russian Academy of Sciences (ISKRAN).*

*2/3, Khlebny pereulok, Moscow, 121069, Russian Federation.*

*РИНЦ ID: 1033347 ORCID: 0000-0003-4955-033X e-mail: kocheg.dima007@yandex.ru*

---

**Abstract:** The article is devoted to the changing role of Japan within the framework of the bilateral alliance with the USA. To begin with, the article considers the evolution of US-Japan relations up to the present stage. Further, attention is focused on the build-up by the Japanese side of military power and the modernization of the alliance with the USA under the governments of S. Abe and F. Kishida. The analysis allows the author to move on to the final part, which proves the growing importance of Japan in the context of the American strategy of the 'Free and Open Indo-Pacific Region'. The author discusses the prospects for strengthening Japan's role in world politics as a key US ally in deterring China.

**Keywords:** alliance, security, J. Biden, IPR, world order, partnership, S. Abe, Self-Defense Forces, NSS, USA, F. Kishida, Japan

**For citation:** Kochegurov, D.A. Japan in the US Indo-Pacific Strategy: Strengthening Role to Contain China. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53 (12): 42-53.

DOI: 10.31857/S2686673023120040

EDN: NYQDVK

---

## ВВЕДЕНИЕ

В основе системы взаимоотношений США и Японии лежат два соглашения, подписанные 8 сентября 1951 г.: Сан-Францисский мирный договор и Японо-американский договор безопасности [1]. По ним США обязались защищать Японию, принявшую в 1947 г. пацифистскую Конституцию. Соединённым Штатам было позволено размещать свои военные базы и контингент вооружённых сил на японской территории в обмен на гарантии защиты от внешней агрессии. Сегодня в Японии расположено более 80 военных объектов США и расквартировано больше военнослужащих (55 тыс.), чем в любой другой стране мира [2].

Военно-политический альянс с США органично вписался в рамки «доктрины Ёсиды» – стратегии, определяющей внешнюю политику Японии в эпоху холодной войны. По задумке её автора, премьер-министра С. Ёсиды, Япония опирается на США в области безопасности, в то время как сама фокусируется на восстановлении экономики. Доктрина оказалась на редкость живучей. Со времён С. Ёсиды не было ни одного премьер-министра, который не заявлял бы о том, что для возглавляемого им правительства отношения Японии с США являются важнейшими [Япония в поисках новой глобальной роли, 2014: 88]. Премьер-министр Р. Хасимото, автор «евразийской доктрины», повышающей самостоятельность Токио во внешней политике, начал с заверения Соединённых Штатов в верности их союзу, отметив при этом, что дискуссии в Японии относительно отсутствия необходимости в прежней системе безопасности в постбиполярную эпоху остались в прошлом [Япония в поисках новой глобальной роли, 2014: 93].

В 1954 г. были созданы Силы самообороны Японии, а 19 января 1960 г. в Вашингтоне был подписан новый Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности между США и Японией, который закрепил за японской стороной соответствующее место в американском военно-политическом планировании.

В 1967 г. на фоне переговоров о возвращении Японии контроля над Окинавой премьер-министр Э. Сато провозгласил «Три неядерных принципа» – запрет на владение, производство и ввоз ядерного оружия на японскую территорию. С тех пор Япония полагается на ядерный зонтик США, и чтобы не давать Токио повода думать о ядерном вооружении, Вашингтон регулярно официально подтверждает свои «ядерные гарантии».

В 1970-х годах Япония начала играть более важную роль в альянсе. Этому способствовали как успешное послевоенное восстановление Японии, так и внешнеполитический курс Белого дома – доктрина Никсона, выдвинутая в 1969 г., которая требовала от союзников брать на себя больше обязательств по обеспечению своей безопасности. В 1976 г. образованный в 1956 г. Совет национальной обороны и кабинет министров Японии приняли «Основные направления программы национальной обороны». В 1978 г. были приняты «Руководящие принципы японо-американского сотрудничества в области обороны», благодаря чему союзники начали проводить первые совместные учения. В 1981 г. во время встречи премьер-министра Д. Судзуки с Дж. Картером впервые был применён термин «союз». В 1986 г. был основан Совет обороны и утверждена первая «среднесрочная оборонная программа» сроком на пять лет. Япония стала одной из первых пяти стран, наделённых в 1987 г. статусом «Основной союзник вне НАТО», и в том же году её правительство аннулировало ограничения на размеры военного бюджета.

Война в Персидском заливе 1990–1991 гг. вызвала в стране дебаты о том, позволяет ли Конституция присоединиться к возглавляемой США коалиции с

санкции Совета Безопасности ООН, а в 1992 г. вышел закон, отменяющий запрет на размещение Сил самообороны за рубежом и оговаривающий условия их развёртывания в рамках миротворческих операций.

Вопреки опасениям, окончание холодной войны придало импульс развитию альянса, хотя ситуацию осложняли такие факторы, как полная «закрытость» альянса и крайне низкий уровень транспарентности состояния диалога по вопросам его модернизации [Япония в Восточной Азии... 2009: 151]. В 1995 г. были утверждены новые «Основные направления программы национальной обороны». В 1996 г. на саммите в Токио президент У. Клинтон и премьер-министр Р. Хасимото подписали «Совместную декларацию о союзе безопасности на XXI век», обозначившую сферой интересов альянса весь Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР). В 1997 г. были приняты вторые «Руководящие принципы», расширившие область действия Сил самообороны от островов до «прилежащих районов», определяемых не географически, а ситуационно.

Беспрецедентные для тех времён меры принимались в условиях растущей угрозы со стороны Корейского полуострова после того, как КНДР запустила баллистическую ракету в Японском море и вышла из ДНЯО. В скором времени японские власти поставили вопрос о ПРО, а в 1999 г. стороны подписали ряд документов о начале совместных разработок в этой области. В Докладе по ПРО Министерства обороны США за 2019 г. Япония названа одним из главных партнёров США [3].

В 2001 г. правительство Д. Коидзуми направило Силы самообороны в Индийский океан для обеспечения поддержки военной операции США в Афганистане. В 2003 г. японские подразделения участвовали в постконфликтном урегулировании в Ираке, и это был первый случай, когда Силы самообороны использовались за рубежом без санкции Совета Безопасности ООН.

## СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ С. АБЭ

Премьер-министр Синдзо Абэ – рекордсмен по сроку полномочий (2012–2020 гг.) – усилил позиции Японии в мире, а также укрепил альянс с США. Он был приверженцем философии «правого консерватизма», согласно которой Япония должна демонстрировать преданность союзу с США и вместе с тем решительно избавляться от комплекса поражения во Второй мировой войне, подвести черту под политикой послевоенного времени и начать возрождение в качестве одной из ведущих держав мира [Япония в поисках новой глобальной роли, 2014: 95]. Эта же правоконсервативная группировка поддерживает проведение политики жёсткого ответа на китайский вызов и формирование «пояса сдерживания» КНР.

Грандиозный вклад С. Абэ – его ведущая роль в концептуализации Индо-Тихоокеанского региона (ИТР). Термин, предполагавший «слияние двух морей», был популяризирован С. Абэ с момента его выступления перед индийским парламентом в 2007 г. В 2012 г. С. Абэ дал разъяснение, а сама концепция «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» (СОИТР) (*Free and Open Indo-Pacific, FOIP*) была представлена в Кении в августе 2016 г. как альтернатива китайской инициативе «Пояс и путь».

Видение С. Абэ продвигалось японскими официальными лицами в Вашингтоне и в конечном счёте в 2017 г. администрация Д. Трампа поддержала концепцию СОИТР, что нашло отражение в главных доктринальных документах. Тем не менее для наращивания военного потенциала и превращения в «нормальную страну» – государство, наделённое правом на использование военной силы для защиты своих

интересов, потребовалось устранение соответствующих конституционных ограничений [Российское японоведение... 2015: 44, 47]. С. Абэ выступал за пересмотр 9-й статьи Конституции, где провозглашается отказ от войны как способа разрешения международных споров и, как следствие, от создания собственной армии.

Ещё в декабре 2012 г. кабинетом министров был утверждён проект реформы, переименовывающей Силы самообороны в «вооружённые силы» с наделением правом нанесения превентивного удара по противнику. Сторонники изменений уверены, что установленные ограничения безнадежно устарели в условиях новой геополитической реальности и внешних вызовов. К тому же Силы самообороны постоянно развиваются – это одна из мощнейших армий мира. В рейтинге глобальной военной мощи *Global Firepower 2023* Япония занимает 8-е место, уступая США, России, Китаю, Индии, Великобритании, Южной Корее и Пакистану. Замыкают «Топ-10» Франция и Италия [4]. По объёму финансирования Япония занимает 11-е место в мире, тратя около 39 млрд долл. Стокгольмский международный институт исследований проблем мира (СИПРИ) оценил военные расходы в 46 млрд долл. (10-е место) [5].

В декабре 2013 г. был создан Совет национальной безопасности. Принятый в том же месяце пакет документов – первая Стратегия национальной безопасности (СНБ), «Основные направленные программы национальной обороны» и «Среднесрочная оборонная программа» – свидетельствовал о качественном сдвиге во внешней и оборонной политике Японии. Также был снят запрет на экспорт вооружений.

В июле 2014 г. кабинет министров принял резолюцию с новой юридической интерпретацией Конституции, разрешающей применять право на коллективную самооборону. В сентябре 2015 г. произошёл важный сдвиг – парламент одобрил использование японских военнослужащих в зарубежных операциях для защиты дружественных стран. Принятый закон позволил Силам самообороны действовать в рамках «коллективной самообороны» и тем самым означал разрыв с традиционной политикой пацифизма. Ключевым положением стало то, что упомянутые в законе непредвиденные обстоятельства, связанные с активностью общих с США противников на Тайване и Корейском полуострове, впредь представляют экзистенциальную угрозу безопасности Японии. Эта правка способствовала тому, что США и Япония в третий раз пересмотрели свои «Руководящие принципы» [6].

В мае 2017 г. был сделан исторический шаг на пути к созданию полноценной армии. Символизм события в том, что призыв изменить Конституцию прозвучал от С. Абэ 3 мая, в день празднования её 70-летия. С. Абэ установил предельный срок для пересмотра 9-й статьи до 2020 г., которая узаконивала бы Силы самообороны. В мае 2021 г. была представлена законодательная база для внесения правки в Конституцию – нижняя палата парламента приняла законопроект об общенациональном референдуме.

С победой на выборах 2016 г. Д. Трампа в двусторонних отношениях наступил спад. Однако главам двух государств удалось установить дружеские отношения. В январе 2020 г. на мероприятии, посвящённом 60-летию японо-американского альянса, С. Абэ назвал договор 1960 г. нерушимой опорой, гарантирующей мир, в том числе в космосе и киберпространстве. С. Абэ стал первым иностранным лидером, встретившимся с Д. Трампом после его победы. Тот факт, что Ё. Суга стал первым, с кем Дж. Байден провёл встречу на высшем уровне в апреле 2021 г., подчёркивает, что США придают важное значение отношениям с Японией независимо от того, кто занимает Белый дом.

## МОДЕРНИЗАЦИЯ АЛЬЯНСА С США ПРИ Ф. КИСИДЕ

В марте 2023 г. во время визита в Индию премьер-министр Фумио Кисида представил свою внешнеполитическую стратегию, направленную на сдерживание Китая в русле концепции СОИТР С. Абэ. На встрече Ф. Кисида пригласил премьер-министра Индии Н. Модии на майский саммит Группы семи (G7) и поделился деталями видения СОИТР (поддержка развивающихся экономик, инвестиции в страны ИТР в размере 75 млрд долл.) [7].

Формулируя основные направления внешней политики, авторы «Синей книги по дипломатии» 2023 г. выделяют поддержание и укрепление СОИТР; решение проблем в области безопасности, где приоритетом остаётся укрепление японо-американского альянса; сотрудничество с другими странами, и в том числе с впервые упомянутым «глобальным Югом» [8]. Из документа очевидно, что в ближайшее время японскую внешнюю политику будет определять «китайский фактор», противодействие которому, к слову, приводит к подъёму национализма в Японии. Если раньше национализм был присущ определённой части политических сил и ему противостояли так называемые левые силы, то сейчас, в частности в критике Китая, едины все политические партии страны [Япония в поисках новой глобальной роли, 2014: 82]. Возможно, хотя и маловероятно, что это, в свою очередь, может привести к возрождению экстремистских настроений, направленных на «спасение нации» [Wolferen Karel Van, Реферативное изложение... 1989: 192].

В фокусе внимания авторов «Белой книги обороны Японии, 2022»: (1) усиление конкуренции между государствами в условиях меняющегося глобального баланса сил; (2) сдерживание любой попытки изменить статус-кво путём принуждения за счёт создания архитектуры национальной безопасности и укрепления японо-американского альянса; (3) инвестирование в технологии двойного назначения в области космоса и киберпространства; (4) продвижение сотрудничества в рамках общего видения СОИТР [9].

16 декабря 2022 г. были утверждены три документа в области национальной безопасности, направленные на радикальное преобразование японских вооружённых сил: СНБ, СНО (Основные направления программы национальной обороны) и Программа развития обороны (среднесрочная оборонная программа). Все три стали чётким сигналом о политических намерениях правительства Ф. Кисиды.

Согласно СНБ, международное сообщество вступает в эпоху стратегического соперничества; на карту поставлена судьба нынешнего миропорядка на фоне изменения баланса сил и обострения геополитической конкуренции; ситуация с безопасностью выглядит столь же суровой и сложной, как и со времён окончания Второй мировой войны; мир, разделённый на враждующие демократический и авторитарный лагеря, находится в точке исторического перелома. В сложившихся условиях Япония намерена задействовать более широкий набор военных и дипломатических мер [10].

Из СНБ-2022 ясно, что причина отказа Японии от пацифистской политики коренится в эскалации напряжённости, резком ухудшении ситуации с безопасностью как в регионе в целом, так и на международном уровне. Как считают эксперты, главным катализатором кардинальных перемен стал украинский конфликт, заставивший японскую общественность провести прямые параллели с возможными действиями Китая против Тайваня, что может распространиться на близлежащие Японские острова [11].

Конечно, в основе напряжённости между Китаем и Японией лежит давний территориальный спор по поводу островов Сенкаку (Дяоюйдао), которые

находятся под управлением Японии. Однако актуализируется и тайваньский вопрос. Япония выступает «стержнем» в защите Тайваня для США, но также имеет свой личный интерес: 90% полупроводников производится на Тайване; контролируемый Китаем Тайвань создаст угрозу свободе судоходства; наконец, Токио воспринимает Тайбэй значимым партнёром и ценным другом [12]. В СНО 2021 г. впервые подчёркивается важность поддержания стабильности в Тайваньском проливе [13]. В апреле 2021 г. Дж. Байден и Ё. Суга опубликовали заявление, в котором выразили обеспокоенность по поводу поведения Китая. Многие в японских политических кругах тогда призвали защищать Тайвань в случае войны.

Возвращаясь к СНБ, правительство Ф. Кисиды выделило семь ключевых приоритетов в сфере обороны, требующих радикального преобразования, где самым удивительным стало то, как быстро обладание «возможностями контрудара», то есть способностью напрямую атаковать территорию другой страны в случае чрезвычайной ситуации, превратилось из вопроса, отстаиваемого разве что маргинальными элементами, в вопрос, требующий безотлагательного решения [11]. В ответ на новые вызовы авторы СНБ призывают к фундаментальному укреплению собственного потенциала Японии. Впервые за послевоенную эпоху Силам самообороны предоставлено разрешение реагировать на атаку, нанося удары вглубь вражеской территории. Обещание удвоить расходы на оборону до 2% ВВП в течение пяти лет, что соответствует стандарту НАТО, стало ещё одним нововведением.

Эти две инициативы привлекли наибольшее внимание. Как утверждают эксперты, опубликованные документы знаменуют новую эру в истории страны и американо-японского альянса [14]. Масштабы изменений ошеломляют своим размахом и глубиной и соответствуют давним запросам со стороны США. Новая структура национальной безопасности Японии выглядит одновременно революционной по своим масштабам и эволюционной в реализации многолетних усилий С. Абэ, направленных на то, чтобы Япония стала «нормальной нацией» за счёт снятия послевоенных ограничений [11].

Для выполнения поставленных задач в апреле 2023 г. Токио заключил контракт с «Мицубиси хэви индастрис» (*Mitsubishi Heavy Industries, MHI*) на разработку к 2027 г. гиперзвуковой ракеты для подводных лодок с дальностью полёта 1000 км. *MHI* также будет производить модернизированные ракеты *Type 12* с дальностью полёта около 1500 км. Стоимость двух контрактов оценивается в 2,83 млрд долл. У американцев к 2026 г. будут закуплены 400 крылатых ракет «Томагавк» с дальностью полёта около 1600 км. В целом, Япония потратит примерно 37 млрд долл. на перевооружение в течение следующих пяти лет. Общие расходы на оборону будут увеличены за 2023–2027 гг. до 320 млрд долл. По разным оценкам, военный бюджет Японии составит 75–80 млрд долл., что выведет Японию на 3-е место в мире. В создании истребителя шестого поколения Япония присоединилась к соглашению по Глобальной боевой авиационной программе (*GCAP*) и поделится разработками своего истребителя *F-X* с Великобританией и Италией.

Есть и свои сложности, связанные с увеличением расходов на оборону. Японскую общественность ещё потребуется убедить платить больше налогов. Кроме того, союзникам придётся обновить системы командования и управления, что повысит боевую готовность Японии и способность вести военные действия как сплоченная сила.

13 января 2023 г. на фоне серьёзных преобразований состоялся первый визит Ф. Кисиды в Вашингтон. Дж. Байден назвал встречу «знаменательным моментом для альянса», заверив, что никогда раньше Япония и США не были настолько



близки [15]. Результаты саммита свидетельствовали о трансформации альянса, всё чаще рассматриваемого как инструмент совместного обеспечения стабильного миропорядка, основанного на правилах.

Ещё до прибытия японского лидера 6 января был подписан меморандум о сотрудничестве в области кибербезопасности. Вслед за этим 11 января проведены переговоры Консультативного комитета по безопасности США и Японии в составе глав внешнеполитических и оборонных ведомств двух стран в формате «2+2», где госсекретарь Э. Блинкен и министр обороны Л. Остин выразили полную поддержку японских инициатив [16]. Было объявлено о размещении в Японии до 2025 г. 12-го прибрежного полка морской пехоты США. Подписаны соглашения о развитии НИОКР (*RDT&E*) и безопасности цепочек поставок (*SOSA*). Наконец, до встречи с Дж. Байденом Ф. Кисида анонсировал соглашение о расширении сотрудничества в космосе.

Выступая перед научным сообществом, Ф. Кисида также отметил, что международное сообщество на историческом перепутье, миропорядок под угрозой пересмотра и Япония полна решимости сохранить его вместе с США. Аналогичное объявление относительно плана действий в ИТР Ф. Кисида сделал в июне 2022 г. в Сингапуре, открывая саммит по безопасности в Азии, известный как «Диалог Шангри-Ла» [17].

Растущее осознание того, что безопасность стран – членов НАТО неотделима от безопасности их партнёров в ИТР, привело к активизации сотрудничества по линии НАТО. В 2022 г. Ф. Кисида стал первым премьер-министром Японии, посетившим саммит НАТО в Мадриде. На втором саммите в Вильнюсе в июле 2023 г. японской стороне был предложен план сотрудничества на четыре года. 31 января в Токио с двухдневным визитом прибыл генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг, назвавший Японию «ближайшим и наиболее способным» из всех партнёров альянса. Было решено, что Япония откроет представительство при штаб-квартире НАТО. Если аналогичный офис НАТО будет открыт в Токио, то Япония – «непоколебимый авианосец» США – станет проводником НАТО в ИТР.

## ЯПОНИЯ В ИНДО-ТИХООКЕАНСКОЙ СТРАТЕГИИ США

Для США Япония – ключевой союзник и партнёр в регионе, чьё отсутствие привело бы к распаду всей системы сдерживания Китая. В Японии первыми осознали, что Китай не собирается идти по пути США и что соперничество за написание правил миропорядка будет неизбежным. Поначалу в администрации Б. Обамы полагали, что Япония слишком остро реагирует на подъём Китая. Однако, как писали в журнале «Форин афферс» (*Foreign Affairs*) в 2019 г. идеологи в команде Дж. Байдена, старший советник по Азии К. Кэмпбелл и советник по национальной безопасности Дж. Салливан, «эра взаимодействия с Китаем подошла к нелицеприятному завершению» [18]. В некотором роде стратегия США в ИТР опирается на японские разработки.

В 2011 г. администрация Б. Обамы провозгласила политику «разворота» и «перевзвешивания» в Азию и открыто объявила о первостепенном значении АТР. Б. Обама стремился укрепить американское лидерство в регионе за счёт ТТП – макрорегионального торгово-экономического соглашения. Д. Трамп сместил акцент в пользу двусторонних соглашений, вышел из ТТП и взамен представил стратегию СОИТР. Как новый этап двусторонних отношений, японской стороне тогда был предложен американо-японский экономический диалог.

В дальнейшем стороны договорились о запуске новых партнёрств и форматов, направленных на синхронизацию экономической повестки СОИТР.

Япония последней присоединилась к переговорам о ТТП в марте 2013 г. Но благодаря усилиям Японии как ведущей страны после США и лично С. Абэ в марте 2018 г. 11 оставшихся стран ТТП подписали новое Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнёрстве, ВПСТТП (*Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership, CPTPP*), к которому уже присоединилась Великобритания. Внесённые изменения стали отклонением от американского стандарта и подтвердили стремление Японии заключить обновлённую сделку без участия США. Внешнеэкономическая стратегия Японии длительное время была основана на примате мультилатерализма – доктрины участия в многосторонних организациях [Япония, открытая миру, 2007: 119]. ВПСТТП позволил Японии продемонстрировать свой лидерский потенциал и укрепить позиции в экономическом сдерживании Китая.

Возвращаясь к концепции СОИКР, в октябре 2017 г. термин употребил госсекретарь Р. Тиллерсон в своём выступлении в Центре стратегических и международных исследований (CSIS). Через месяц на саммите АТЭС Д. Трамп отстаивал идею Р. Тиллерсона, и с тех пор концепция стала неотъемлемой частью внешнеполитической стратегии США. В феврале 2018 г. Д. Трамп утвердил Рамочную программу СОИТР. Открывая первый Индо-Тихоокеанский бизнес-форум в июле 2018 г., госсекретарь М. Помпео подробно изложил контуры будущей стратегии США в ИТР. Вице-президент М. Пенс ещё больше расширил взгляды администрации в октябре 2018 г. Концепцию СОИКР приняли на вооружение и военные. В мае 2018 г. министр обороны Дж. Мэттис объявил о переименовании старейшего и крупнейшего среди единых командований – Тихоокеанское (PACOM) на Индо-Тихоокеанское (INDO-PACOM). В декабре 2021 г. госсекретарь Э. Блинкен выступил с речью о подходе новой администрации к СОИКР в Джакарте. Существует версия, что, когда Дж. Байдену пояснили, что концепция была придумана не Д. Трампом, а в Японии, он в итоге не стал ничего менять [19]. В феврале 2022 г. была представлена новая Индо-Тихоокеанская стратегия США [20].

В документах говорится, что концепция СОИТР, представленная Д. Трампом, уловившим её стратегический резонанс, основана на видении С. Абэ, и что видение США в ИТР тесно согласуется с японской версией концепции [21: 8]. Говорится, что японо-американский альянс является краеугольным камнем мира и процветания в ИТР и что интересы двух стран в области безопасности тесно переплетаются [22: 22]. Описывая контуры СОИТР, американская администрация ссылается, в первую очередь, на своих японских союзников [20: 7]; [21: 6]; [22: 6].

Что касается ключевых доктринальных документов, то ни «Временное стратегическое руководство в области национальной безопасности», ни СНБ-2022 не дают полного представления о месте Японии во внешнеполитической стратегии США. Авторы СНБ превосхищают довольно антиутопический мир глобального противостояния великих держав [23]. Главный геополитический вызов для США – Китай. В борьбе за сферы влияния особое место занимает поддержка стран ИТР. Будучи не в состоянии обеспечить своё лидерство в одиночку, США намерены продолжать модернизировать свои альянсы и укреплять коллективный потенциал за счёт «Четвёртки» (QUAD) и АУКУС (AUKUS).

Формат «Четвёртки» в составе Австралии, Индии, США и Японии стал попыткой институционализации СОИТР в качестве одной из опор архитектуры безопасности в ИТР. Этот формат был оформлен в 2007 г. В ноябре 2017 г. принято

решение о возобновлении его деятельности, а первый саммит проведён в сентябре 2021 г. по предложению Ё. Суги.

Как и в случае с ТТП, идея формата «Четвёрки» первоначально исходила от самих стран региона, но впоследствии была признана отвечающей соображениям национальной безопасности США. Однако в первую очередь на запуске формата настоял С. Абэ, и это пример того, как японская сторона формирует стратегическую среду извне, оказывая влияние на политику США больше, чем любая другая страна в мире в настоящее время. Многие видные эксперты сходятся во мнении, что Япония будет надёжным союзником и идейным лидером в Азии [19].

Другим элементом архитектуры безопасности в ИТР стало образование 15 сентября 2021 г. трёхстороннего военного альянса АУКУС в составе Австралии, Великобритании и США. Главной причиной создания альянса является ответ на усиление Китая в ИТР с целью сдерживания его военного потенциала, но также и развитие технологий. Идея АУКУС не является продуктом японской мысли, однако США ждут присоединения Японии, а также Канады и Новой Зеландии.

Накануне четвёртого саммита «Четвёрки» в Токио в мае 2022 г. Дж. Байден объявил о запуске Индо-Тихоокеанской экономической структуры, ИТЭС (*IPEF*) – торгового соглашения с 12 странами региона [24]. Фактически ИТЭС является продолжением политики Б. Обамы и гибкой альтернативой ТТП. Анонсированный проект – логичный шаг США по привлечению партнёров к экономическому сотрудничеству, имеющий конечной целью экономическое сдерживание Китая. На встрече с Ф. Кисидой Дж. Байден высоко оценил стремление к лидерству и подтвердил поддержку постоянного членства Японии в Совете Безопасности ООН [25]. Лидеры двух стран обсудили продвижение СОИТР, проблемы региональной безопасности, укрепление альянса, достижение устойчивого экономического роста с переходом к «новой форме капитализма», ответ на новые глобальные вызовы, интеллектуальный обмен, перспективы двусторонних отношений.

На уже упомянутом саммите в январе 2023 г. Дж. Байден признал, что сотрудничество двух стран беспрецедентно. Оно основывается на общем видении концепции СОИТР и вызовов: от действий Китая, несовместимых с основанным на правилах миропорядком, до провокаций КНДР, против чего США решительно выступают, что требует от них укреплять общий потенциал, и потому Дж. Байден высоко оценивает смелое лидерство Японии. Иными словами, США приветствуют усиление позиций Японии в мире [15].

Тех же взглядов на роль Японии придерживается его администрация [16]. На встрече в формате «2+2» министры подтвердили свою приверженность формату Трёхстороннего стратегического диалога с Австралией и Японией. Было отмечено более активное участие евро-атлантических партнёров в ИТР как на двусторонней основе, так и через многосторонние структуры, такие как НАТО и ЕС, а также ведущая роль Японии в группе партнёров НАТО и ЕС в ИТР. Всё это демонстрирует непоколебимую приверженность США делу защиты Японии и имеет ту же направленность, что и укрепление её оборонного потенциала.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрев проблему усиления роли Японии в Индо-Тихоокеанской стратегии США, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, несомненно, что десятилетия тесного партнёрства в значительной степени сблизили две страны. Альянс с США прошёл испытание временем и

продолжает оставаться основой внешнеполитической и оборонной стратегии Японии. Факты свидетельствуют о решимости японского правительства не отставать от США, постепенно преодолевая ограничения пацифистской Конституции. Последним препятствием на пути повышения политического статуса Японии как великой экономической державы с собственной армией остаётся 9-я статья Конституции.

Во-вторых, есть основания утверждать, что ключевую роль в укреплении международных позиций Японии сыграл С. Абэ. Осуществлённые его кабинетом мероприятия имеют беспрецедентный характер. С. Абэ повысил военно-политический авторитет Японии в мире и заложил фундамент для вывода отношений с США на качественно новый уровень при преемниках Ё. Суге и Ф. Кисиде, которые в основном разделяют его взгляды на внешнюю политику и заинтересованы в модернизации альянса с США.

В-третьих, японо-американский альянс адаптируется к новым амбициям и возможностям Токио. Опубликованные в декабре 2022 г. доктринальные документы, наряду с итогами саммита в январе 2023 г., отражают переоценку японским правительством того, что оно может и должно сделать перед лицом новых вызовов и угроз. Инициативы правительства Ф. Кисиды, вероятно, являются началом серии шагов, направленных на наращивание национальной мощи. В Токио явно намерены обеспечить себе возможность самостоятельного решения вопроса безопасности и тем самым сбалансировать, если не уравновесить альянс с США. Как минимум, Япония выходит на один уровень с государствами – членами НАТО и становится ключевым игроком в американской стратегии сдерживания Китая.

В-четвёртых, как и по ту сторону Тихого океана, в США подчёркивают, что альянс с Японией – краеугольный камень внешней политики в ИТР. Иными словами, Япония играет существенную роль в эволюции системы безопасности и интеграционных процессах. В Вашингтоне осознают, что им не обеспечить свою гегемонию в одиночку и что только с сильными союзниками, способными взять большую ответственность за собственную защиту, удастся сдерживать Китай, и потому приветствуют смелые шаги Токио. Концепция «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» отражает общий подход союзников к проблеме Китая и миропорядка в целом.

## ИСТОЧНИКИ

1. The U.S.-Japan Security Alliance. *Council on Foreign Relations*. November 4, 2021. Available at: <https://www.cfr.org/backgrounder/us-japan-security-alliance> (accessed 10.08.2023).
2. The U.S.-Japan Alliance. *Congressional Research Service*. June 13, 2019. Available at: <https://sgp.fas.org/crs/row/RL33740.pdf> (accessed 10.08.2023).
3. 2019 Missile Defense Review. *U.S. Department of Defense*. Available at: <https://media.defense.gov/2019/Jan/17/2002080666/-1/-1/1/2019-missile-defense-review.pdf> (accessed 10.08.2023).
4. 2023 Military Strength Ranking. *Global Firepower*. Available at: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php> (accessed 10.08.2023).
5. Trends in World Military Expenditure, 2022. *SIPRI*. April 2023. Available at: [https://www.sipri.org/sites/default/files/2023-04/2304\\_fs\\_milex\\_2022.pdf](https://www.sipri.org/sites/default/files/2023-04/2304_fs_milex_2022.pdf) (accessed 10.08.2023).
6. The Guidelines for Japan-U.S. Defense Cooperation. *Japan Ministry of Defense*. Available at: <https://www.mod.go.jp/en/j-us-alliance/guidelines/index.html> (accessed 15.08.2023).

7. Policy Speech by Prime Minister KISHIDA Fumio (New Plan for a “Free and Open Indo-Pacific”). *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. March 20, 2023. Available at: [https://www.mofa.go.jp/fp/pc/page1e\\_000586.html](https://www.mofa.go.jp/fp/pc/page1e_000586.html) (accessed 15.08.23).

8. Overview of the International Situation and Outlook for Japan’s Diplomacy. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. Available at: <https://www.mofa.go.jp/files/100523117.pdf> (accessed 15.08.2023).

9. Defense of Japan 2022. *Japan Ministry of Defense*. Available at: [https://www.mod.go.jp/en/publ/w\\_paper/wp2022/DOJ2022\\_Digest\\_EN.pdf](https://www.mod.go.jp/en/publ/w_paper/wp2022/DOJ2022_Digest_EN.pdf) (accessed 15.08.2023).

10. National Security Strategy of Japan. December, 2022. Available at: <https://www.cas.go.jp/jp/siryoku/221216anzenhoshou/nss-e.pdf> (accessed 15.08.2023).

11. Japan’s Enhanced Military Capabilities Will Support U.S. Strategic Interests. *The Heritage Foundation*. June 5, 2023. Available at: <https://www.heritage.org/asia/report/japans-enhanced-military-capabilities-will-support-us-strategic-interests> (accessed 20.08.2023).

12. Changing defence posture in Japan. *EPRS*. 2023. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2023/739309/EPRS\\_ATA\(2023\)739309\\_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2023/739309/EPRS_ATA(2023)739309_EN.pdf) (accessed 20.08.2023).

13. 2021 Defense of Japan. *Japan Ministry of Defense*. Available at: [https://www.mod.go.jp/en/publ/w\\_paper/wp2021/DOJ2021\\_Digest\\_EN.pdf](https://www.mod.go.jp/en/publ/w_paper/wp2021/DOJ2021_Digest_EN.pdf) (accessed 20.08.2023).

14. Exploring New Horizons: Japan’s Defense Priorities. *CSIS*. Available at: <https://www.csis.org/programs/japan-chair/projects/exploring-new-horizons-japans-defense-priorities> (accessed 20.08.2023).

15. Joint Statement of the United States and Japan. *The White House*. January 13, 2023. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/01/13/joint-statement-of-the-united-states-and-japan/> (accessed 20.08.2023).

16. Joint Statement of the Security Consultative Committee (“2+2”). *U.S. Department of State*. January 11, 2023. Available at: <https://www.state.gov/joint-statement-of-the-security-consultative-committee-22/> (accessed 25.08.2023).

17. Keynote Address by Prime Minister Kishida at the IISS Shangri-La Dialogue 2022. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. June 10, 2022. Available at: [https://www.mofa.go.jp/fp/nsp/page3e\\_001212.html](https://www.mofa.go.jp/fp/nsp/page3e_001212.html) (accessed 25.08.2023).

18. Competition Without Catastrophe. *Foreign Affairs*. August 1, 2019. Available at: [https://www.foreignaffairs.com/articles/china/competition-with-china-without-catastrophe?check\\_logged\\_in=1](https://www.foreignaffairs.com/articles/china/competition-with-china-without-catastrophe?check_logged_in=1) (accessed 25.08.2023).

19. Line of Advantage: Japan’s Grand Strategy in the Era of Shinzo Abe. *CSIS*. April 1, 2022. Available at: <https://www.csis.org/analysis/line-advantage-japans-grand-strategy-era-shinzo-abe> (accessed 25.08.2023).

20. FACT SHEET: Indo-Pacific Strategy of the United States. *The White House*. February 11, 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/02/11/fact-sheet-indo-pacific-strategy-of-the-united-states/> (accessed 25.08.2023).

21. A Free and Open Indo-Pacific. *U.S. Department of State*. November 3, 2019. Available at: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/11/Free-and-Open-Indo-Pacific-4Nov2019.pdf> (accessed 30.08.2023).

22. 2019 Indo-Pacific Strategy Report. *U.S. Department of Defense*. June 1, 2019. Available at: <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF> (accessed 30.08.2023).

23. National Security Strategy. *The White House*. October 12, 2022. Available at: <<https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed 30.08.2023).

24. President Biden Launches the Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity. *YouTube*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=C3KNDPv7LvY> (accessed 30.08.2023).

25. President Biden Holds News Conference with Japanese Prime Minister. *C-SPAN*. May 23, 2022. Available at: <https://www.c-span.org/video/?520486-1/president-biden-holds-news-conference-japanese-prime-minister> (accessed 30.08.2023).

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Реферативное изложение книги: Wolferen Karel Van. *The Enigma of Japanese Power: People and Politics in a Stateless Nation*. L.: Macmillan, 1989. 496 p.

Российское японоведение сегодня: к 20-летию Ассоциации японоведов. М.: ИДВ РАН, 2015. 524 с.

Япония в Восточной Азии: внутреннее и внешнее измерения. Сборник статей. Институт международных исследований. М.: МГИМО – Университет, 2009. 236 с.

Япония в поисках новой глобальной роли. Институт востоковедения РАН; Институт Дальнего Востока РАН; Ассоциация японоведов. М.: Наука. Восточная литература, 2014. 303 с.

Япония, открытая миру / Руководитель проекта Э.В. Молодякова. М.: АИРО – XXI. 2007. 308 с.

## REFERENCES

Japan in East Asia: Internal and External Dimensions. Collection of articles / Institute of International Studies. M.: MGIMO - University, 2009. 236 p.

Japan in Search of a New Global Role / Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; Institute of Far East RAS; Association of Japanese Studies. M.: Nauka. Eastern literature, 2014. 303 p.

Japan, Open to the World / Project Manager E.V. Molodyakova. M.: AIRO - XXI. 2007. 308 p.

Russian Japanese Studies Today: to the 20th Anniversary of the Association of Japanese Studies. M.: IFES RAS, 2015. 524 p.

Summary of the book: Wolferen Karel Van. *The Enigma of Japanese Power: People and Politics in a Stateless Nation*. L.: Macmillan, 1989. 496 p. 30.

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**КОЧЕГУРОВ Дмитрий Александрович**, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт Соединённых Штатов Америки и Канады им. Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).  
Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный переулок, д. 2/3.

**Dmitry A. KOCHEGUROV**, Candidate of Sciences (Politics), Senior Researcher, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences.  
2/3, Khlebyny pereulok, Moscow, 121069, Russian Federation.

*Статья поступила в редакцию 12.09.2023 / Received 12.09.2023.*

*Поступила после рецензирования 23.09.2023 / Revised 23.09.2023.*

*Статья принята к публикации 25.09.2023 / Accepted 25.09.2023.*

УДК: 339.9

DOI: 10.31857/S2686673023120052

EDN: NYSTOR

## «Антикитайский курс» и расширение кооперации США с союзниками в АТР

**К.О. Чудинова**

*Национальный исследовательский институт мировой экономики  
и международных отношений имени Е.М. Примакова  
Российской академии наук (ИМЭМО РАН).*

*Российская Федерация, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23.*

*РИНЦ ID: 767071*

*ORCID: 0000-0002-5557-8956*

*e-mail: xenia.chudinova@gmail.com*

---

**Резюме.** При администрации Дж. Байдена формируется новая американская внешне-торговая стратегия, в рамках которой проведение промышленной политики и поддержка американских производителей критически важных товаров сочетаются с контролем над трансфером технологий. Для «частичного разъединения» с экономикой КНР, трансформации и диверсификации цепочек создания стоимости в приоритетных отраслях США укрепляют свою систему союзов в АТР, расширяя научно-производственные связи с «дружественными» экономиками.

**Ключевые слова:** США, научно-производственная кооперация, трансформация цепочек поставок, внешнеторговая политика

**Благодарности.** Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

**Для цитирования:** Чудинова К.О. «Антикитайский курс» и расширение кооперации США с союзниками в АТР. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2023; 53 (12): 54–63. DOI: 10.31857/S2686673023120052 EDN: NYSTOR

---

## ‘Anti-Chinese’ Course and Expansion of US Cooperation with Allies in the Asia-Pacific

**Ksenia O. Chudinova**

*Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations  
Russian Academy of Sciences (IMEMO),*

*23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.*

*РИНЦ ID: 767071*

*ORCID: 0000-0002-5557-8956*

*e-mail: xenia.chudinova@gmail.com*

---

**Abstract:** The new American economic policy emphasizes economic security priorities, including efforts to ensure greater autonomy and resilience in key supply chains. Considerable effort is dedicated to partial ‘decoupling’ from China in strategic industries such as semiconductors and critical minerals. The Biden administration actively fosters scientific and industrial co-operation within bilateral and multilateral alliances in the Asia-Pacific region.

**Keywords:** USA, 'decoupling', scientific and industrial cooperation, supply chains reconfiguration, US foreign trade policy

**Acknowledgements.** The article was prepared within the project "Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

**For citation:** Chudinova, K.O. 'Anti-Chinese' Course and Expansion of US Cooperation with Allies in the Asia-Pacific. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53 (12): 54-63. DOI: 10.31857/S2686673023120052 EDN: NYSTOR

---

## ВВЕДЕНИЕ

Результатом текущей фазы глобализации стало сокращение числа рабочих мест в производственном секторе, частичная деиндустриализация развитых стран и быстрая индустриализация отдельных развивающихся стран, в первую очередь КНР, которые извлекали выгоду из притока технологий [Baldwin R., Okubo N., 2019]. Сдвиг в специализации виден по доле США в мировом выпуске электроники, которая за последние 25 лет снизилась с 30% до 5 [1]. Американские компании продолжают лидировать в разработке и инновациях для сектора ИКТ и представлять ведущие бренды на мировом рынке, включая коммуникационное оборудование, компьютеры и системы хранения данных, но в производстве лидирует Китай. Остаётся высокой зависимость американских компаний от импорта сырья и комплектующих из КНР.

В экономической политике США как при президенте Д. Трампе, так и при президенте Дж. Байдене на первый план выходит задача обеспечения экономической безопасности и технологического лидерства Америки, при этом приоритетное внимание уделяется победе в «стратегической конкуренции» с КНР. Как сформулировано в Программе торговой политики 2023 г. (*Trade Policy Agenda 2023*), США должны «взаимодействовать с Китаем и конкурировать с ним с позиции силы <...> Предпринимаются шаги по повышению устойчивости цепочки поставок <...> Рассматриваются все инструменты <...> для снижения ущерба от нерыночных практик Китая <...> В ближайшие десятилетия конкурентоспособность будет в значительной степени определяться тем, насколько в стране развиты высокотехнологичные и цифровые сектора экономики, а также прохождением энергетического и климатического перехода <...> Взаимодействие с партнерами и союзниками в Индо-Тихоокеанском регионе имеет решающее значение для успешного достижения [США] этих целей <...>» [2].

В первой половине 2023 г. наблюдалось некоторое смягчение риторики в отношении Китая: представители администрации стали чаще говорить не о «разъединении», а о «снижении рисков» в двусторонних экономических отношениях и о необходимости развивать сотрудничество с КНР в интересах противодействия глобальным вызовам, в частности изменению климата. Подчёркивается, что усилия США не направлены на сдерживание экономического роста КНР, а только на снижение ущерба от её «нерыночных методов».

На практике администрация продолжает работать над реализацией комплекса мер в рамках своей экономической стратегии, куда входит как осуществление масштабной промышленной политики, направленной на реиндустриализацию американской экономики и снижение зависимости от импорта из Китая, так и меры



по ослаблению научно-технического потенциала КНР путём ограничения экспорта стратегически важных товаров и контроля над трансфером технологий.

## НОВЫЕ РАМКИ АМЕРИКАНСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Если рассматривать современную экономическую политику США в ракурсе «стратегического технологического соперничества» с Китаем, то представляется удобным разделение мер, принимаемых администрацией, на оборонительные и наступательные. Оборонительными, как пишет, например, Й. Бейтман [3], являются ограничительные меры, направленные на борьбу с внешними угрозами. К ним можно отнести контроль над передачей технологий, ограничения на входящие и исходящие потоки инвестиций, и т. д. Данные виды ограничений становятся всё более многочисленными и сложными, в особенности это касается ужесточения системы экспортного контроля за последние пять лет.

В 2021–2022 гг. был достигнут значительный прогресс в реализации комплекса наступательных мер, куда входит проведение промышленной политики, направленной на повышение конкурентоспособности американских предприятий, развитие направлений, обеспечивающих технологическое лидерство США, а также увеличение инвестиций в сектор НИОКР и в образование. Администрация Байдена реализует существенное расширение государственно-частного партнёрства в трёх приоритетных областях: инфраструктурном строительстве, разработке и защите критически важных технологий и в производстве экологически чистой энергии (в том числе в кооперации со странами, у которых имеется соглашение о свободной торговле с США). Для реализации этих задач администрации удалось провести через Конгресс закон «Об инвестициях в инфраструктуру и рабочих местах» (*Infrastructure Investment and Jobs Act*), закон «О ЧИПС и науке», называемый иногда в переводах закон «О чипах и науке» (*CHIPS and Science Act*), и закон «О снижении инфляции» (*Inflation Reduction Act*).

В то же время экономическая безопасность и технологический прогресс США не могут быть в полной мере обеспечены в ряде секторов без тесного сотрудничества с другими странами, что в первую очередь относится к полупроводниковой промышленности и к цепочкам поставок стратегически важных полезных ископаемых. Дефицит полупроводников в 2020–2022 гг. стал очередной иллюстрацией важности поставок микросхем для бесперебойного функционирования мировой экономики. Общий объём продаж микросхем резко увеличился во время пандемии ковид-19 с 412 млрд долл. в 2019 г. до 556 млрд долл. в 2021 г. [Global Semiconductor Sales...] и в ближайшее десятилетие будет продолжать расти. Например, консалтинговая фирма «Мак-Кинзи и компания» (*McKinsey & Company*) в 2022 г. прогнозировала, что темпы роста мирового рынка полупроводников могут составлять в среднем 6–8% в год до 2030 г., когда оборот достигнет одного трлн долл. [Burkacky O., Dragon J., Lehmann N., 2022]. Зависимость от поставок микросхем из экономик Восточной Азии, в первую очередь Тайваня, является одной из основных причин, побуждающих американскую администрацию вкладывать средства в рещоринг и «френшоринг» полупроводниковой промышленности.

Другой сферой, где в случае прекращения поставок волновые эффекты могут распространяться по звеньям многочисленных производственных цепочек, приводя к сбоям и останавливая или замедляя производственные процессы, является добыча и обработка определённых видов минерального сырья. «Критически важные минералы», согласно определению из закона об энергетике 2020 г., являются

нетопливными полезными ископаемыми или минеральными материалами, необходимыми для обеспечения экономической или национальной безопасности США, цепочка поставок которых может быть нарушена [4]. В Соединённых Штатах в 2021 г. более половины видимого потребления 47 видов нетопливного минерального сырья приходилось на поставки из-за рубежа, по 17 из них зависимость от чистого импорта составляла 100%. Китай был ведущим поставщиком (зависимость от чистого импорта более 50%) 25 категорий полезных ископаемых [Mineral commodity summaries 2022].

Администрация Байдена всё в большей степени действует, руководствуясь не только соображениями экономической реальности, но и в интересах защиты национальной безопасности, опасаясь возможного использования в качестве оружия (*weaponization*) поставок стратегически важных товаров. Как высказался в своём выступлении в апреле 2023 г. советник по национальной безопасности Джейк Салливан, «более 80% критически важных полезных ископаемых перерабатываются одной страной, Китаем. Цепочки поставок в области экологически чистой энергетики рискуют превратиться в оружие так же, как нефть в 1970-х годах или природный газ в Европе в 2022 г.» [5].

Формируются контуры новой американской внешнеторговой стратегии, в которой особое внимание уделяется экономической безопасности и научно-производственной кооперации в рамках двусторонних и многосторонних альянсов. Администрация создаёт стимулы для перемещения или создания производственных мощностей в стратегически важных секторах в близлежащих регионах (например, в странах ЮСМКА), а также в дружественных экономиках (например, в рамках американо-японского партнёрства). Целью является, с одной стороны, диверсификация поставок и реконфигурация части цепочек добавленной стоимости на «дружественных» территориях, с другой – противодействие возможным манипуляциям и «экономическому принуждению» со стороны КНР.

## НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Поскольку двусторонние форматы часто позволяют более предметно подходить к решению задач, администрация Байдена уделяет много внимания отдельным переговорам с ключевыми союзниками в АТР, в первую очередь с Японией. Был достигнут значительный прогресс в формировании общего подхода США и Японии к вопросам обеспечения экономической безопасности. Многочисленные двусторонние договорённости, заключённые в 2021–2022 г., в частности «Партнёрство в сфере конкурентоспособности и обеспечения устойчивости», свидетельствовали о важности повестки противодействия угрозам экономической безопасности как для США, так и для Японии, и о сближении позиций двух сторон. В конце 2022 – начале 2023 г. США и Япония перешли к конкретным согласованным действиям по нескольким стратегически важным направлениям, в том числе по ужесточению экспортного контроля и совместному производству полупроводниковой продукции и по диверсификации поставок полезных ископаемых.

На долю японских компаний приходится 35% мировых поставок оборудования для производства полупроводников и примерно половина поставок полупроводниковых материалов [Khan S.M., Mann A., Peterson D., 2021]. После одностороннего решения США в октябре 2022 г. ввести контроль в отношении передовых полупроводниковых микросхем, оборудования и материалов, используемых для их производства, следующим обязательным шагом было получение поддержки

основных экспортёров оборудования – Японии и Нидерландов. К началу 2023 г. три страны достигли соглашения об ограничении поставок и значительном расширении списка товаров, которые подлежат жёсткому экспортному контролю. Что касается научно-производственной кооперации, то в 2022 г. США и Япония совместно создали исследовательский центр, специализирующийся на микросхемах следующего поколения, а для производства чипов по технологии 2 нм была открыта компания «Рапидус» (*Rapidus*), которая получила несколько патентов от Ай-би-эм (IBM).

По другому важнейшему направлению – управлению цепочками минерального сырья – в марте 2023 г. между США и Японией было заключено Соглашение о сотрудничестве в целях укрепления цепочек поставок критически важных полезных ископаемых (*Agreement on Strengthening Critical Minerals Supply Chains*). Стороны обязались не вводить экспортные пошлины на критически важные минералы, используемые в том числе для изготовления аккумуляторов электромобилей (в частности, на поставки кобальта, графита, лития, марганца и никеля), осуществлять проверку зарубежных инвестиций в этот сектор, противодействовать «нерыночным практикам» и т. д. [6].

В логике переплетения экономических и внеэкономических мотиваций развивается и двустороннее сотрудничество в борьбе с принудительным трудом. В январе 2023 г. в рамках американо-японского торгового партнёрства США и Япония подписали Меморандум о создании рабочей группы для координации действий в деле защиты международных трудовых норм и прав трудящихся, в том числе с целью «препятствовать использованию принудительного труда и повышать устойчивость цепочек поставок» [7]. Подобная договорённость появилась, вероятно, как следствие жёсткой позиции американской администрации по проблеме принудительного труда в отдельных районах Китая. В июне 2022 г. в США был принят специальный закон, запрещающий поставки товаров, произведённых в Синьцзяне [8]. С появлением новой рабочей группы и выработкой соответствующих рекомендаций у японского бизнеса будет больше возможностей избежать попадания продукции под американские ограничения.

Несмотря на определённый прогресс, США и Япония, по сути, только начали процесс согласования действий в сфере обеспечения экономической безопасности. Научно-производственная кооперация по критически важным направлениям, с одной стороны, представляется обеим странам необходимой и уже реализуется, с другой – сопряжена с многочисленными затруднениями и потребует значительных инвестиций в течение длительного промежутка времени.

## МНОГОСТОРОННЕЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В КРИТИЧЕСКИ ВАЖНЫХ СЕКТОРАХ: США И КОАЛИЦИИ В АТР

Концепция «экономическая безопасность – это национальная безопасность» в возрастающей степени определяет экономическую политику стран АТР. Угрозы, создаваемые зависимостью от экономики КНР и другими внешними факторами риска и нестабильности, заставляют их стремиться к повышению устойчивости к экономическим потрясениям и защите своей производственной базы. Диверсификация, реструктуризация и снижение уязвимости цепочек поставок являются приоритетами, которые разделяют большинство американских союзников. За последние два года в АТР появился ряд новых двусторонних и многосторонних инициатив как с участием США, так и без них.

Например, ГЦСС по добыче и обработке полезных ископаемых вошли в список приоритетных направлений сотрудничества в рамках следующих инициатив [9]:

- Партнёрство США и Японии в сфере конкурентоспособности и обеспечения устойчивости (*CoRe*), 2021 г.

- Соглашение между Кореей и Австралией о важнейших полезных ископаемых, 2021 г.

- Инициатива Японии, Австралии и Индии по обеспечению устойчивости цепочек поставок, 2021 г.

- Партнёрство по обеспечению безопасности в сфере поставок полезных ископаемых (*Minerals Security Partnership*) между странами ЕС, Австралией, Канадой, Финляндией, Францией, Германией, Японией, Республикой Корея, Швецией, Великобританией, США, 2022 г.

- Американское ИТЭРС (Индо-Тихоокеанское экономическое рамочное соглашение), куда вошли США, Япония, Австралия, Бруней, Индия, Индонезия, Малайзия, Новая Зеландия, Филиппины, Сингапур, Республика Корея, Таиланд, Вьетнам, Фиджи, 2022 г.

Что касается полупроводниковой промышленности, то наиболее значимыми для стратегии США в регионе можно назвать три формата: двусторонние альянсы, в первую очередь, с Японией, специализированный «полупроводниковый» союз *Chip 4*, а также Четырёхсторонний диалог и ИТЭРС, где микросхемы занимают особое место в повестке.

Альянс *Chip 4* — технологическое партнёрство США, Республики Корея, Японии и Тайваня, целью которого является диверсификация цепочек поставок полупроводников в регионе и сокращение влияния Китая на отрасль, имеющую решающее значение для национальной безопасности. На четыре экономики *Chip 4* приходится 82% мирового промышленного производства полупроводников [Benson E., Quitzon J., Reinsch W.A., 2023], причём участники обладают взаимодополняющими сравнительными преимуществами. Однако союз был создан совсем недавно, первая встреча прошла в феврале 2023 г., и пока трудно сказать, насколько реалистична поставленная цель по налаживанию производственной кооперации между крупными конкурирующими компаниями.

В рамках Четырёхстороннего диалога функционируют рабочие группы по ряду вопросов, включая технологические инновации и устойчивость цепочки поставок.

ИТЭРС занимает центральное место во внешней торговой политике администрации Байдена в АТР [10]. Инициатива также дополняет региональные программы по обеспечению национальной безопасности. Сотрудничество членов ИТЭРС должно развиваться по четырём основным направлениям: торговля и цифровая экономика; устойчивые цепочки поставок; инфраструктура, декарбонизация и чистая энергетика; борьба с коррупцией и соответствие международным практикам регулирования [11].

Сильной стороной кооперации в рамках ИТЭРС являются взаимодополняющие сравнительные преимущества участников, позволяющие углублять экономическую интеграцию. Сотрудничество по цепочкам поставок полупроводников в рамках ИТЭРС может дать Соединённым Штатам возможность заложить фундамент для расширения региональной торговли новейшими технологиями между партнёрами и в регионе. Однако соглашение не предусматривает ни экономических стимулов (например, либерализации тарифов), ни механизма принуждения, поскольку новая «протекционистская» внешнеторговая политика США

подразумевает отход от опоры на полноценные соглашения о свободной торговле. Такой подход снижает мотивацию стран региона участвовать в американских инициативах. Недавние договорённости по ГЦСС пока также носят довольно общий характер и включают меры по обмену информацией и повышению квалификации рабочей силы, но не создание запасов продукции или конкретные шаги по предотвращению волновых эффектов от внешних шоков на цепочки поставок.

## **«ПРОТЕКЦИОНИЗМ» И СВОБОДНАЯ ТОРГОВЛЯ: ТРУДНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С СОЮЗНИКАМИ**

Сочетание масштабной промышленной политики с требованиями обеспечения широко определяемой экономической безопасности вполне подходит под определение «протекционизма». Возникает противоречивая ситуация, когда США требуют от КНР соблюдения правил «справедливой» торговли, однако их собственную экономическую политику уже начинают определять как «неомеркантилизм» [12]. На пути реализации американской внешнеторговой политики в АТР возникает как минимум несколько трудностей.

Согласование мер экспортного контроля представляет собой сложную задачу даже в формате двусторонних отношений, причём как с точки зрения вводимых ограничений, так и с точки зрения производственной кооперации. Компании, которые десятилетиями вкладывают значительные средства в НИОКР, в редких случаях будут готовы сразу делиться наработками и сотрудничать. Для многосторонних форматов трудностикратно увеличиваются.

Неясно, насколько согласованный или частично согласованный подход к экспортному контролю стабилизирует ГЦСС, а насколько – разбалансирует, создавая дополнительные неожиданные препятствия для поставок технологически сложных товаров, сборка которых требует многократного перемещения через государственные границы комплектующих и материалов. Например, если посмотреть на расположение заводов, выпускающих полупроводниковые пластины, то на январь 2022 г. американские фирмы управляли 11 фабриками, расположенными в КНР. У южнокорейских фирм, в том числе у «Самсунга» (*Samsung*) и «Эс-кей Хайникс» (*SK Hynix*), также было 11 заводов в Китае. У тайваньских производителей – 13 предприятий. Однако после объявления о новых мерах экспортного контроля 7 октября 2022 г. многие из этих фабрик, принадлежащих зарубежным инвесторам или управляемых иностранцами, приостановили свою деятельность, и через год картина может существенно отличаться от нынешней [Benson E., Quitzon J., Reinsch W.A., 2023].

Для таких корпораций, как «Эппл», «Боинг», «Дженерал моторс», «Интел», «Квалкомм» (*Apple, Boeing, GM, Intel, Qualcomm*), Китай часто является крупнейшим зарубежным рынком, вход на который занял у этих компаний многие годы. Они хотят избежать репрессивных мер как американского, так и китайского правительства, и вынуждены подчиняться ограничениям, иногда в обмен на участие в «гонке субсидий». Но о противоречивом отношении бизнеса к вопросам «разъединения» свидетельствует, например, недавний опрос компании «Мак-Кинзи». Он показал, что доля американских ТНК, считающих Китай одним из трёх основных направлений осуществления инвестиционной деятельности, снизилась с 77% в 2010 г. до 45% в 2022 г. [Woetzel J., Ngai J., Seong J., Ellingrud K., Leung N., Le Deu F., Smit S., Wang P., 2023]. Иными словами, «разъединение» идёт, но Китай давно стал «центром глобального спроса», в котором компании крайне заинтересованы.

Этот вывод ещё в большей степени относится к фирмам из стран АТР, поскольку для них, в силу географической близости, КНР зачастую является основным поставщиком и крупнейшим рынком сбыта. В этих условиях нельзя говорить о масштабном «разъединении» с КНР, скорее, оно будет происходить при контроле и поддержке правительств в отраслях, обеспечивающих национальную безопасность и конкурентоспособность.

Также пока неясны долгосрочные последствия начавшейся «гонки субсидий». В рамках закона «О ЧИПС и науке» запланировано более 50 млрд долл. инвестиций на увеличение производственных мощностей на территории США. Республика Корея объявила о значительном снижении налогов для компаний, выпускающих микросхемы. Япония, Индия и Европейский Союз также объявили о различных мерах поддержки производителей. КНР работает над повышением автономности своих цепочек поставок в критически важных отраслях, увеличивает субсидии на развитие приоритетных направлений и начинает вводить чувствительные контрмеры, например, против «Майкрон технолоджи» (*Micron Technology*). В перспективе борьба за государственную поддержку на международном уровне может не укрепить, а ослабить отрасль и снизить конкурентоспособность американских предприятий.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На формирование экономической политики США в возрастающей степени воздействует необходимость решать задачи обеспечения национальной безопасности и технологического суверенитета. Некоторые эксперты используют для обозначения текущих сдвигов термин «техноиндустриализм» [Benson E., Quitzon J., Reinsch W.A., 2022], или «технонационализм» [3].

Американская экономическая политика на современном этапе предполагает частичное «разъединение» с экономикой КНР, введение выборочного жёсткого контроля над трансфером технологий, масштабную поддержку производителей и тесную координацию действий с союзниками, в особенности в АТР. Пока остаётся неясным, насколько возможным окажется успешное и одновременное продвижение на этих направлениях, администрации предстоит найти баланс между новыми правилами безопасности и соображениями экономической рациональности.

Для продвижения своей внешнеторговой политики в АТР США формируют сеть двусторонних и многосторонних коалиций. Япония является активным участником большинства из них. Можно сказать, что американо-японское сотрудничество вышло на новый уровень, ключевым приоритетом для обеих сторон является обеспечение экономической безопасности. Этот приоритет разделяют и другие союзники США в регионе. Препятствием для активной кооперации может стать протекционистская политика США, а также большое число переговорных процессов, поскольку разнообразие форм сотрудничества и договоров, традиционное для АТР, будет скорее осложнять взаимодействие в стратегически уязвимых отраслях.

## ИСТОЧНИКИ

1. Assessment of the Critical Supply Chains Supporting the U.S. Information and Communications Technology Industry. Bureau of Industry and Security, US Department of Commerce, 24.02.2022. Available at: <https://www.bis.doc.gov/index.php/documents/technology-evaluation/2939-22-1175-attachment-1-of-1-ict-supply-chain-assessment-report-v3-dhs-doc-signed-02-24-22/file> (accessed 28.02.2023).

2. 2023 Trade Policy Agenda and 2022 Annual Report. United States Trade Representative, 01.03.2023. Available at: [https://ustr.gov/sites/default/files/2023-02/2023%20Trade%20Policy%20Agenda%20and%202022%20Annual%20Report%20FINAL%20\(1\).pdf](https://ustr.gov/sites/default/files/2023-02/2023%20Trade%20Policy%20Agenda%20and%202022%20Annual%20Report%20FINAL%20(1).pdf) (accessed 28.03.2023)

3. Bateman, J. U.S.-China Technological “Decoupling”: A Strategy and Policy Framework. Carnegie Endowment for International Peace, 25.04.2022. Available at: <https://carnegieendowment.org/2022/04/25/u.s.-china-technological-decoupling-strategy-and-policy-framework-pub-86897> (accessed 15.05.2022).

4. Burton, J. The United States Geological Survey. U.S. Department of the Interior, 22.02.2022. Available at: <https://www.usgs.gov/news/national-news-release/us-geological-survey-releases-2022-list-critical-minerals> (accessed 20.03.2022).

5. Remarks by National Security Advisor Jake Sullivan on Renewing American Economic Leadership at the Brookings Institution. The White House, 27.04.2023. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2023/04/27/remarks-by-national-security-advisor-jake-sullivan-on-renewing-american-economic-leadership-at-the-brookings-institution/> (accessed 30.04.2023).

6. Agreement Between the Government of Japan and the Government of the United States of America on Strengthening Critical Minerals Supply Chains. Office of the United States Trade Representative, 28.03.2023. Available at: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2023/march/united-states-and-japan-sign-critical-minerals-agreement> (accessed 10.05.2023).

7. United States and Japan Launch Task Force to Promote Human Rights and International Labor Standards in Supply Chains. Office of United States Trade Representative, 06.01.2023. Available at: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2023/january/united-states-and-japan-launch-task-force-promote-human-rights-and-international-labor-standards> (accessed 15.02.2023).

8. Tanaka, M. U.S. import ban over China's forced labor in Xinjiang takes effect. *The Kyodo News*, 22.06.2022. Available at: <https://english.kyodonews.net/news/2022/06/e9211720e63d-us-import-ban-over-chinas-forced-labor-in-xinjiang-takes-effect.html> (accessed 30.04.2023).

9. Burke, S.E., Hughes, L., Huy, P.Q., Vekasi, K., Wu, Y.-H. Critical Minerals: Global Supply Chains and Indo-Pacific Geopolitics. The National Bureau of Asian Research, 01.12.2022. Available at: <https://www.nbr.org/publication/critical-minerals-global-supply-chains-and-indo-pacific-geopolitics/> (accessed 20.01.2023).

10. 2023 Trade Policy Agenda and 2022 Annual Report. United States Trade Representative, 01.03.2023. Available at: [https://ustr.gov/sites/default/files/2023-02/2023%20Trade%20Policy%20Agenda%20and%202022%20Annual%20Report%20FINAL%20\(1\).pdf](https://ustr.gov/sites/default/files/2023-02/2023%20Trade%20Policy%20Agenda%20and%202022%20Annual%20Report%20FINAL%20(1).pdf) (accessed 28.03.2023)

11. Fact Sheet: In Asia, President Biden and a Dozen Indo-Pacific Partners Launch the Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity. The White House. May 23, 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/05/23/fact-sheet-in-asia-president-biden-and-a-dozen-indo-pacific-partners-launch-the-indo-pacific-economic-framework-for-prosperity/> (accessed 25.05.2022).

12. Hufbauer, G.C. Washington's turn to neo-mercantilism. *EastAsiaForum*, 04.06.2023. Available at: <https://www.eastasiaforum.org/2023/06/04/washingtons-turn-to-neo-mercantilism/> (accessed 05.06.2023).

## REFERENCES

Baldwin, R., Okubo, N. GVC journeys: Industrialisation and deindustrialisation in the age of the second unbundling. *Journal of the Japanese and International Economies*, 2019, 52, issue C, p. 53-67, Available at: <https://EconPapers.repec.org/RePEc:eee:jjieco:v:52:y:2019:i:c:p:53-67>. (accessed 28.03.2023)

Benson, E., Quitzon, J., Reinsch, W.A. Securing Semiconductor Supply Chains in the Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity. CSIS, 30.05.2023. Available at: <https://www.csis.org/analysis/securing-semiconductor-supply-chains-indo-pacific-economic-framework-prosperity> (Accessed 03.06.2023).

Global Semiconductor Sales, Units Shipped Reach All-Time Highs in 2021 as Industry Ramps Up Production amid Shortage. Semiconductor Industry Association, 14.02.2022. Available at: <https://www.semiconductors.org/global-semiconductor-sales-units-shipped-reach-all-time-highs-in-2021-as-industry-ramps-up-production-amid-shortage/> (accessed 15.03.2022).

Khan, S.M., Mann, A., Peterson, D. *The Semiconductor Supply Chain: Assessing National Competitiveness*. Center for Security and Emerging Technology, January 2021. 98 p. Available at: <https://cset.georgetown.edu/publication/the-semiconductor-supply-chain/> (accessed 20.03.2022). DOI: 10.51593/20190016

Mineral commodity summaries 2022: *U.S. Geological Survey*. U.S. Geological Survey, 31.01.2022. Available at: <https://pubs.usgs.gov/periodicals/mcs2022/mcs2022.pdf> (accessed 20.01.2023).

Burkacky, O., Dragon, J., Lehmann, N. The semiconductor decade: A trillion-dollar industry. *McKinsey & Company*, 04.10.2022. Available at: <https://www.gsaglobal.org/wp-content/uploads/2022/05/McKinsey-the-semiconductor-decade-a-trillion-dollar-industry-v3.pdf>

Woetzel, J., Ngai, J., Seong, J., Ellingrud, K., Leung, N., Le Deu, F., Smit, S., Wang, P. Multinational companies operating in China must reconfigure for opportunity and risk. *McKinsey & Company*, 15.01.2023. Available at: <https://www.mckinsey.com/mgi/our-research/the-china-imperative-for-multinational-companies> (accessed 22.04.2023).

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**ЧУДИНОВА Ксения Олеговна**, научный сотрудник Центра североамериканских исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН).  
Российская Федерация, 117997  
Москва, ул. Профсоюзная, 23.

**Ksenia O. CHUDINOVA**, Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences.  
23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 05.07.2023 / Received 05.07.2023.

Поступила после рецензирования 19.07.2023 / Revised 19.07.2023.

Статья принята к публикации 21.07.2023 / Accepted 21.07.2023.



JEL N50, Q00

УДК 339.97

DOI: 10.31857/S2686673023120064

EDN: NYSXLG

## Продовольственная безопасность арктических территорий Северной Америки

**О.И. Солдатенкова**

*Институт США и Канады им. Г.А. Арбатова*

*Российской академии наук*

*Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный переулок 2/3.*

*Researcher ID: I-6594-2018 ПИНЦ ID: 147183*

*ORCID: 0000-0003-3225-3080 e-mail: oisoldatenkova@hotmail.com*

---

**Резюме:** В последние десятилетия Арктический регион стал важным объектом геополитики, появилось много исследований по различным направлениям деятельности государств в этом регионе. В статье обобщены особенности функционирования продовольственных систем и продовольственной безопасности населения арктических территорий Северной Америки. Сделан вывод о необходимости совершенствовать сбор статистической информации и наблюдать за обеспечением продовольственной безопасности арктических территорий на уровне макрорегиона.

**Ключевые слова:** продовольственная безопасность, арктические территории, Северная Америка

**Для цитирования:** Солдатенкова О.И. Продовольственная безопасность арктических территорий Северной Америки. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2023; 53(12): 64-73. DOI: 10.31857/S2686673023120064 EDN: NYSXLG

---

## Features of Ensuring Food Security in the Arctic Territories of North America

**Olga I. Soldatenkova**

*Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies Russian Academy of Sciences.*

*2/3 Khlebnyy Pereulok, 121069 Moscow, Russian Federation.*

*Researcher ID: I-6594-2018 ПИНЦ ID: 147183*

*ORCID: 0000-0003-3225-3080 e-mail: oisoldatenkova@hotmail.com*

---

**Abstract:** In recent decades, the Arctic region has become an important geopolitical object, leading to an increase in research on various areas of state activity in this region. This article summarizes the features of the functioning of food systems and the assurance of food security for the population of the Arctic territories in North American countries. It concludes that there is a need to improve data collection and monitoring of factors that ensure the food security of the Arctic territories at the macro-regional level.

**Keywords:** food security, arctic territories, North America

**For citation:** Soldatenkova, O.I. Features of Ensuring Food Security in the Arctic Territories of North America. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023;53(12): 64-73. DOI: 10.31857/S2686673023120064 EDN: NYSXLG

---

## ВВЕДЕНИЕ

Арктический регион, будучи стратегически важным объектом геополитики, переживает период активного хозяйственного освоения в условиях ярко выраженных политических и военных интересов и противоречий. Арктика – это географическая область с чрезвычайно сложными обстоятельствами жизни и хозяйственной деятельности, которые всегда определяли особые условия снабжения населения продовольствием. Для арктических зон характерны общность сложных климатических условий, изоляция традиционных общин, удалённость от основных территории страны и транспортных артерий, неразвитость инфраструктуры. Эти условия предопределили специфику производства продовольствия, традиции, нормы и структуру потребления в среде коренных народов.

Несмотря на широкое использование экспертным сообществом термина «продовольственная безопасность», единства в его определении до сих пор не сложилось. Большая часть исследователей придерживаются формулировки, содержащейся в докладе ФАО «Состояние, при котором отсутствует продовольственная безопасность в мире 2001 г.», где говорится, что продовольственная безопасность – это ситуация, когда все люди в любое время имеют физический, социальный и экономический доступ к достаточному количеству безопасной и питательной пищи, которая отвечает их диетическим потребностям и пищевым предпочтениям для активной и здоровой жизни [13]. В дальнейшем при развитии этой концепции в качестве ещё одного аспекта стала рассматриваться также устойчивость продовольственных систем (к устойчивости продовольственных систем относится их долгосрочная способность обеспечивать продовольственную безопасность и питание таким образом, чтобы это не ставило под угрозу экономические, социальные и экологические основы, которые связаны с питанием для будущих поколений) [15]. Однако особенности Арктического региона вызывают необходимость включать в это понятие сохранение знаний коренных народов Арктики о традиционных способах заготовки и обработки продуктов питания, особенностей погоды и ландшафта арктических территорий, уклада жизни коренных народов для того, чтобы обеспечить выживаемость человека в суровых условиях [6: 5].

Поскольку продовольственная безопасность зависит от эффективного функционирования существующих продовольственных систем (ПС), в своей работе автор придерживается их определения в соответствии с новой парадигмой, выработанной мировым сообществом на саммите ООН в 2021 г. В ней к продовольственной системе относят весь спектр участников рынка и их деятельность по созданию добавленной стоимости в производстве, переработке, распределении, потреблении и утилизации пищевых продуктов [14]. Однако появление новых концепций привело к размыванию самого понятия системы и её элементов [Ревенко Л.С. и др. 2021], а это приводит к некоторым методическим сложностям при сопоставлении развития продовольственных систем в регионах мира. Одна из проблем заключается в многообразии ПС Арктики, которые можно классифицировать в зависимости от уровня диверсификации производимой и потребляемой пищевой продукции; базовых объектов производства; степени инклюзивности; уровня вовлечения в глобальные цепочки создания стоимости, а также степени территориальной локализации сообществ, производящих и потребляющих продовольствие [Revenko L., Soldatenkova O. 2022].

С учётом ограничений, связанных с доступностью статистических данных, в данном исследовании автор относит к арктическим территориям Северной

Америки штат Аляска (США), территории Юкон и Нунавут, Северо-Западные территории (Канада) и Гренландию (Дания).

## ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ СИСТЕМЫ АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Ведущая роль в продовольственных системах Канады, США и Дании принадлежит многоотраслевому и высокопроизводительному хозяйству, которое поставляет сельскохозяйственное сырьё промышленности и формирует существенный экспортный потенциал этих стран. Одна из особенностей ПС этих арктических территорий состоит в том, что они отдалены от основных областей производства и переработки продовольствия, при этом существенно отличаются от остальной части страны вследствие экстремальных природно-климатических условий.

Большая часть этих территорий относится к малонаселённым землям с низкой плотностью населения. Так, в арктической части Канады, которая занимает 40% площади страны, живёт менее 0,3% граждан при средней плотности населения 0,04 человека на кв. км. В основном это коренные народы – индейцы и инуиты, а также приезжие обитатели небольших посёлков при горнодобывающих предприятиях. Следует отметить, что проводить анализ развития ПС арктических территорий Канады нелегко, поскольку, статистические данные по ним включаются в общенациональные результаты по сельскому хозяйству и итоги сельскохозяйственной деятельности. Здесь сказываются различия в определении сельскохозяйственной деятельности. Для Юкона, Северо-Западных территорий и Нунавута к ней относятся выпас и отлов диких животных (карибу и овцебыков), разведение ездовых собак, сбор дикорастущих растений и ягод, изготовление экипировки и упряжи для лошадей. Уровень производства продовольствия традиционным сельским хозяйством не позволяет обеспечить население Канадской Арктики продуктами питания в достаточном количестве, а в основе ПС арктических территорий Канады находятся такие виды деятельности, как рыболовство, охота, сбор дикорастущих растений, которые были частью образа жизни коренных народов, метисов и инуитов, населяющих арктические территории Канады, на протяжении тысячелетий. Эта практика сохранилась, несмотря на последствия колонизации, и имеет важное значение для укрепления культурной самобытности, удовлетворения потребностей в питании, здравоохранения, и развития местной экономики [10]. Частью рациона инуитов и других коренных народов Канадской Арктики, наряду с мясом тюленя и другими местными продуктами питания, является мясо овцебыков. Продукция, полученная при их забое (шкуры, шерсть и рога) зачастую реализуется на рынках южной Канады, а сами овцебыки, наблюдение и охота на них, привлекают туристов, что способствует росту дохода северных общин [12: 93]. Альтернативу импортным продуктам питания в Канаде выступают общественные сады и теплицы. По всей Северной Канаде насчитывается 36 общественных садов и 17 теплиц, из которых 49 расположены в Северо-Западных территориях, Юконе и Нунавуте. Тридцать четыре (64%) такой деятельности ведётся в сообществах с населением менее 1 тыс. жителей [12: 95].

Аляска, будучи крупнейшим штатом США, занимает 49 место из 50 штатов по стоимости реализованной сельскохозяйственной продукции [4]. Хотя фермеры Аляски производят большое разнообразие продукции растениеводства и животноводства [3], коренные жители Аляски добывают пропитание охотой, рыболовством и собирательством, чтобы обеспечить себя пищевыми продуктами. Штат в значительной степени зависит от импортных продуктов и, следовательно, более

уязвим к перебоям в цепочке поставок импортных продуктов питания. По приблизительным оценкам, на местное сельское хозяйство приходится лишь около 5% спроса на продовольствие на Аляске, а остальные 95% импортируются [Stevenson K., et al. 2014: 272]. Несмотря на суровые природные условия, на юге штата фермерским хозяйствам удаётся выращивать овощи и разводить крупный рогатый скот, а в западной - хорошо развито оленеводство. В последние десятилетия всё больше жителей Аляски начинают заниматься сельским хозяйством. Только с 2002 по 2012 г. число небольших агрохозяйств выросло на 67%, при этом значительно увеличилось прямые продажи продукции местным жителям. В качестве основных причин этой тенденции местные фермеры, чаще всего, называют изменение климата и удешевление технологий. С одной стороны, потепление привело к кардинальным изменениям в местной экосистеме, а с другой – растения, которые раньше не могли здесь выжить, теперь успешно растут [1]. В прибрежных водах Аляски развито промысловое рыболовство, и большая часть лосося, трески, минтая и краба экспортируется. Дикорастущие продукты обеспечивают 175% суточной потребности в белке и 25% потребности в калориях в сельской местности Аляски [7]. Удалённость штата от остальной территории США означает, что она отделена от основной части продовольственных запасов страны тысячами миль, и в случае кризисной ситуации население Аляски окажется уязвимым. Сельские жители находятся в самом конце цепочки поставок, хотя они, как правило, меньше зависят от импортного продовольствия по сравнению с городскими жителями. В то же время городское население Аляски, живущее ближе к основным транспортным хамам, может получить физический доступ к продуктам быстрее, чем сельские обитатели. Транспортная сеть, необходимая для удовлетворения основных потребностей в продовольствии жителей Аляски, насчитывает несколько тысяч миль по воздуху, морю и сухопутным дорогам. Хотя это и позволяет обеспечивать население штата продуктами питания, цены на топливо оказывают существенное влияние на розничные цены на продовольствие [Stevenson K., et al. 2014: 273].

Поскольку 81% территории Гренландии покрыто льдом, для жизни пригодна только прибрежная зона. Почти 87% населения живёт в столице и небольших городках с численностью населения более 1 тыс. человек. В Гренландии примерно 80% – импортные продукты питания, приобретаемые в киосках или супермаркетах, а продукты местного производства либо продают на местных охотничьих рынках, либо добывают на охоте и рыбной ловле частным образом. Рыбная промышленность – крупнейшая отрасль экономики Гренландии, а 90% экспорта страны приходится на рыбу и морепродукты. Рыболовство осуществляется в прибрежной зоне и в открытом море. Морской улов обрабатывают на борту крупных судов и отправляют сразу на экспорт через Данию, а прибрежный улов выгружают и перерабатывают на местных заводах. Охота и рыболовство продолжают играть решающую роль в продовольственной безопасности населения по всей Гренландии; а рыбная промышленность обеспечивает экономическую жизнеспособность деревень и домашних хозяйств. В некоторых районах (особенно в столице и крупных городах) доступ к продовольствию в значительной степени зависит от импорта, главным образом из Исландии и Дании. В Гренландии все товары перевозят морским или воздушным путём поскольку нет дорог, соединяющих города и поселки [6: 5].

## ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Оценить состояние продовольственной безопасности арктических территорий Северной Америки оказывается сложным из-за того, что отсутствует единая методика оценки её состояния на мировом уровне и недостатком статистических данных для территорий арктической зоны стран региона. Одним из показателей, позволяющим провести сравнительный анализ состояния ПБ, мог бы служить Глобальный индекс продовольственной безопасности (*The Global Food Security Index*). Индекс характеризует способность потребителей приобретать продукты питания, их уязвимость к ценовым потрясениям, определяет наличие программ и политики для поддержки в случае возникновения шоковых ситуаций (*affordability*); сельскохозяйственное производство и его потенциал, риски перебоев поставок, возможности национальных распределительных систем и уровень научных исследований по развитию сельскохозяйственного производства (*availability*); разнообразие и питательные свойства обычных рационов питания, а также безопасность пищевых продуктов (*quality and safety*); подверженность страны последствиям изменения климата, восприимчивость к рискам, связанным с природными ресурсами, и то, как страна адаптируется к этим рискам (*sustainability and adaptation*). По этому индексу Канада и США относятся к странам с высоким уровнем продовольственной безопасности (79,1 и 78,0 баллов из 100 соответственно в 2022 г.). Дания также находится в этой группе стран (77,8 баллов), но для Гренландии такой индекс не рассчитывается [9].

Существенный недостаток использования индекса для оценки уровня ПБ стран арктических областей состоит в том, что отсутствуют результаты его расчёта по территориальным единицам (штатам, территориям, провинциям). Уровень продовольственной безопасности в арктической зоне государств Северной Америки значительно отличается от оценки в целом по странам региона. Данные обследования «Продовольственная безопасность домохозяйств Канады в 2017–2018 гг.» указывают на усиление продовольственной незащищённости на Севере. Показатели отсутствия продовольственной безопасности домохозяйств достигали 57% в Нунавуте, 21,6% – в Северо-Западных территориях и 16,9% – в Юконе. Показатели продовольственной незащищённости домохозяйств в других провинциях Канады за этот же период варьировались от 11,1% (Квебек) до 15,3% (Новая Шотландия) [11]. Существенна и разница в ценах на продовольствие на арктических территориях по сравнению с южными провинциями страны. Результаты обследования, проведённого в 49 изолированных северных общинах Канады в 2006–2007 гг., показали, что продовольственная корзина, обеспечивающая полноценное питание для семьи из четырёх человек в течение одной недели, стоит от 350 до 450 кан. долл. Та же корзина стоила от 195 до 225 кан. долл. на юге Канады [8: 5].

Минсельхоз США ежегодно проводит общенациональный опрос для оценки продовольственной безопасности. В среднем в 2019–2021 гг. 89,6% населения США не ощущали нехватки продовольствия, а 10,4% испытывали его недостаток. В отличие от Канады, за тот же период на Аляске только 9,5% населения испытывали нехватку продовольствия, эта доля сокращалась с 13,9% в

2009–2011-х годах [5]. Результаты другого опроса, проведённого в 99 поселениях на Аляске с 2009 по 2017 гг., варьировали от 100% до 54% домохозяйств, обеспеченных продовольствием [7: 4].

В Гренландии было проведено несколько исследований по вопросам продовольственной безопасности, которые не отличались регулярностью. Опрос населения в небольшом городке на западе Гренландии в 2007–2008 гг. показал, что всего 8% населения испытывали нехватку продовольствия. Дальнейшие наблюдения показали, что уровень отсутствия продовольственной безопасности в Гренландии снизился до 5% к 2018 г. В Восточной и Северной Гренландии 21% опрошенных сообщили о нехватке продовольствия по сравнению с 7% в Западной Гренландии. В Западной Гренландии уровень продовольственной незащищённости в деревнях на юго-западном побережье был выше, чем в других городах и посёлках. Продовольственная безопасность значительно различалась в зависимости от благосостояния домохозяйств. Среди беднейшей пятой части участников 20% сообщили о нехватке продовольствия. Среди пятой части самых богатых сообщили об этом только 0,5% [Bjerregaard P., et al. 2021:2].

Несмотря на различия, существуют общие особенности продовольственной безопасности населения арктических территорий Северной Америки, среди которых можно выделить следующие:

- экстремальные природно-климатические условия не способствуют самообеспечению продовольствием, поэтому высока зависимость от его ввоза из пределов районов арктической зоны;

- говоря о безопасности и качестве продуктов питания, необходимо учитывать особенности питания народов Арктики: даже качественные импортируемые товары могут нарушать баланс питательных веществ, необходимых для поддержания организма человека в суровых климатических условиях; а загрязнение окружающей среды, в том числе повышение радиоактивности морских млекопитающих, играет существенную роль в росте заболеваемости среди коренного населения Арктики;

- ограниченность транспортной и складской инфраструктуры и большие расстояния между населёнными пунктами усложняют условия для производства сельскохозяйственной продукции и ограничивают доступ к производственным ресурсам и рынкам сбыта;

- продовольственные системы стран Арктического региона представляют собой совокупность традиционных для этой местности ПС, которые формировались под влиянием культуры коренных народов Арктики, в том числе по производству и потреблению продуктов питания, и ПС традиционных для сельского хозяйства страны региона;

- изменение климата может привести к тому, что некоторые районы арктической зоны станут подходящими для выращивания более широкого спектра сельскохозяйственных культур. Увеличение безморозного сезона приведёт к расширению сельского хозяйства на севере, если будут подходящие почвы и адаптированные сорта, а более длительный вегетационный период увеличит потенциал тепличного производства за счёт снижения затрат на отопление зимой. Однако изменение климата может оказать негативное влияние на обеспечение продовольствием населения арктических территорий. Возможны такие

нежелательные последствия, как высвобождение почвенного углерода в результате таяния вечной мерзлоты, нарушение северных экосистем, а также культуры и традиций коренных народов. Более 20 лет охотники и старейшины из коренных народов Арктики сообщали об изменениях в окружающей среде: истончение морского льда делает охоту гораздо более опасной; таяние вечной мерзлоты изменяет характер весенних паводковых стоков, миграцию тюленей и рыбы на Север, повышает уровень моря с возрастающими экстремальными приливно-отливными возмущениями; виды животных, от которых зависит существование коренных народов, исчезают, так же как и охотничьи маршруты вблизи береговой линии в результате эрозии, вызванной таянием вечной мерзлоты. Кроме того, в зимние сезоны поселения всё больше подвергаются наводнениям из-за истончения или исчезновения ледников, обычно защищающих береговую линию [2];

– сложная система распределения ресурсов для производства продовольствия, колебания цен на энергоресурсы приводят к значительным различиям в ценах на продукты питания для населения северных сообществ по сравнению с розничными ценами в районах страны, расположенных южнее;

– существенную роль в производстве, переработке и распределении продуктов питания в арктических территориях играют местные малые и средние предприятия, которые сталкиваются с рядом общих проблем. Среди них можно выделить отток населения, особенно молодежи, из небольших поселений в крупные города или другие страны. Это приводит не только к трудностям с привлечением работников в производство продовольствия, но и к сокращению ёмкости местных рынков и количества местных предприятий. Изменение климата или загрязнение окружающей среды также оказывают серьёзное влияние на местных производителей продуктов питания, поскольку в отличие от более крупных фирм они не могут легко перенести свой бизнес без существенных, а в некоторых случаях, и критических затрат. Новые правила и режимы контроля, направленные на повышение безопасности продовольствия, часто благоприятствуют крупным фирмам, которые могут позволить себе делать необходимые инвестиции в людей, оборудование и организацию, но являются более дорогостоящими для небольших фирм, которые должны соответствовать тому же набору правил. В то же время, более строгое регулирование выбросов CO<sub>2</sub> может благоприятствовать местным производителям продуктов питания по сравнению с более крупными транснациональными корпорациями, которые перевозят продукты питания на судах, работающих на углеводородах [Johansen S. 2014:71].

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Взросший интерес к геополитической роли Арктики привёл к увеличению числа исследований, связанных с различными направлениями деятельности государств в этом регионе. Однако изучение проблем продовольственной безопасности, устойчивости поставок в Арктике, развития и поддержания традиционной компоненты в удовлетворении пищевых потребностей, регионального сотрудничества и других аспектов не отличается комплексным подходом к оценке продовольственной безопасности населения арктических территорий по регионам мира. Одна из причин заключается в отсутствии статистических данных и единой

методики их сбора на этих территориях. Любые неожиданные изменения, связанные с потеплением климата и таянием вечной мерзлоты, могут значительно осложнить и без того непростые условия ведения натурального образа жизни коренных народов.

Пищевой рацион многих жителей арктических территорий Северной Америки состоит из традиционной пищи, добытой охотой и рыболовством, и продуктов питания, приобретаемых на рынке. А такие продукты становятся менее доступными из-за высоких затрат на охоту, изменений в образе жизни и культурных обычаях коренных народов, а также под влиянием негативных последствий потепления климата для флоры и фауны. Высокие транспортные расходы и потери продуктов питания вследствие географической удалённости, ограниченная конкуренция в сфере распределения и розничной торговли могут привести к тому, что большая часть продуктов, поставляемых в поселения арктических территорий, станет недоступна для значительной части населения. Преимущества освоения новых сельскохозяйственных земель арктических областей под влиянием климатических изменений могут быть нивелированы нежелательными последствиями, такими как высвобождение почвенного углерода в результате таяния вечной мерзлоты, нарушение северных экосистем, культуры и традиций коренных народов. Всё это в совокупности вызывает необходимость создания системы наблюдения за обеспечением продовольственной безопасности населения арктических территорий Северной Америки.

## ИСТОЧНИКИ

1. Вопреки климату. Аляска активно развивает сельское хозяйство. *Пропозиция* (главный журнал по вопросам агробизнеса). 30.09.2017. Available at: <https://propozitsiya.com/ru/vopreki-klimatu-alyaska-aktivno-razvivaet-selskoe-hozyaystvo> (accessed 11.04.2023).
2. Продовольственная безопасность в арктическом регионе. Справочный документ Руководящего комитета в области стратегии здравоохранения инуитов приполярья. Инуитский Приполярный Совет – Канада. Май 2012 г. (информация взята из официального перевода документа на русский язык). Available at: [https://www.inuitcircumpolar.com/wp-content/uploads/2019/01/icc\\_food\\_security\\_across\\_the\\_arctic\\_may\\_2012\\_-\\_russian.pdf](https://www.inuitcircumpolar.com/wp-content/uploads/2019/01/icc_food_security_across_the_arctic_may_2012_-_russian.pdf) (accessed 12.05.2023).
3. Agriculture in Alaska. Climate Hubs, U.S. Department of Agriculture. Available at: <https://www.climatehubs.usda.gov/hubs/northwest/topic/agriculture-alaska> (accessed 23.05.2023).
4. Alaska. State Profile. Census of Agriculture 2017. Available at: [https://www.nass.usda.gov/Publications/AgCensus/2017/Online\\_Resources/County\\_Profiles/Alaska/cp99002.pdf](https://www.nass.usda.gov/Publications/AgCensus/2017/Online_Resources/County_Profiles/Alaska/cp99002.pdf) (accessed 24.05.2023).
5. Coleman-Jensen, A., Rabbitt, M.P., Gregory, C.A., Singh, A. 2022. *Household Food Security in the United States in 2021*, ERR-309, Economic Research Service, U.S. Department of Agriculture, Washington, DC, 51 p. Available at: <https://www.ers.usda.gov/web-docs/publications/104656/err-309.pdf> (accessed 12.05.2023).
6. Elde, S. et al. 2018. The Arctic as a Food Producing Region. Phase 1: Current status in five Arctic countries. Report, Nofima, 105 p. Available at: <https://nofima.no/en/publication/1581246/> (accessed 23.04.2023).
7. Fall, J., Kostick, M. 2018. Food Security and Wild Resources Harvests in Alaska. Alaska Department of Fish and Game Division of Subsistence. July 2018. 12 p. Available



at: [https://fish.alaska.gov/static/home/subsistence/pdfs/food\\_security\\_whitepaper.pdf](https://fish.alaska.gov/static/home/subsistence/pdfs/food_security_whitepaper.pdf) (accessed 24.04.2023).

8. Food Security across the Arctic. Background paper of the Steering Committee of the Circumpolar Inuit Health Strategy. (2012). Canada, Inuit Circumpolar Council, 5. 12 p. Available at: [https://www.inuitcircumpolar.com/wp-content/uploads/2019/01/icc\\_food\\_security\\_across\\_the\\_arctic\\_may\\_2012.pdf](https://www.inuitcircumpolar.com/wp-content/uploads/2019/01/icc_food_security_across_the_arctic_may_2012.pdf) (accessed 9.06.2023).

9. Global food security index 2022. Economist Impact. Available at: <https://impact.economist.com/sustainability/project/food-security-index/> (accessed 14.05.2023).

10. Kumar, M.B. et al. Harvesting activities among First Nations people living off reserve, Metis and Inuit: Time trends, barriers and associated factors. Release date: April 16, 2019 Available at: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/pub/89-653-x/89-653-x2019001-eng.htm> (accessed 29.04. 2023).

11. Tarasuk, V, Mitchell, A. 2020. *Household food insecurity in Canada*, 2017-18. Toronto: Research to identify policy options to reduce food insecurity (PROOF). 27 p. Available at: <https://proof.utoronto.ca/wp-content/uploads/2020/03/Household-Food-Insecurity-in-Canada-2017-2018-Full-Reportpdf.pdf> (accessed 16.05.2023).

12. The Arctic as a Food Producing Region. Final Report Prepared for the Arctic Council's Sustainable Development Working Group. February 2019. Available at: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/2375> (accessed 14.05.2023).

13. The Food Insecurity in the World 2001. Rome, FAO, 2001. Available at: <https://www.fao.org/agrifood-economics/publications/detail/en/c/122100/> (accessed 5.04.2023).

14. The State of Food Security and Nutrition in the World 2020. Transforming Food Systems for affordable healthy diets. 2020 Rome: FAO, 287 p. Available at: <https://www.fao.org/3/ca9692en/ca9692en.pdf>. (accessed 16.04. 2023).

15. The State of Food Security and Nutrition in the World 2021. Transforming food systems for food security, improved nutrition and affordable healthy diets for all. (2021). Rome, FAO, 211 p. DOI: 10.4060/cb4474en. Available at: <https://doi.org/10.4060/cb4474en> (accessed 16.04.2023).

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ревенко Л.С., Солдатенкова О.И., Ревенко Н.С. 2021. Новая парадигма продовольственных систем. *Горизонты экономики*. №5(64). С. 99-106.

## REFERENCES

Bjerregaard, P., Olesen, I. & Larsen, C.V.L. 2021. Association of food insecurity with dietary patterns and expenditure on food, alcohol and tobacco amongst indigenous Inuit in Greenland: results from a population health survey. *BMC Public Health* 21, 1094. Available at: <https://doi.org/10.1186/s12889-021-11123-x>

Johansen, S.T. 2014. Developing Sustainable Small Businesses in the North: The Case of Northern Food Producers and Distributors. In: *Sustainable Agriculture and Food Security in the Circumpolar North*. MP 2014-16. S.S. Seefeldt and D. Helfferich eds. Proceedings of the 8th Circumpolar Agricultural Conference & Inaugural University of the Arctic Food Summit, held 29 Sept. – 3 Oct. 2013 in Girdwood, Alaska. Fairbanks, Alaska: Agricultural & Forestry Experiment Station, 69-74.

Revenko, L.S., Soldatenkova, O.I., Revenko, N.S. 2021. Novaya paradigma prodovol'stvennykh sistem [A New Paradigm of Food Systems]. In *Gorizonty ekonomiki [Horizons of Economics]*, 5 (64), 99–106.

Revenko, L.S., Soldatenkova, O.I. 2022. Food Systems in the Arctic. In: Pak, E.V., Krivtsov, A.I., Zagrebelnaya, N.S. (eds) *The Handbook of the Arctic*. Palgrave Macmillan, Singapore. Available at: [https://link.springer.com/referenceworkentry/10.1007/978-981-16-9250-5\\_19-1](https://link.springer.com/referenceworkentry/10.1007/978-981-16-9250-5_19-1)

Stevenson, K. et al. 2014. Sustainable Agriculture for Alaska and the Circumpolar North: Part I. Development and Status of Northern Agriculture and Food Security. *ARCTIC*, vol.67, No.3, pp.271– 295 Available at: <http://dx.doi.org/10.14430/arctic4402>

### **ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR**

**СОЛДАТЕНКОВА Ольга Ивановна**, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Институт США и Канады имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный переулок 2/3.

**Olga I. SOLDATENKOVA**, Doc. Sci. (Economics), Chief Researcher at the Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences.

2/3 Khlebnyy Pereulok, Moscow, Russia 121069

Статья поступила в редакцию 11.07.2023. / Received 11.07.2023.

Статья поступила после рецензирования 25.07.2023. / Revised 25.07.2023.

Статья принята к публикации 27.07.2023. / Accepted 27.07.2023.

УДК: 336.71  
JEL: G21, N22, N92  
DOI: 10.31857/S2686673023120076  
EDN: NYWUBH

## **Банковский феномен Северной Каролины: истоки и современность**

**Л.В. Никитин**

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет.*

*Российская Федерация, 454080, Челябинск, пр. Ленина, 69.*

*Южно-Уральский государственный университет (НИУ).*

*Российская Федерация, 454080, Челябинск, пр. Ленина, 76.*

*ResearcherID: ABF-1076-2021 Scopus Author ID: 57210433574*

*РИНЦ ID: 140568 ORCID: 0000-0002-7404-8782 e-mail: contlab2003@gmail.com*

---

**Резюме:** В статье на основе статистических данных рассматривается развитие банковского кластера в Северной Каролине, имевшего важные исторические преимущества перед конкурентами из многих других штатов и достигшего грандиозных размеров в условиях отраслевой либерализации 1980–1990-х годов. Показано, что, несмотря на серьёзные проблемы, пережитые во время кризиса 2008–2009 гг., Северная Каролина и в настоящее время остаётся вторым по величине узлом американского банковского бизнеса, уступающим только Нью-Йорку.

**Ключевые слова:** Северная Каролина, Шарлотт, банки, слияния, конкуренция

**Для цитирования:** Никитин Л.В. Банковский феномен Северной Каролины: истоки и современность. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2023; 53(12):74-85.  
DOI: 10.31857/S2686673023120076 EDN: NYWUBH

---

## **The Banking Phenomenon of North Carolina: From Origins to the Present**

**Leonid V. Nikitin**

*South Ural State Humanitarian Pedagogical University.*

*69, Lenin pr., Chelyabinsk, 454080, Russian Federation.*

*South Ural State University (NRU).*

*76, Lenin pr., Chelyabinsk, 454080, Russian Federation.*

*ResearcherID: ABF-1076-2021 Scopus Author ID: 57210433574*

*РИНЦ ID: 140568 ORCID: 0000-0002-7404-8782 e-mail: contlab2003@gmail.com*

---

**Abstract:** Although not one of the largest states and ranking just ninth in the USA in terms of population, North Carolina has been a major banking hub for several decades, second only to New York. This article focuses on the early foundations of this success and the later evolution of the North Carolina banking cluster, tracing its development through statistics from the late 1970s to the present. It is shown that an important advantage in the 19th century was the lifting of the ban on bank branching, which was not typical in the USA at that time. As a result, by the early 1980s, when the gradual liberalization of the national banking system and the abolition of territorial restrictions began, quite large banking corporations already existed in North Carolina, ready for further business expansion and operations in other parts of the country. Following a long series of mergers and acquisitions in the 1980s, 1990s, and 2000s, the state's leading bank holding

companies (Bank of America Corporation and Wachovia Corporation) became among the largest and most powerful financial groups in the USA. However, it soon became clear that there was another side to this extremely rapid growth: due to its deep involvement in subprime mortgages, Wachovia collapsed during the 2008 crisis. Nevertheless, Bank of America and several other large companies overcame the crisis, ensuring North Carolina maintained a strong position in the industry. To date, North Carolina's phenomenal rise remains the most significant spatial change in the US banking system since its liberalization began more than 40 years ago.

**Keywords:** North Carolina, Charlotte, banks, mergers, competition

**For citation:** Nikitin, L.V. The Banking Phenomenon of North Carolina: From Origins to the Present. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53(12):74-85. DOI: 10.31857/S2686673023120076 EDN: NYWUBH

## ВВЕДЕНИЕ

Произошедшее в марте 2023 г. крушение большой калифорнийской корпорации «Эс-ви-би файнэншл» (*SVB Financial*) вновь привлекло повышенное общественное внимание к ситуации в банковской системе США. Наряду с неизбежно возникшими вопросами о надёжности финансовых корпораций, эффективности федеральных регуляторов или рисках в сфере криптовалют, вызывают интерес и сдвиги в территориальном размещении банковского бизнеса, которые тоже активизируются в кризисные времена, но не так часто становятся предметом специального рассмотрения. Вполне очевидно, что штаты и города, в которых располагаются большие банки (в том числе – усилившиеся в результате поглощений в периоды кризисов) получают важные преимущества в виде создания квалифицированных рабочих мест, роста налоговых поступлений, появления новых инвестиционных проектов, а иногда и дополнительного влияния на политическую жизнь страны. Данная статья посвящена важнейшему, после Нью-Йорка, району концентрации американского банковского бизнеса – штату Северная Каролина, его уникальной истории успеха и современной роли в рассматриваемой отрасли.

## ПРЕДЫСТОРИЯ «БАНКОВСКОГО ЧУДА» (1810–1970-е годы)

Для ответа на вопрос о том, как не очень большой и далеко не самый богатый штат смог стать колоссальным банковским узлом с триллионными активами, следует обратиться к первым десятилетиям в истории американского государства и его кредитной системы. По сложившимся в те времена правилам, банки не могли открывать филиалы за пределами своих штатов, а очень часто также и за пределами своих городов или иных населённых пунктов. Эти достаточно странные, по современным представлениям, запреты объяснялись сочетанием интересов внутри того, что американские учёные Чарльз Каломирис и Стивен Хабер называли коалицией фермеров и владельцев мелких банков, стремившихся ограничить конкуренцию со стороны финансистов из крупных городов [Calomiris C.W., Haber S.H., 2014: 155–158, 162–163, etc.].

Правда, относительную благосклонность к созданию филиалов проявляли южные штаты. Характерное для них экспортное хлопководство нередко требовало выстраивания длинных производственно-торговых цепочек и нуждалось в банковском сопровождении на довольно больших расстояниях. При таком отраслевом укладе мог возникнуть запрос на кредитные корпорации, способные работать в различных географических точках [Calomiris C.W., Haber S.H., 2014: 172–173].

Особенно ярким примером стала в этом отношении Северная Каролина, где возможность свободного открытия банковских филиалов была зафиксирована в местном законодательстве уже с 1814 г. [Rothaker R., 2010: 7–8]. На протяжении последующих десятилетий в ряде городов (прежде всего, в таких как Уинстон-Сейлем, Шарлотт, Гринсборо и Роли) сложились довольно крупные банки, успех которых был тесно связан с возможностью беспрепятственно развивать свой бизнес по всей Северной Каролине. Конечно, этот рост сдерживался относительно скромными размерами штата, который, например, в 1900 г. занимал только 15-е место по численности населения [1], однако во многих других штатах, где очень долго сохранялись те или иные ограничения для филиальных сетей, построить большие банковские корпорации было ещё труднее.

Следующей исторической вехой в развитии штата стали 1920-е годы. В этот период Северная Каролина, обладавшая рядом конкурентных преимуществ, оказалась очень важным направлением миграции для хлопчатобумажной промышленности, покидавшей свою прежнюю базу в Новой Англии. За одно десятилетие население Шарлотта, игравшего особенно активную роль в этом производственном буме, выросло с 46 тысяч до 83. Этому же городу было отдано предпочтение перед рядом других заметных центров Северной и Южной Каролины, когда в 1927 г. решался вопрос об открытии одного из территориальных подразделений Федеральной резервной системы (ФРС) США [Rothaker R., 2010: 10–11]. Местный офис ФРС разместился в только что построенной 20-этажной штаб-квартире крупного каролинского банка «Фёрст нэшнэл» (*First National*). Таким образом, был сделан важный шаг на пути формирования финансового ядра Шарлотта в центральном городском районе Аптаун.

Последующие десятилетия (за исключением кризисных 1929–1933 гг.) также были довольно успешными для банковского сектора и в целом для экономики Северной Каролины. В середине XX века основными источниками роста по-прежнему оставались выращивание и переработка традиционных для штата культур (хлопка и табака), но формировались и новые стратегические направления прогресса. Так, в 1959 г. на базе университетов, расположенных в соседних городах Дарем, Роли и Чапел-Хилл, был основан Парк исследовательского треугольника (*Research Triangle Park*), ставший одним из крупнейших в США кластеров передовых технологических разработок. Примерно в это же время к новому рубежу в своей истории подошло и местное банковское сообщество. Различные представители финансовых кругов всё чаще связывали возможность дальнейшего расширения бизнеса уже не с открытием новых филиалов или поглощением мелких банков, а со слияниями между ведущими финансовыми корпорациями Северной Каролины. В результате в Шарлотте на основе достаточно заметных банков прежнего поколения в 1958 г. был основан «Фёрст юнион нэшнэл бэнк» (*First Union National Bank*), а в 1960 г. – «Норз Кэрэлайна нэшнэл банк» или «Эн-си-эн-би» (*North Carolina National Bank, NCNB*) [Rothaker R., 2010: 11–12]. Следует добавить, что во второй половине 1950-х и начале 1960-х годов наступил период слияний на более высоких ступенях в американской финансовой элите – среди крупнейших банков Нью-Йорка. Именно на этом этапе сложились, в частности, такие гиганты, как «Чейз Манхэттен бэнк» (*Chase Manhattan Bank*) и «Фёрст нэшнэл сити бэнк» (*First National City Bank*) [Cassis Y., 2006: 207, 335]. Конечно, в те годы было очень трудно представить, что равными конкурентами для этих корпораций из деловой столицы США смогут стать упомянутые банки, работавшие в относительно небольшой и ещё во многом аграрной Северной Каролине.

Тем временем «Эн-си-эн-би» и «Фёрст юнион» из Шарлотта, а также «Ваковия нэшнэл бэнк» (*Wachovia National Bank*) из Уинстон-Сейлема и некоторые другие банки неуклонно развивали различные направления деятельности в своём штате и даже, когда для этого открывались юридические и коммерческие возможности, стремились к дальнейшему расширению горизонтов. У американских банков по-прежнему имелись лишь очень ограниченные каналы для продвижения в другие штаты, зато не было аналогичных препятствий для работы за пределами США. В частности, по этому пути стал развиваться «Эн-си-эн-би», создавший заметную сеть международных связей. Правда, в кризисном 1974 г. банк понёс большие потери на лондонском рынке [Железова В.Ф., 1981: 178] и был спасён во многом благодаря поддержке со стороны нью-йоркского «Ситибэнк» [Rothaker R., 2010: 15].

Несмотря на эти и иные проблемы, наблюдавшиеся в течение 1970-х гг., ведущие банки из Шарлотта, Уинстон-Сейлема и ряда других городов в данной части страны становились все более влиятельным компонентом в экономике менявшегося «Старого Юга», активно создававшего рабочие места, привлекавшего инвесторов и начинавшего уходить от расовой дискриминации [Смирнягин Л.В., 1989: 179–180]. В этот же период владельцы многих банков Северной Каролины регистрировали в ФРС своего рода надстройки над имеющимся бизнесом – банковские холдинговые компании. По сложившимся в США правилам каждый такой холдинг мог контролировать значительный пакет акций (от 25%) в одном или нескольких банках. Хотя некоторые холдинги (например, в Калифорнии или Миннесоте) появились намного раньше, именно с 1970–1980-х годов этот класс корпораций стал играть ключевую роль в организационном устройстве американского банковского бизнеса. Между тем к 1980 г. Шарлотт благодаря «Эн-си-эн-би» и «Фёрст юнион» занимал 18-е место среди городов США по активам банковских холдингов (9 млрд долл.), а Уинстон-Сейлем – 36-е место (5 млрд долл.) [2]; [3]. Эти, на первый взгляд, всё ещё довольно скромные позиции в действительности создавали хороший фундамент для последующих прорывов.

## НОВЫЙ ФИНАНСОВЫЙ ГИГАНТ (1980–2007 гг.)

Дерегулирование экономики, развернувшееся на рубеже 1970–1980-х годов по инициативе администрации Джеймса Картера и продолженное затем при Рональде Рейгане, существенно изменило условия работы и для кредитного сектора. Серия законов, принятых в период 1980–1987 гг., обеспечила, в частности, устранение административных барьеров между некоторыми видами финансовой деятельности, а также разрешила холдингам покупать банки за пределами собственных штатов – правда, только такие, которые находились под угрозой ликвидации [Никитин Л.В., 2019: 120–133]. Ещё одной территориальной инновацией стало утверждённое в 1985 г. Верховным судом США право штатов открывать на взаимной основе свои границы для создания банковских филиалов и приобретения банков. Ярким примером использования долгожданных возможностей стало формировавшееся ещё с 1984 г. и теперь получившее необходимую юридическую основу Банковское соглашение для Юго-Восточного района (*Southeastern Regional Banking Compact*), в которое вошли Джорджия, Флорида и обе Каролины. Большую роль в становлении данного альянса и продвижении интересов финансовых групп из своего штата играл губернатор Северной Каролины (1977–1985 и 1993–2001 гг.) Джеймс Хант [Никитин Л.В., 2019: 162, 228].

В новых условиях «Фёрст юнион» и «Ваковия» сразу осуществили стратегически важные прорывы на рынки соответственно Флориды и Джорджии. Как ни удивительно, в стороне от этих процессов довольно долго оставался крупнейший в своём штате банковский холдинг «Эн-си-эн-би». Между тем его руководство готовилось к ещё более масштабной сделке, причём далеко за пределами Юго-Восточного альянса. В 1987–1988 гг. (на фоне серьёзных проблем в национальной банковской системе в целом) в глубоком кризисе оказался один из крупнейших финансовых конгломератов США – «Фёрст рипаблик бэнк» (*First Republic Bank*), работавший в Техасе. Поскольку для подобных случаев в законодательстве уже предусматривалась возможность межштатных слияний и поглощений, об интересе к покупке проблемного бизнеса заявили «Уэллс Фарго» (*Wells Fargo*) из Калифорнии, «Ситибэнк» из Нью-Йорка, а также северокаролинский «Эн-си-эн-би», явно не выглядевший в этом ряду фаворитом. Но в действительности именно «Эн-си-эн-би», специально привлёкший дополнительные средства с гигантского кредитного рынка Токио, смог предложить наилучшие условия сделки и получил одобрение со стороны федеральных регуляторов [Seidman L.W., 2000: 152–154]. После этого прорыва «Эн-си-эн-би», увеличивший активы до 70 млрд долл. и представленный в отдалённых географических точках, неожиданно стал четвёртым по величине банковским холдингом страны.

Благодаря успехам «Эн-си-эн-би» и «Фёрст юнион» Шарлотт к концу 1980-х годов поднялся на пятое место среди крупнейших банковских центров США, уступая Нью-Йорку, Сан-Франциско, Чикаго и Лос-Анджелесу; Уинстон-Сейлем тогда находился на 32-й позиции. Руководители корпораций (соответственно Хью Макколл и Эдвард Кратчфилд) думали не только о самом бизнесе, но и о системном развитии Шарлотта в качестве финансового центра. Они вкладывали немалые средства в общегородские строительные, образовательные и культурные проекты, а также в местные клубы из профессиональных спортивных лиг, поскольку, по словам Э. Кратчфилда, именно так можно было создать привычную и комфортную среду для высококлассных специалистов, привлекаемых из Лондона или Нью-Йорка [Rothaker R., 2010: 22]. Для Х. Макколла, патриота своего родного штата и всего американского Юга, очень важную роль играло стремление бросить своего рода вызов нью-йоркским финансовым гигантам [Rothaker R., 2010: 15]. Отражением финансового величия Шарлотта, всё ещё сравнительно небольшого города с населением около 400 тысяч, стали возведённые в Аптауне новые офисные центры: сначала 42-этажный комплекс для «Фёрст юнион» (1988 г.), а затем – 60-этажный небоскрёб для бывшего «Эн-си-эн-би» (1992 г.), сменившего примерно в это же время прежнее название, привязанное к Северной Каролине, на универсальное «НэйшнзБэнк» (*NationsBank*). Для репутации «Нэйшнз» было очень важно и то, что проект его корпоративного центра разрабатывался под руководством всемирно известного американско-аргентинского архитектора Сезара Пелли.

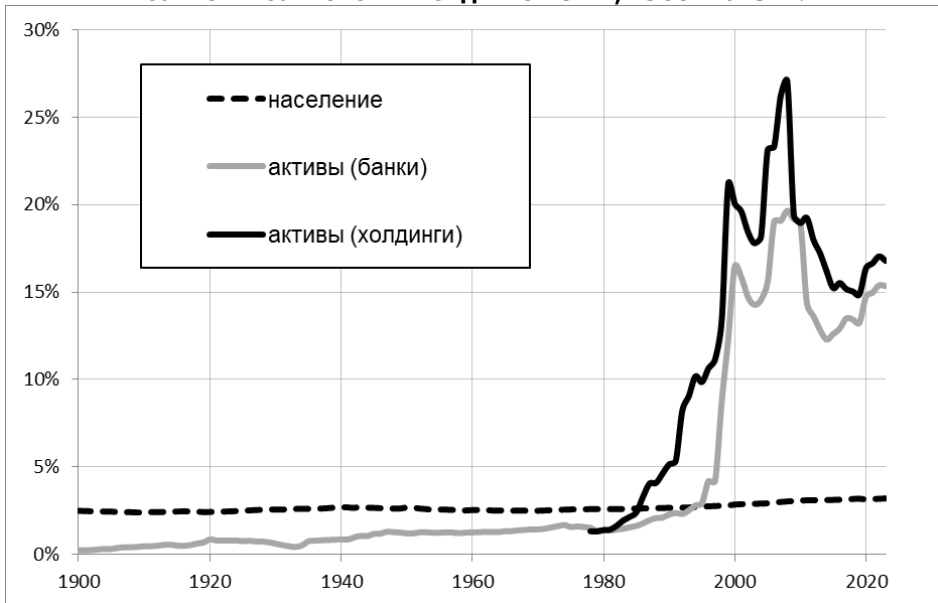
Следующую главу в истории финансовой системы США открыл принятый в 1994 г. закон «Об эффективности междоштатных банков и филиалов» (или закон Ригла – Нила). Этот долгожданный юридический акт предоставлял кредитным корпорациям возможность беспрепятственно развивать офисные сети по всей стране. Очень важным фактором, способствовавшим отмене устаревших барьеров, стал, в трактовке Ч. Каломириса и С. Хабера, окончательный уход с исторической арене старой коалиции (то есть фермеров и владельцев мелких банков) и формирование новой коалиции с участием различных деловых и политических элит, заинтересованных в свободном перемещении капиталов [Calomiris C.W.,

Haber S.H., 2014: 208–282]. Наконец, огромную роль в продвижении названного закона, что отмечалось, например, в газете «Нью-Йорк таймс» [4] и в монографии видного американского экономиста Питера Роуза [Rose P.S., 1997: 42], сыграло мощное банковское лобби из Северной Каролины, активно действовавшее на Капитолийском холме. Представителем данного штата был и один из двух ключевых разработчиков закона – конгрессмен Стивен Нил.

После принятия закона Ригла – Нила «НэйшнзБэнк», «Фёрст юнион» и «Ваковия» (как и их конкуренты из Нью-Йорка и других ведущих финансовых центров) с ещё большей энергией продолжили географическое расширение бизнеса. В результате очень мощной экспансии уже в 1997 г. по объёму активов, управляемых местными банковским холдингами (440 млрд долл.), Шарлотт поднялся на сенсационное второе место в США, уступая теперь лишь Нью-Йорку. Этот факт был с большим воодушевлением отмечен в городской прессе [5].

Позиции Шарлотта стали ещё прочнее после того, как в 1998 г. произошло грандиозное слияние третьей и четвёртой среди крупнейших корпораций в отрасли – каролинского «НэйшнзБэнк» и «БэнкАмерика корпорейшн» (*BankAmerica Corporation*) из Сан-Франциско. Но то, что изначально было представлено как объединение равных финансовых сил, в действительности обернулось триумфом «Нэйшнз»: слияние происходило на его организационной и юридической основе, именно его топ-менеджеры во главе с Х. Макколлом заняли основные позиции в руководстве расширенного холдинга, а также, что было особенно важно, штаб-квартира новой корпорации разместилась в Шарлотте. При этом со стороны Сан-Франциско было взято отлично узнаваемое в США и за их пределами название «Бэнк оф Америка корпорейшн» (*Bank of America Corporation*), которое ранее принадлежало самому крупному и исторически значимому банку в составе прежнего холдинга «БэнкАмерика».

**Рисунок. Доли Северной Каролины в численности населения, а также в активах банков и банковских холдингов США, 1900–2023 гг.**



Расчёты автора на основе данных: [1]; [2]; [3].



К началу нового века уверенно выросшая численность населения Северной Каролины достигала уже 8,2 млн, но даже отличная демографическая динамика терялась на фоне невероятного банковского подъёма (см. рис.). Вслед за Шарлоттом, который с показателем 850 млрд долл. надёжно сохранял второе место в США, заметно продвинулся и Уинстон-Сейлем (девятое место; 130 млрд долл.). Значительную активность в кредитной отрасли проявляли и некоторые другие города, например, Роли (столица Северной Каролины), отдельно отмеченный в книге выдающегося американского экономиста и первопроходца в изучении истории финансовых центров Чарльза Киндлбергера [Kindleberger C.P., 2000: 6].

Вскоре последовало ещё одно большое слияние, на этот раз внутри штата: в 2001 г. объединились «Фёрст юнион» из Шарлотта и «Ваковия» из Уинстон-Сейлема. Центром нового финансового конгломерата закономерно стал Шарлотт, но при этом как более яркое и запоминающееся было сохранено название младшего партнёра по альянсу. Таким образом, был сделан почти тот же маркетинговый ход, что и во время слияния «Нэйшнз» с «БэнкАмерика» в 1998–1999 гг. Новая «Ваковия», управляемая из шарлоттского небоскреба бывшего «Фёрст юнион», стала в этот момент пятым, а немного позднее и четвёртым по величине активов банковским холдингом США.

В 2000-е годы «Бэнк оф Америка» при Кеннете Льюисе (преемнике Х. Макколлы) и «Ваковия» при Кеннеди Томпсоне (преемнике Э. Кратчфилда) продолжили расширение корпоративных империй и в итоге обеспечили офисное присутствие в большинстве регионов страны, а также значительное представительство за границей.

Для «Ваковии» особенно важным событием оказалось приобретение крупной калифорнийской группы «Голден уэст фاینэншл» (*Golden West Financial*), широко представленной на ипотечном рынке своего огромного штата и которую сам К. Томпсон назвал «жемчужиной короны» [6]. А «Бэнк оф Америка» совершил стратегический прорыв на север, приобретя очень большой холдинг «ФлитБостон фاینэншл корпорейшн» (*FleetBoston Financial Corporation*) в штате Массачусетс. В результате к концу 2004 г. активы «Бэнк оф Америка» превысили феноменальную по тем временам отметку 1 трлн долл. Затем на протяжении ещё трёх лет «Бэнк оф Америка», опережая (хотя и ненамного) нью-йоркских конкурентов, оставался крупнейшим банковским холдингом США. Уже находясь в этом статусе, «Бэнк оф Америка» осуществил поглощение калифорнийского холдинга «Кантриуайд фاینэншл» (*Countrywide Financial*), который, подобно «Голден уэст», с невероятным размахом работал в сфере розничной ипотеки. Отметим также, что за период 2004–2009 гг. в центральной части Манхэттена по проекту американского архитектора Ричарда Кука был построен 55-этажный небоскреб для нью-йоркского подразделения «Бэнк оф Америка». О намерении возвести такой офисный комплекс К. Льюис объявил, проявляя солидарность с финансовой столицей США, вскоре после потрясших страну и весь мир терактов 11 сентября 2001 г. [Rothaker R., 2010: 46].

Впрочем, готовность поддержать город Нью-Йорк своими инвестициями не отменяла всё более острую конкуренцию с банками Нью-Йорка. В результате очень впечатляющей гонки за лидером Шарлотт, обладая первым и четвёртым по величине банковскими холдингами США (соответственно «Бэнк оф Америка» и «Ваковия корпорейшн»), почти вплотную подошёл к показателям Нью-Йорка, чьи также прошедшие через множество слияний доминанты – «Джей Пи Морган Чейз» (*JPMorgan Chase*) и «Ситигруп» (*Citigroup*) – находились на второй и третьей

позициях. К началу 2008 г. суммарный результат холдингов Нью-Йорка составлял 3,03 трлн долл., а Шарлотта – 2,41 трлн. Немалые успехи демонстрировали также Уинстон-Сейлем (холдинг «Би-би энд ти корпорейшн» – *BB&T Corporation*), Роли («Фёрст ситизенз бэнкшэрс» – *First Citizens Bancshares*) и некоторые другие города. Северная Каролина достигла максимальной за всю свою историю степени отрыва банковских показателей от демографических (*рис.*).

## **КРИЗИС И ВОЗРОЖДЕНИЕ: ОТ «ВЕЛИКОЙ РЕЦЕССИИ» 2008–2009 гг. ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ**

Однако за блистательными финансовыми показателями этого времени уже довольно долго (как минимум с середины 2006 г.) скрывалась серьёзная проблема – избыточные вложения в самые рискованные сегменты рынка недвижимости. Перепроизводство «субстандартной» ипотеки, ориентированной на миллионы клиентов с невысокими доходами, повлекло за собой перегрев и дестабилизацию строительного сектора, лавину просроченных платежей, подрыв доверия к ряду финансовых инструментов, а в итоге и серию громких корпоративных банкротств, основная волна которых пришлась на осень 2008 г. Масштабы угроз, возникших перед той или иной корпорацией, прямо зависели от степени её вовлечённости в ненадёжные ипотечные механизмы. У обоих шарлоттских гигантов (у «Ваковии» через прежнюю клиентскую базу «жемчужины короны», то есть «Голден уэст», а у «Бэнк оф Америка» через «Кантриуайд») ситуация в этом отношении была очень непростой.

В первом случае провал в банковском балансе был таким, что у «Ваковии» с её 140-летней историей не оставалось шансов продолжить развитие в качестве самостоятельного бизнеса. После экстренных совещаний между представителями федеральных регуляторов и ряда частных корпораций, проводившихся в сентябре и октябре 2008 г., было принято решение о поглощении «Ваковии» со стороны холдинга «Уэллс Фарго» из Сан-Франциско. Данный вариант выглядел вполне логичным: во-первых, «Уэллс Фарго» демонстрировал в условиях кризиса относительную стабильность, во-вторых, руководство калифорнийского гиганта было заинтересовано в том, чтобы с помощью огромных офисных сетей «Ваковии» обеспечить широкое присутствие в восточной части США [Rothaker R., 2010: 112–152]. При этом на уровне соперничества банковских столиц такие события выглядели как реванш, взятый Сан-Франциско у Шарлотта за драму 1998 г., когда в сделке «НэйшнзБэнк» – «БэнкАмерика» участвовали те же города, однако с противоположным вектором поглощения.

Ситуация во втором из оплотов финансового величия Северной Каролины складывалась несколько иначе. В сентябре 2008 г., на самом остром этапе кризиса, «Бэнк оф Америка» выглядел более надёжным, чем «Ваковия», но вскоре и его отчётность стала вызывать очень серьёзное беспокойство. Впрочем, второй (а ещё недавно первый) по величине банковский холдинг США с активами свыше 1,5 трлн долл. безусловно принадлежал к особой категории корпораций, известных как *too big to fail* – «слишком большие для банкротства». Конечно, федеральная власть не могла допустить закрытия такой исключительно важной для экономики и общества кредитной структуры. «Бэнк оф Америка» стал одним из основных получателей средств от Министерства финансов по Программе выкупа проблемных активов, ТАПИ (*Troubled Asset Relief Program, TARP*), в том числе в

обмен на переданный правительству большой пакет привилегированных акций [Rothaker R., 2010: 161–192].

Корпорация, хотя и с немалым трудом, смогла преодолеть «Великую рецессию» 2008–2009 гг. Деятельность «Бэнк оф Америка» вновь стала приносить прибыль, и это позволило уже в декабре 2009 г., накануне истечения периода полномочий К. Льюиса, вернуть правительству долги, связанные с ТАРП [Rothaker R., 2010: 210–211]. Вместе с тем под руководством нового генерального директора Брайана Мойнихэна холдингу пришлось ещё долго заниматься посткризисной перестройкой бизнеса. Это выразилось, например, в резком сокращении рабочих мест и офисных сетей [7], а также в продаже большого пакета акций «Китайского строительного банка» (*China Construction Bank*), купленных ещё в благополучном 2005 году [8]. К началу 2015 г. Шарлотт, на протяжении предыдущих 17 лет являвшийся вторым по значению банковским центром США, вновь уступил эту позицию своему давнему конкуренту в лице Сан-Франциско.

С другой стороны, даже на этом этапе речь шла не о глубоком упадке местного банковского бизнеса (подобном тому, что наблюдалось за последние десятилетия в Хьюстоне, Сиэтле и некоторых других городах [Никитин Л.В., 2019: 159–161, 299–304, 333]), а только о временном отступлении и стабилизационных процессах. Безусловно оставаясь одним из оплотов национальной кредитной системы, «Бэнк оф Америка» при Б. Мойнихэне постепенно обрёл новую надёжность, а во второй половине 2010-х годов вернулся к практике территориального расширения. Особенно важным событием стало начатое с 2018 г. решительное продвижение на высококонкурентный рынок штата Огайо [9], отличающегося большими успехами собственных банков, а также известного в качестве одной из стратегических площадок для нью-йоркского «Джей Пи Морган Чейз».

Более того, очень важные для отрасли события, происходившие за последнее время в Северной Каролине, были связаны не только с «Бэнк оф Америка». Холдинг «Би-би энд ти» из Уинстон-Сейлема, хотя и остававшийся на протяжении многих лет в тени шарлоттских гигантов, тоже представлял собой огромную корпоративную машину, вполне способную стать ещё одним центром финансовой консолидации. В 2019 г. произошло его слияние с примерно таким же по размерам холдингом «СанТраст Бэнкс» (*SunTrust Banks*), располагавшимся в Атланта, столице соседнего штата Джорджия. При постоянно подчёркивавшемся равенстве сторон, базой для нового конгломерата, получившего название «Труист файнэншл корпорейшн» (*Truist Financial Corporation*), стала знаменитая своей банковской специализацией Северная Каролина – причём уже не Уинстон-Сейлем, а Шарлотт. Подобный выбор объяснялся удачной возможностью разместиться в одном из новых небоскребов Аптауна [10], а также очевидным превосходством Шарлотта по численности населения, кадровому потенциалу и развитию транспортных связей.

Наконец, в полной мере оправдывая давний интерес со стороны Ч. Киндлбергера, уверенно заявил о себе и город Роли с холдингом «Фёрст ситизенз». За два с лишним десятилетия, прошедших после выхода в свет упомянутой книги выдающегося экономиста, корпорация выросла до очень внушительных размеров. В марте 2023 г., когда произошло банкротство калифорнийского холдинга «Эс-ви-би», ставшее самым масштабным таким событием в США со времени «Великой рецессии», именно «Фёрст ситизенз» выступил, по согласованию с федеральными регуляторами, покупателем рухнувшей корпорации. Таким образом, восходящая финансовая сила из Северной Каролины внесла существенный

вклад в то, чтобы предотвратить дальнейшую дестабилизацию отрасли, уже начинавшую напоминать некоторые сценарии 2008 года.

За новейшими достижениями «Фёрст ситизенз» просматривалась ещё одна историческая параллель. В далеком 1988 г. приобретение крупнейшего на тот момент банкрота, техасского «Фёрст рипаблик», стало, подчеркнем это ещё раз, переломным моментом в восхождении шарлоттского «Эн-си-эн-би» (с его последующими преобразованиями в «НэйшнзБэнк» и «Бэнк оф Америка») на самые высокие позиции в национальной финансовой иерархии. Вполне вероятно, что нечто подобное – пусть не в таких же, но в сопоставимых масштабах – способен со временем повторить и «Фёрст ситизенз».

Подводя некоторые итоги на основе доступных данных начала 2023 г., можно видеть, что феноменальное смещение экономики Северной Каролины в сторону банковской специализации, отчасти скорректированное в результате «Великой рецессии», вновь стало усиливаться в недавнее время (см. рис.). При населении, составляющем примерно 10,6 млн (девятое место среди всех штатов и 3,2% общего числа жителей страны), Северная Каролина контролирует свыше 16% активов банковских холдингов (более 3,1 трлн долл. в абсолютном выражении) и по-прежнему уступает по данному показателю только Нью-Йорку. Отраслевой сегмент «центральный банк, кредитное посредничество и сопутствующие услуги», который используется в классификаторах Министерства торговли США, формирует в Северной Каролине почти 7% валового внутреннего продукта (при показателе 3,8% по стране в целом) [11].

В плане дальнейшей детализации важно отметить, что основная часть банковских активов, управляемых из Северной Каролины, приходится на город Шарлотт и две его финансовые группы – «Бэнк оф Америка» (2,44 трлн долл. на начало 2023 г.) и «Труист фاینэншл» (546 млрд долл.). После относительно короткого периода 2015–2019 гг. Шарлотт вернул себе второе место в таблице крупнейших банковских центров США, вновь оказавшись выше, чем Сан-Франциско. По отношению к нынешним показателям неизменно лидирующего Нью-Йорка (более 6,5 трлн долл.) результат Шарлотта составляет около 45%, с одной стороны, это существенно меньше, чем было накануне «Великой рецессии», но с другой стороны, и такой уровень представляется недостижимым для вторых по значению банковских центров даже в таких крупных странах, как, например, Япония или Россия.

Длительное пребывание в статусе национальной «вице-столицы» кредитного дела (в 1997–2014 гг. и затем с 2020 г.) очень сильно изменило Шарлотт. Его численность населения, увеличивающаяся намного быстрее, чем в среднем по стране, составляет сейчас 900 тысяч, а вместе с агломерацией – почти 2,7 млн. В настоящее время Шарлотт (а также Роли) относятся к числу самых быстрорастущих городов США [Супян В.Б., 2023]. 60-этажный небоскреб «Бэнк оф Америка» и 47-этажный небоскреб «Труист фاینэншл», как и весь деловой район Аптаун, по своей узнаваемости начинают приближаться к Манхэттену. Различные трансформации городской среды Шарлотта, произошедшие в эпоху больших банков, являются предметом специального научного анализа на страницах обстоятельных публикаций (напр.: [Graves W., Smith H.A, 2010]).

На таком фоне город Роли с холдингом «Фёрст ситизенз» (110 млрд долл. к началу 2023 г.), занимавший 22-е место среди банковских центров США, выглядит далеко не так убедительно. Однако с учётом недавней сделки «Фёрст ситизенз» – «Эс-ви-би» есть основания ожидать, что по данным на 2024 г. Роли поднимется в этой иерархии сразу на 10–12 позиций. Хотя Роли едва ли сможет выйти на траек-

торию, аналогичную той, что в 1980–2000-е годы демонстрировал Шарлотт, у первого из этих городов тоже есть существенные преимущества (столичный статус и очень важное место в «Исследовательском треугольнике»), способные дополнительно стимулировать его дальнейшие банковские успехи. Заменяв Уинстон-Сейлем и несколько приблизившись по банковскому весу к Шарлотту, Роли наметил новые очертания финансового кластера Северной Каролины, который, в свою очередь, получил ещё один источник для продолжающегося подъёма.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В банковской системе США, даже при её относительной стабильности на протяжении последних полутора десятилетий, непрерывно происходят значительные и разнонаправленные трансформации, в том числе и в территориальных аспектах. Но при этом остаются неизменными как минимум две пространственные характеристики: сохраняющееся уже около 200 лет лидерство Нью-Йорка и сложившаяся с 1980–1990-х годов роль Северной Каролины как второго по значению банковского узла своей страны. Рассмотренный в данной статье феномен сравнительного небольшого южноатлантического штата имеет глубокие исторические истоки (связанные, прежде всего, с давней отменой запрета на филиальные сети), к которым позднее добавились и другие факторы – успешная межштатная интеграция, наличие политической поддержки, системный подход местных деловых элит к развитию большого финансового бизнеса на своей территории и т.д. Несмотря на различные трудности, особенно ярко проявившиеся во время кризиса 2008–2009 гг., удивительный по динамике и масштабам банковский подъём Северной Каролины продолжается и в настоящее время.

## ИСТОЧНИКИ

1. U.S. Census Bureau. Population. Population Estimates. Historical Data. Available at: <http://www.census.gov/popest/data/historical> (accessed: 18.11.2022).
2. Federal Deposit Insurance Corporation (FDIC). Industry Analysis. Bank Data & Statistics. Institution Directory. Available at: <https://www5.fdic.gov/idasp/advSearchLanding.asp> (accessed: 28.06.2023)
3. Federal Reserve Archival System for Economic Research (FRASER). Economic Data. C.6. Bank Holding Companies and Subsidiary Banks, Domestic and Foreign. Available at: <https://www.fraser.stlouisfed.org/data/#!21:title:1268> (accessed: 15.06.2023).
4. Bradsher, K. Interstate-Banking Bill Gets Final Approval in Congress. *The New York Times*. Sept. 14, 1994.
5. Moore, P. No. 2 Banking City: Right Here, Folks. *The Charlotte Observer*. Nov. 25, 1997.
6. Litterick, D. Wachovia Pays \$25bn for Jewel. *The Daily Telegraph*. May 9, 2006.
7. Hsu, T. Bank of America Reportedly Plans to Cut 16000 Jobs. *The Los Angeles Times*. Sept. 20, 2012.
8. Law, F., Ho, P., Raice S. Bank of America Exits China Bank Stake. *The Wall Street Journal*. Sept. 3, 2013.
9. Williams, M. Bank of America Expanding into Ohio. *The Columbus Dispatch*. Feb. 26, 2018.
10. Chemtob, D., Weinstein, A. Truist Buys Uptown Tower for Record \$455 Million as Bank Builds Charlotte Presence. *The Charlotte Observer*. Dec. 11, 2019.
11. The Bureau of Economic Analysis (BEA). GDP by State. Available at: <https://www.bea.gov/data/gdp/gdp-state> (accessed: 25.06.2023).

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Железова В.Ф. Клан 20-ти. Международные банки США. М.: Мысль, 1981. 254 с.
- Никитин Л.В. Продолжение Уолл-стрит: Нью-Йорк и другие банковские столицы США на рубеже XX–XXI веков. Челябинск: Издательство ЮУрГГПУ, 2019. 545 с.
- Смирнягин Л.В. Районы США: портрет современной Америки. М.: Мысль, 1989. 379 с.
- Супян В.Б. Экономика и население США в региональном измерении (зоны ускоренного роста). *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2023. № 3. С. 5–13. DOI 10.31857/S268667302303001X

## REFERENCES

- Calomiris, C.W., Haber S.H. *Fragile by Design: The Political Origins of Banking Crises and Scarce Credit*. Princeton: Princeton University Press, 2014. 584 p.
- Cassis, Y. *Capitals of Capital. A History of International Financial Centres*. 1780–2005. N.Y.: Cambridge University Press, 2006. 400 p.
- Graves, W., Smith, H.A. (eds.). *Charlotte, NC: The Global Evolution of a New South City*. Athens (Ga.): University of Georgia Press, 2010. 320 p.
- Kindleberger, C.P. *Comparative Political Economy: a Retrospect*. Cambridge (Mass.): MIT Press, 2000. 508 p.
- Nikitin, L.V. *The Greater Wall Street: New York City and Other Banking Metropolises of the USA in the Late 20th and Early 21st Centuries*. Chelyabinsk: SUSHPU Publ., 2019. 545 p.
- Rose, P.S. *Banking across State Lines: Public and Private Consequences*. Westport (Conn.): Quorum Books, 1997. 188 p.
- Rothaker, R. *Banktown: The Rise and Struggle of Charlotte's Big Banks*. Winston Salem (N.C.): John F. Blair, 2010. 336 p.
- Seidman, L.W. *Full Faith and Credit: The Great S&L Debacle and Other Washington Sagas*. Washington (D.C.): Beard Books, 2000. 315 p.
- Smirnyagin, L.V. *Regions of the USA: A Portrait of Modern America*. M.: Mysl, 1989. 379 p.
- Supyan, V.B. *The US Economy and Population in Regional Dimension (Zones of Accelerated Growth)*. *USA & Canada. Economics, Politics, Culture*. 2023. No. 3. P. 5–13. DOI 10.31857/S268667302303001X
- Zhelezova, V.F. *Clan of 20. US International Banks*. M.: Mysl, 1981. 254 p.

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**НИКИТИН Леонид Витальевич**, доктор исторических наук, профессор, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет. Российская Федерация, 454080, Челябинск, пр. Ленина, 69; доцент, НИУ «Южно-Уральский государственный университет». Российская Федерация, 454080, Челябинск, пр. Ленина, 76.

**Leonid V. NIKITIN**, Doctor of Historical Sciences, Professor, South Ural State Humanitarian Pedagogical University 69, Lenina pr., Chelyabinsk, 454080, Russian Federation; Associate Professor, South Ural State University; 76, Lenina pr., Chelyabinsk, 454080, Russian Federation.

*Статья поступила в редакцию 10.08.2023 / Received 10.08.2023.*

*Поступила после рецензирования 25.08.2023 / Revised 25.08.2023.*

*Статья принята к публикации 27.08.2023 / Accepted 25.08.2023.*

УДК 327.8

DOI: 10.31857/S2686673023120088

EDN: NYXPSZ

## Обменные программы как инструмент публичной дипломатии США

**У.З. Артамонова**

*Национальный исследовательский институт мировой экономики  
и международных отношений имени Е.М. Примакова  
Российской академии наук (ИМЭМО РАН).*

*Российская Федерация, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23.*

*Researcher ID: C-9000-2019 Scopus ID 57421495100*

*ORCID: 0000-0003-1825-9291 ПИНЦ ID 1017529*

*e-mail: artamonova.u@imemo.ru*

---

**Резюме.** В условиях трансформации миропорядка, кризиса американского глобального лидерства и обострения противоречий великих держав важной становится способность политических акторов влиять на международное общественное мнение. Публичная дипломатия (ПД) выступает центральным элементом в американском арсенале соответствующих средств. Статья анализирует место обменных программ в организационной структуре публичной дипломатии, выделяет основные типы программ и ключевые фокус-группы их целевой аудитории. Применяя для анализа принципа воздействия теорию преобразующего обучения и элементы политической психологии, автор воспроизводит механизм трансформации личности участника программ. Принимая в расчёт системный кризис ПД и негативные тенденции в сфере обменных программ в последние годы, в статье делается вывод о необходимости дальнейшего мониторинга соответствующих тенденций.

**Ключевые слова:** публичная дипломатия, «мягкая сила», США, обменные программы, образовательные обмены, внешняя политика, политические технологии, культурный империализм

**Благодарности:** Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

**Для цитирования:** Артамонова У.З. Обменные программы как инструмент публичной дипломатии США. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2023; 53 (12): 86–98. DOI: 10.31857/S2686673023120088 EDN: NYXPSZ

---

## International Exchanges as an Instrument of American Public Diplomacy

**Uliana Z. Artamonova**

*Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,  
Russian Academy of Sciences*

*23, Profsovnaya street, Moscow, 117997 Russian Federation.*

*Researcher ID: C-9000-2019 Scopus ID 57421495100*

*ORCID: 0000-0003-1825-9291 ПИНЦ ID 1017529*

*e-mail: artamonova.u@imemo.ru*

---

**Abstract:** It has become clear that the development of international situation will be determined by several trends: transformation of the world order, crisis of American global leadership and confrontation between the great powers. All three are intertwined since the primary reason for confrontation is the disagreement between the great powers about how they envision the future of world order: as continuation of “rule-based order” with American leadership or as a new model, for instance, a multipolar world. Thus, the importance of methods aimed at influencing international public opinion, such as public diplomacy (PD), has increased significantly. Among the U.S. PD instruments international exchanges have always been the “crown jewel” – a slow long-term but nevertheless effective strategic tool used to gradually create a dominating global worldview beneficial for American national interests. This article examines the place the international exchanges hold within the systemic organization of the U.S. PD, identifies the main types of exchanges as well as three key focus-groups of their target audiences. Applying the transformative education’s theory author analyzes the mechanics of influence projected via the exchanges. At the end, putting together American PD systemic crisis and recent negative trends concerning participation in exchanges the article concludes that further monitoring will be required in the future.

**Keywords:** public diplomacy, soft power, U.S., exchange programs, international exchanges, educational exchanges, cultural exchanges, cultural imperialism.

**Acknowledgments:** The article was prepared within the project "Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

**For citation:** Uliana Z. Artamonova. International Exchanges as an Instrument of American Public Diplomacy. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53 (12): 86-98. DOI: 10.31857/S2686673023120088 EDN: NYXPSZ

## ВВЕДЕНИЕ

Тенденции мировой политики последних лет повышают актуальность исследования различных средств политического влияния в международных отношениях. Одно из них - публичная дипломатия (ПД) – технология, связанная с целями и задачами внешней политики государства, а также с защитой его интересов за границей, и влиянием на общественное мнение в других странах. США – государство, которое имеет опыт успешного развития и применения этой технологии, в том числе, в прошлом в условиях геополитического противостояния с другим государством в период холодной войны – с СССР.

На современном этапе столкновение национальных интересов США и РФ вновь представляет один из факторов, определяющих тенденции развития международной обстановки. Ключевые противоречия лежат в области мировоззрения: отсутствие единого мнения о том, каким должно быть мироустройство, несовпадение концепции «миропорядка, основанного на правилах» и концепции «справедливого многополярного мира». Американская публичная дипломатия – это инструмент, применяемый для того, чтобы формировать и поддерживать в массовом сознании картину мира, соответствующую американским национальным интересам. С высокой долей вероятности в текущей международной обстановке роль ПД в арсенале средств реализации внешней политики возрастёт.

Цель статьи заключается в том, чтобы проанализировать роль обменных программ в качестве одного из ключевых инструментов публичной дипломатии. Для достижения этой цели будет исследовано место обменных программ в системе организационного механизма ПД; определены основные типы программ и фокус-



группы их целевой аудитории; произведена оценка динамики развития этого инструмента на современном этапе. Исследовательская новизна заключается в использовании автором теории преобразующего обучения и элементов политической психологии для анализа принципа воздействия обменных программ на участников.

## ОБМЕННЫЕ ПРОГРАММЫ В МЕХАНИЗМЕ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Программы по обмену из всех практик, вошедших в арсенал ПД, имеют самую долгую историю. Профессор СПбГУ Н.А. Цветкова прослеживает опыт применения подобных инициатив в США до конца XX века [Цветкова, 2007]. Первые шаги в направлении формального закрепления советующих практик в структуре государственных институтов США относятся к 1938 г. и созданию Отдела культурных связей в Госдепартаменте, который ещё не занимался реализацией программ, но поощрял подобные инициативы среди фондов, университетов и колледжей [Espinosa, 1976].

Оформление законодательной основы ПД началось с нормативно-правового акта, регулирующего именно обменные программы – закона Фулбрайта 1946 г. (*Fulbright Act of 1946*), учредившего одну из самых известных на сегодняшний день обменных инициатив – Программу Фулбрайта [Ward, 1947]. Два других ключевых нормативно-правовых акта, закон Смита – Мундта 1948 г. (*U.S. Information and Educational Exchange Act of 1948*) и закон Фулбрайта – Хейса 1961 г. (*Mutual Educational and Cultural Exchange Act of 1961*), также касались, среди прочего, обменных программ.

Закон Смита – Мундта разделял ПД на два ключевых направления: информационную деятельность, рассчитанную на кратко- и среднесрочную перспективу для решения преимущественно тактических задач; и деятельность, касающуюся образовательных и культурных обменов, рассчитанную на долгосрочную перспективу и решение стратегических задач [1]. Закон Фулбрайта – Хейса значительно детализировал способы реализации целей ПД на образовательном и культурном направлениях, отделяя «образовательные» инициативы, обмены, имеющие прямое отношение к процессам обучения, и «культурные» инициативы, обмены без образовательного компонента [2].

В системе институтов ПД обменные программы относятся к сфере ответственности профильных подразделений Госдепартамента, а именно – Бюро образовательных и культурных связей Госдепартамента США (*Bureau of Educational and Cultural Affairs*). Сегодня Госдепартамент является одним из двух ключевых государственных институтов в системе публичной дипломатии, вторым – Агентство США по глобальным медиа, АСГМ (*United States Agency for Global Media*).

Миссия Бюро заключается в разработке и реализации обменных программ, направленных на достижение целей внешней политики и национальной безопасности США [3]. Среди его официальных задач: обеспечение американского глобального лидерства; поддержание конкурентного преимущества США в мире; противодействие дезинформации, исходящей от иностранных правительств; и продвижение американских ценностей за рубежом [4].

Высокий приоритет обменных программ в арсенале инструментов ПД США прослеживается в распределении финансирования. Бюджет Бюро на 2023 фин. г.

составляет 741,3 млн долл., то есть около 34% общей суммы государственного финансирования ПД США (около 2,2 млрд долл.) [5]. Большая доля в финансировании выделяется только на АСГМ. Среди же всех подразделений Госдепартамента, задействованных в ПД, Бюро является безусловным лидером по распределению бюджета, получая около 80% всего финансирования.

## ТИПОЛОГИЯ ОБМЕННЫХ ПРОГРАММ

Существуют два основных типа программ по обмену, реализуемых под эгидой Госдепартамента. *Академические обмены* (для школьников, студентов и учёных, подразумевающие учебный процесс и/или исследовательскую деятельность) и *общегражданские обмены* (для представителей сферы искусства, спортсменов, специалистов, связанные со стажировками и иной деятельностью, носящей профессиональный, а не учебный характер).

Программы также различаются по способу реализации. Одни полностью реализуются самим Бюро, другие – совместно с партнёром (неправительственной организацией/некоммерческой организацией - НПО/НКО, иностранным правительством, иностранным университетом и т.д.), некоторые программы Бюро спонсирует косвенно, финансирование выделяется соответствующим НПО (например, *Hollings Center, East-West Center, Solidarity Center* и пр.). В таких случаях Бюро контролирует финансовые вопросы, но не вопросы организации самой программы: участвуют только тестструктуры, которые заслуживают доверия Госдепартамента.

Помимо этого, существует такая подкатегория, как *частные обмены*. В их случае кураторство и надзор по-прежнему остаются в юрисдикции соответствующей структуры Госдепартамента, но финансирование они получают полностью из частного сектора. В отличие от тех программ, которые реализуются совместно с НПО, эти по своему содержанию, организации и реализации жестко контролируются Госдепартаментом, и спонсоры, чей подход в итоге не устроил правительство, могут быть исключены из процесса [4]. По своему характеру эти программы также делятся на академические и общегражданские. Среди них особенно известны: *Au Pair* (участники оказывают помощь по дому и присматривают за детьми, параллельно обучаясь в американском университете), *Camp Counselor* (участники работают вожатыми в летних американских лагерях), *Summer Work Travel* (иностранные студенты летом работают на неквалифицированных должностях в США, а затем месяц путешествуют по стране), *Secondary School Student* (участники в возрасте 15-18 лет посещают американскую школу и живут в принимающей семье).

Две программы заслуживают особенного внимания: Программа Фулбрайта (технически Программа Фулбрайта – это обобщающее название, под которым объединено несколько инициатив различного профиля, но ключевыми являются программа для студентов (*Fulbright Foreign Student Program*) и программа для учёных (*Fulbright Visiting Scholar Program*)) и Международная гостевая программа лидерства, МГПЛ (*International Visitor Leadership Program*). По мнению некоторых экспертов фактически история американских обменных программ после Второй мировой войны – это в значительной степени история двух вышеназванных инициатив [Johnson, 2018].

Они являются лидерами как по общему количеству выпускников – более полумиллиона человек в совокупности [Johnson, 2018], так и по количеству извест-

ных участников. 61 выпускник Программы Фулбрайта стали лауреатами Нобелевской премии, 89 – лауреатами Пулитцеровской премии, а 40 были или являются главами государств и председателями правительств, среди них: король Испании Филипп IV, бывший президент Афганистана А. Гани, экс-президент Хорватии К. Грабар-Китарович и другие. Более 500 нынешних либо бывших глав государств или председателей правительств принимало участие в программе лидерства[3]: Н. Саркози, В.Ж. д'Эстен (Франция); В. Брандт, Г. Шрёдер (Германия); М. Тэтчер, Т. Блэр (Великобритания); З. Жвания, М. Саакашвили (Грузия); Л. Кравчук, Л. Кучма (Украина); Д. Туск (Польша); Н. Модии (Индия); Д. Русеф (Бразилия); А. Гутерриш (Португалия); А. Фог Расмуссен (Дания); Джасинда Арден (Новая Зеландия); Д. Грибаускайте (Литва) и многие другие.

Эти программы также отличает масштаб финансирования: около 76% бюджета образовательных и культурных инициатив приходится на Программу Фулбрайта, а бюджет МГЛП составляет примерно половину всей суммы, выделяемой на программы общегражданских обменов [Johnson, 2018]. Они также являются одними из старейших, среди всех реализуемых под эгидой Госдепартамента инициатив: Программа Фулбрайта существует с 1946 г., а МГЛП начинает свой отсчёт с 1940 г., хотя формально она была окончательно консолидирована в рамках нормативно-правовой базы ПД США с 1948 по 1952 гг. [6]. По оценкам Консультативной комиссии США по публичной дипломатии, МГЛП — это один из наиболее эффективных инструментов для «оказания влияния на иностранных лиц, принимающих решения, по вопросам, относящимся к приоритетам внешней политики США» [Rugh, 2014].

## ЦЕЛЕВАЯ АУДИТОРИЯ

Каждая обменная программа имеет свои критерии для участия, однако среди целевой аудитории можно выделить три основные фокус-группы: «молодёжь», «лидеры» и «авторитеты для молодёжи» (*youth influencers*). Первая может включать в себя потенциальных лидеров, молодых лидеров, представителей различных элит и проч. Вторая включает школьников, студентов, аспирантов, молодых специалистов, учёных и т.д. Третья – сотрудников администрации образовательных учреждений, учителей, лекторов и т.п.

По данным Бюро, 59% всех реализуемых программ фокусируются на молодёжи и молодых лидерах, а треть – на интеллектуальных элитах [6]. По данным 2023 г. [3], Госдепартамент финансирует, реализует и/или курирует 50 программ, нацеленных на иностранцев. Из них 15 являются академическими обменами, а 35 – общегражданскими. Десять рассчитаны на школьников-старшеклассников, шесть – на студентов бакалавриата, две – на магистров и аспирантов. Среди общегражданских программ большинство ориентировано на лидеров: 15 программ, пять из которых рассчитаны строго на молодёжь. Аналогична ситуация с пятью программами, ориентированными на спорт, искусство и творчество, три из которых набирают участников только среди молодёжи. Вторая крупнейшая целевая группа неакадемических обменов фокусируется на «авторитетах для молодёжи». Это совокупность из десяти программ, в которых могут участвовать учителя младших, средних и старших классов, преподаватели и лекторы высших учебных заведений, в том числе специализирующиеся на дисциплинах из области американских исследований, учителя иностранных языков, в особенности преподаватели английского как иностранного языка, спортивные тренеры. В определённой степени к этой же категории можно отнести и четыре обменные программы для

учёных и исследователей, которые тоже часто выполняют функции преподавателей, либо научных руководителей.

Выбор приоритетных целевых групп определяется, в том числе, их способностью оказывать влияние на формирование общественного мнения и процесс принятия решений в своих странах. В случае группы «лидеров» оказание влияния на убеждения одного лидера даёт возможность распространить соответствующие взгляды среди той части иностранной общественности, которая признаёт его авторитет. Помимо этого, высока вероятность того, что участники из группы «лидеры» являются, либо станут в будущем лицами, принимающими решения в своей стране что выгодно для национальных интересов США. Как минимум уровень взаимопонимания политического руководства США с ними будет достаточно высоким. В частности, около 15% послов иностранных государств в США составляют выпускники американских обменных программ [4].

Группа «молодёжь» важна по нескольким причинам: из-за большого потенциала активности – готовности учиться, строить карьеру, участвовать в проектах, высокой по сравнению со зрелым населением продолжительности жизни и уровня своей восприимчивости. Податливость человеческой психики к любому психологическому воздействию снижается по мере накопления жизненного опыта, научных и профессиональных знаний [Крысько, 1999]. Школьники и студенты более открыты новому опыту, легче адаптируются к непривычным условиям, их мировоззрение ещё находится на этапе формирования.

Именно во взаимосвязи с молодёжной целевой группой выделяется подгруппа «авторитетов для молодёжи». Её представители имеют непосредственный контакт с молодым поколением своих стран и, что ещё важнее, обладают авторитетом в её глазах. Соответственно, они способны играть роль «ретранслятора» ПД США, распространяя полученные впечатления и опыт, а также сформировавшиеся в связи с этим идеи и установки. Американский эксперт по ПД Э. Фишер полагает, что образовавшиеся в результате обменных программ транснациональные группы единомышленников помогли распространению в европейских высших учебных заведениях во второй половине XX – начале XXI века такой дисциплины, как «американские исследования» и ей подобных [Fisher, 2013]. Н.А. Цветкова отмечает, что именно в краткосрочных стажировках для представителей академических кругов и экспертного сообщества лежала основа тактики США по внедрению в зарубежных высших учебных заведениях дисциплин из области социальных наук и дисциплин, связанных с американскими исследованиями, с целью продвижения американской либеральной идеологии и обеспечения внешнеполитических интересов США [Цветкова Н.А., 2007].

## ПРИНЦИП ВОЗДЕЙСТВИЯ

Наибольший интерес вызывает непосредственно принцип воздействия обменных программ как инструмента ПД США. С точки зрения психологического воздействия на сознание личности или группы людей, обменные программы можно отнести к категории «контактных» средств. Контактное воздействие считается наиболее эффективным из-за элемента обратной связи – возможности оценивать реакцию объекта воздействия в процессе и корректировать практику соответственно. Для лучшего понимания самой механики воздействия важно взглянуть на обменные программы сквозь призму теории преобразующего обучения.

Эта теория была разработана американским социологом Дж. Мезировым в 1978 г., как одно из ответвлений исследовательских направлений - критической педагогики и преобразующей педагогики [Корнетов, 2018]. Согласно теории, обучение можно рассматривать не только как процесс получения знаний, но и как процесс трансформации личности обучающегося, который происходит в трёх измерениях [Clark, Wilson, 1991] и в три этапа [Kirkgoz, 2017].

Первое измерение трансформации – психологическое (изменение в понимании самого себя) – соответствует первому этапу – «дезориентирующей дилемме», которая может быть вызвана кризисом или новым опытом в жизни человека. Второе измерение – ценностное (пересмотр системы убеждений) – соответствует второму этапу – критическому переосмыслению, спровоцированному дилеммой. Третье – поведенческое (изменения в стиле жизни) – соответствует третьему этапу – практической интеграции новой картины мира, сформировавшейся у человека в результате двух других этапов, в его повседневную жизнь.

Дезориентирующая дилемма является эквивалентом психологического понятия «когнитивный диссонанс». Это состояние психического дискомфорта индивида, вызванное столкновением в его сознании конфликтующих представлений, из-за чего возникает несогласованность между интеллектуально-познавательными и всеми остальными компонентами психики. Индивид, стремясь избавиться от диссонанса, может отнестись с недоверием к информации, ставшей источником этого состояния; изменить своё поведение в соответствии с этой информацией; переосмыслить прежние взгляды в новом ракурсе [Крысько, 1999]. Принцип воздействия заключается в том, чтобы сначала вызвать у объекта когнитивный диссонанс, а затем подтолкнуть к его преодолению через изменение взглядов и поведения, что соответствует второму и третьему этапам трансформации в рамках теории преобразующего обучения. При этом, соответствующие манипуляции, с точки зрения психологии, относятся к воздействию на интеллектуально-познавательную сферу человеческой психики. Такое воздействие позволяет изменить представления, характер восприятия вновь поступающей информации и в итоге картину мира индивида [Крысько, 1999].

По этой теории обменные программы сами по себе изначально провоцируют у участников «дезориентирующую дилемму», или когнитивный диссонанс, потому что поездка в другую страну (как правило первый визит в США для участников программ) является «шоковым», с точки зрения психологии опытом. Резкая смена окружающей обстановки в сочетании с повышенным уровнем тревоги и энтузиазма, вызванными престижной репутацией соответствующих программ и высоким уровнем конкуренции при отборе для участия [7], играют роль дестабилизирующих факторов.

По оценкам экспертов, наиболее эффективны краткосрочные обменные программы, подобные МГЛП. Они укладываются в «супер-позитивный период» в восприятии участника, когда он ещё не преодолел первоначальный культурный шок, что облегчает создание условий, при которых получаемая информация и опыт воспринимаются максимально положительно. Долгосрочные программы, например, годовая поездка по Программе Фулбрайта, также эффективны, поскольку дают участнику возможность преодолеть рубеж «формирования негативных впечатлений», который наступает приблизительно через три месяца нахождения в стране, и компенсировать это за оставшийся период времени [Custer, 2022].

Влияние обменных программ на убеждения иностранных участников подтверждается исследованиями, которые проводит Консультативная комиссия

США по публичной дипломатии: 89% иностранных участников обменов, опрошенных в 2018 г., сообщили, что стали более положительно относиться к США, а 93% выразили согласие с утверждениями в поддержку демократических ценностей [8]. В свою очередь, в докладе, опубликованном Бюро в 2020 г. после опроса участников одной из программ для молодых лидеров (*Professional Fellows Program*), указано, что у 66% респондентов изменились представления об американской культуре и американском народе на «крайне положительные», а у 38% в том же ключе изменились взгляды на американскую политическую систему [9].

Профессор Университета Чукурова (Турция) Я. Киркгёз в 2017 г. опубликовала исследование [Kirkgoz, 2017], проведённое среди участников обменной Программы Фулбрайта для преподавателей английского как иностранного. Большинство утверждали, что после поездки в США стали инкорпорировать либерально-демократические и мультикультурные ценности в свою педагогическую практику на ежедневной основе, а некоторые из них сменили фокус своей профессиональной деятельности с английского языка как иностранного, на изучение и преподавание английского языка как языка международного общения. Укрепление позиций английского языка в международном общественном мнении в роли общепринятого «лингва франка» вносит вклад в сохранение и продвижении концепции американского глобального лидерства, поскольку общий язык способствует укреплению транснациональных пространственных связей [Прохоренко, 2015].

Обменные программы могут использоваться для решения узких тактических задач: воздействовать на общественное мнение в конкретной стране по какому-либо вопросу в определённый период времени. Хорошо иллюстрирует такую ситуацию кейс процесса вступления Северной Македонии в НАТО. Вступлению бывшей Югославской Республики Македония в НАТО долгие годы мешали разногласия между этим государством и Грецией, не признающей название «Македония». В 2017 г. было объявлено о начале переговоров о переименовании республики в Северную Македонию, что должно было разрешить спор с Грецией. Переговоры вызвали негативную реакцию греческой общественности.

В 2018 г. для Греции было выделено на десять больше, чем в предыдущем году, стипендий Фулбрайта, причём большее количество было предложено не студентам, а профессорам и учёным, т.е. членам экспертного сообщества [10], имеющим возможность оказать влияние на общественное мнение тех, кто принимает решения. Годом ранее в США отправилась греческая делегация из девяти представителей бизнес-кругов по линии МГПЛ для получения опыта по увеличению благосостояния страны [11]. В результате консенсус с Грецией был достигнут в 2018 г., а в 2019 г. Северная Македония вступила в НАТО. Таким образом, обмены были призваны укрепить проамериканскую позицию элит, чтобы компенсировать эффект от негативного общественного мнения по политическому вопросу и предупредить появления препятствий для достижения соглашения между Грецией и Северной Македонией, а значит и вступления последней в НАТО.

Однако, как правило, любому успешному краткосрочному воздействию по линии ПД США предшествует многолетняя подготовительная работа по формированию у целевых групп определённой картины мира, в том числе через обменные программы. Широко известен случай размещения США крылатых ракет Томагавк и баллистических ракет «Першинг» в Западной Европе в 1980-х годах. Это вызвало бурный общественный протест. В рамках информационной программы по подготовке общественного мнения в Европе МГПЛ использовалась, чтобы дать

возможность членам политического и оборонного сообществ пообщаться со своими американскими коллегами в неофициальной обстановке. Помимо этого, в программу привлекали экспертов, журналистов, освещающих эту тематику, и напрямую связанных с этим вопросом членов парламента [Scott-Smith, 2008].

С. Бёрнетт, занимавший в 1970–1980-е годы пост руководителя отдела исследований и аудита в Информационном агентстве США, ЮСИА (*United States Information Agency, USIA*) – основном институте ПД США в период холодной войны, анализируя результаты комплексной информационной кампании ЮСИА, проведённой в рамках подготовки общественного мнения к размещению ракет, пришёл к выводу, что положительный результат был достигнут не за счёт самой кампании, а благодаря сформированной ранее у европейцев картины мира (включая их убеждения относительно США, СССР и места Европы в мире). Соответствующая картина мира, в свою очередь, была продуктом в том числе обменных программ, в которых они когда-то участвовали, а также их взаимодействия с учителями английского языка как иностранного и преподавателями дисциплины американских исследований [Burnett, 1988].

Среди наиболее масштабных примеров роли обменных программ в содействии национальным интересам США в американском экспертном сообществе принято называть участие в Программе Фулбрайта архитектора «перестройки» А.Н. Яковлева в 1958–1959 гг. [Pipes, 2015], [12], которое «спустя четверть века окупилось продвигаемой им политикой “гласности”» [Custer, 2022]. СССР представлял собой угрозу национальным интересам США. При этом, угрозой он являлся именно в той форме, в которой существовал: с наличием коммунистической партии, её центральной ролью и прочими атрибутами социально-государственного устройства СССР. Сам Яковлев в ретроспективе говорил о своей политической деятельности, как о направленной на уничтожение «советского строя» [13] и «коммунистической партии» [Яковлев, 1999]. Одним из последствий политики «перестройки» и «гласности» в итоге оказалась ситуация, которая была объективно выгодна для национальных интересов США – ликвидация СССР и тотальная деконструкция идеологии советской государственности, исключавшая возможность его восстановления в слегка видоизменённой форме в обозримой перспективе.

А.Н. Яковлев тем не менее не рассматривал эти события и свою в них роль в таком ракурсе [14], хотя обладал и образованием, и профессиональным опытом, позволяющими говорить о высоком уровне его компетентности в вопросах международных отношений. Этот факт позволяет выдвинуть гипотезу, согласно которой его картина мира подверглась серьёзной трансформации, что с высокой долей вероятности могло быть последствием «дезориентирующей дилеммы», наступившей в год учёбы в Колумбийском университете: в 1999 г. А. Яковлев писал, что его тотальное разочарование в марксизме-ленинизме и любом сопутствующем этой идеологии дискурсе началось около 40 лет тому назад [Яковлев, 1999], то есть в 1959 г., когда закончился год его учёбы в США.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, можно сделать несколько выводов. Обменные программы с первых лет становления ПД США были и остаются одним из ключевых её инструментов: и в законодательстве, и в институциональной структуре, и в государственном бюджете обменным программам отведена соответствующая роль.

Несмотря на многообразие отдельных проектов и инициатив, существует два основных типа – академические и общегражданские обмены, а целевая аудитория этого инструмента укладывается в три зачастую пересекающиеся фокус-группы: «молодежь», «лидеры», «авторитеты для молодёжи», которые отличают высокий уровень восприимчивости, способность ретранслировать полученное воздействие и большой потенциал активности.

Из-за значительного акцента на молодёжной аудитории обменные программы являются «медленным» инструментом ПД, рассчитанным в большей степени на долгосрочную перспективу. Краткосрочные программы можно использовать тактически – для регулирования общественного мнения по отдельному вопросу в определённый момент времени, но подобный подход даст результаты только в случае, если иностранная общественность уже обладает подходящей картиной мира либо набором убеждений и ценностей, позволяющих этой группе воспринимать происходящие события в ракурсе, который совпадает с национальными интересами США.

Основное предназначение обменных программ лежит в стратегической плоскости и заключается в культивации у зарубежной общественности мировоззрения, которое минимизирует угрозы и максимизирует выгоду для интересов США. С точки зрения психологии, обменные программы фокусируются на воздействии на интеллектуально-познавательную сферу человеческой психики, которая отвечает за картину мира в сознании индивида. Одним из аспектов этой деятельности является стимулирование положительного восприятия американской культуры, образа жизни, экономической и социально-политической модели. Среди других аспектов – содействие доминированию американского дискурса в социальных науках на международном уровне; поддержание и укрепление позиций английского языка в качестве «лингва франка»; продвижение концепции «миропорядка, основанного на правилах» с центральной ролью США в качестве базальтернативного глобального лидера.

Обменные программы в последние годы характеризует негативная тенденция, касающаяся интереса иностранных участников. Согласно статистике Бюро, показатель общего числа зачисленных в США иностранных студентов последовательно сокращался с 2017 по 2021 гг., а показатель общего числа прибывших иностранных учёных/исследователей последовательно сокращался с 2019 по 2021 г. Оба показателя продемонстрировали положительную динамику в 2022 г., но не достигли уровня, предшествовавшего началу негативного тренда: количество иностранных студентов в 2022 г. соответствовало показателю 2013 г. [15], а иностранных учёных – показателю 2004 г. [16] В сочетании с ежегодным увеличением бюджета Бюро [4] эта тенденция может указывать на серьёзные системные проблемы в ПД США в целом и направлении обменных программ в частности, поскольку негативный тренд был зафиксирован ещё до пандемии ковид-19, а значит не может быть отнесён целиком на её счёт.

Учитывая иные негативные тренды в системе ПД США, фиксируемые в последние десятилетия: отсутствие существенных реформ в структуре институтов после 1999 г.; кадровый кризис; отсутствие стабильного руководства [Артамонова, 2021] и другие, высока вероятность того, что атрофия механизма системной организации ПД США начала проявляться в сфере практической реализации соответствующих практик, провоцируя снижение заинтересованности иностранной общественности в участии в американских обменных программах. Поскольку в текущей международной обстановке значение публичной дипломатии возрастает, необходимо в дальнейшем отслеживать и анализировать изменения, происходящие в этой сфере.



## ИСТОЧНИКИ

1. U.S. Information and Educational Exchange Act of 1948. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-1091/pdf/COMPS-1091.pdf> (accessed: 21.06.2023).
2. Mutual Educational and Cultural Exchange Act of 1961. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-75/pdf/STATUTE-75-Pg527.pdf> (accessed: 21.06.2023).
3. Bureau of Educational and Cultural Affairs. Available at: <https://www.state.gov/about-us-bureau-of-educational-and-cultural-affairs/> (accessed: 21.06.2023).
4. Comprehensive annual report on public diplomacy and international broadcasting. 2022. US Advisory Commission on Public Diplomacy. Available at: <https://www.state.gov/2022-comprehensive-annual-report-on-public-diplomacy-and-international-broadcasting-2/> (accessed: 21.06.2023).
5. Fiscal year 2023. Congressional Budget Justification. Department of State, Foreign Operations, and Related Programs. Available at: <https://www.alliance-exchange.org/wp-content/uploads/2022/04/FY2023-Congressional-Budget-Justification.pdf> (accessed: 21.06.2023).
6. IVLP. Program History. Available at: <https://eca.state.gov/ivlp/about-ivlp/program-history> (accessed: 21.06.2023).
7. How do you spot a future world leader? 2011. *BBC news*. 29.03.2011. Available at: <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:h8M-ByQ3RAcJ:https://www.bbc.com/news/-magazine-12880901+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (accessed: 21.06.2023).
8. Comprehensive annual report on public diplomacy and international broadcasting. 2019. US Advisory Commission on Public Diplomacy. Available at: <https://www.state.gov/2019-comprehensive-annual-report-on-public-diplomacy-and-international-broadcasting> (accessed: 21.06.2023).
9. Professional Fellows Program FY 2012 – FY 2017. Evaluation Report. 2020. Evaluation Division, Bureau of Educational and Cultural Affairs, United States Department of State. Available at: [https://eca.state.gov/files/bureau/pfp\\_final\\_report\\_12\\_1\\_2020\\_508\\_final\\_1.pdf](https://eca.state.gov/files/bureau/pfp_final_report_12_1_2020_508_final_1.pdf) (accessed: 21.06.2023).
10. Fulbright Program. Available at: <https://www.fulbright.gr/> (accessed: 21.06.2023).
11. Kostoulas V. Serving up America's 'recipe' for economic success - State Dept.'s IVLP program sends 9 Greeks to US. 2017. *Naftemporiki*. Available at: <https://www.naftemporiki.gr/printStory/1288174> (accessed: 21.06.2023).
12. Restoring America's Reputation in the World and Why It Matters. 2003. Testimony of Joseph S. Nye, Jr. University Distinguished Service Professor Harvard University Before the Committee on Foreign Affairs U.S. House of Representatives. March 4, 2010. Available at: <https://www.belfercenter.org/sites/default/files/legacy/files/Testimony-of-Joseph-S-Nye-mar-04-2010.pdf> (accessed: 21.06.2023).
13. Я говорил про обновление социализма, а сам знал, к чему дело идёт. 2003. Интервью с А.Н. Яковлевым. *Независимая газета*. 02.12.2003. Available at: [https://www.ng.ru/ideas/2003-12-02/1\\_yakovlev.html](https://www.ng.ru/ideas/2003-12-02/1_yakovlev.html) (accessed: 21.06.2023).
14. Хлеб и порох: Интервью с Яковлевым. 2002. *Гражданин*. № 16 – 17. Available at: <https://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1010150> (accessed: 21.06.2023).

15. International Student and U.S. Higher Education Enrollment, 1948/49 - 2021/22. Open Doors Report on International Educational Exchange. 2022. Institute of International Education. Available at: <https://opendoorsdata.org/data/international-students/enrollment-trends/> (accessed: 21.06.2023).

16. International Scholars Trends, 1999/00-2021/22. Open Doors Report on International Educational Exchange. 2022. Institute of International Education. Available at: <https://opendoorsdata.org/data/international-scholars/international-scholars-trends/> (accessed: 21.06.2023).

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артамонова У.З. 2021. Публичная дипломатия США «без лица» (кадровый кризис постбиполярной эпохи). *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 65. № 12. С. 33-39. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-12-33-39

Корнетов Г.Б. 2018. Восхождение к преобразующей педагогике. *Историко-педагогический журнал*. №4. С. 62-91.

Крысько В.Г. 1999. *Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт)*. Минск. Харвест. 446 с.

Прохоренко И.Л. 2015. *Пространственный подход в исследовании международных отношений*. Москва. ИМЭМО РАН. 111 с.

Цветкова Н.А. 2007. Оценка эффективности международной образовательной политики СССР и США в годы холодной войны. *200 лет российско-американским отношениям: наука и образование*. Ред. А. Чубарьян, Б. Рубл. Москва: ОЛМА Медиа Групп. С. 378-394.

Яковлев А.Н. Большевизм — социальная болезнь XX века: Вступительная статья. 1999. Куртуа С. и др. *Чёрная книга коммунизма*. Москва: Издательство «Три века истории». С. 5-32.

## REFERENCES

Artamonova, U.Z. 2021. Faceless Leadership of American Public Diplomacy: HR Crisis in the Post-Bipolar Era. *World Economy and International Relations*. Vol. 65. No 12. P. 33-39. DOI:10.20542/0131-2227-2021-65-12-33-39 (In Russian)

Burnett, S.H. 1988. U.S. Informational and Cultural Programs. In: Staar R. (ed.) *Public Diplomacy: USA versus USSR*. Stanford CA, Hoover Institution Press. P. 69-95.

Clark, M.C., Wilson A.L. 1991. Context and Rationality in Mezirow's Theory of Transformational Learning. *Adult Education Quarterly*. № 41. P. 75-91.

Custer, S. (ed.) 2022. *Reputational Security: The Imperative to Reinvest in America's Strategic Communications Capabilities*. Williamsburg, VA. AidData at William & Mary. 350 p.

Espinosa, J.M. 1976. *Inter-American Beginnings of U.S. Cultural Diplomacy, 1936-1948. Cultural Relations Programs of the U.S. Department of State: Historical Studies. Volume 2*. Washington, D.C. Bureau of Educational and Cultural Affairs U.S. Department of State. 360 p.

Fisher, A. 2013. *Collaborative Public Diplomacy (Global Public Diplomacy)*. Palgrave. 256 p.

Johnson, L.R. 2018. The Fulbright Program and the philosophy and geography of US exchange programs since World War II. In.: Tournès L., Scott-Smith G. (eds.) *Global Exchanges. Scholarships and Transnational Circulations in the Modern World*. New York - Oxford, Berghahn. P. 173-187.

Kirkgoz, Y. 2017. Exploring the Impact of the Fulbright Foreign Language Teaching Assistant Program on Grantees' Educational and Cultural Beliefs and Practices. In:

Mathews-Aydinli J. (eds.) *International Education Exchanges and Intercultural Understanding*. Palgrave Macmillan, Cham. P. 131-156. DOI:10.1007/978-3-319-43829-0\_9

Kornetov, G.B. 2018. Rise to transformative pedagogy. *Istoriko-pedagogicheskii zhurnal*. №4. P. 62-91. (In Russian)

Krys'ko, V.G. 1999. *Secrets of Psychological War (purposes, objectives, methods, forms, experiences)*. Minsk. Harvest. P. 446. (In Russian)

Pipes, R. 2015. *Alexander Yakovlev: The Man Whose Ideas Delivered Russia from Communism*. DeKalb, IL. NIU Press. 151 p.

Prokhorenko, I. 2015. *Spatial Approach in International Relations Studies*. Moscow. IMEMO. P. 111. (In Russian)

Rugh, W. 2014. *Front Line Public Diplomacy. How US Embassies Communicate with Foreign Publics*. Palgrave Macmillan US. 276 p.

Scott-Smith, G. 2008. Mapping the Undefinable: Some Thoughts on the Relevance of Exchange Programs within International Relations Theory. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 616. P. 173-195.

Tsvetkova, N.A. 2007. Assessment of the effectiveness of the educational policies of the USSR and the U.S. during the Cold War. In: Chubar'yan A., Rubl B. (eds.) *200 let rossiisko-amerikanskim otnosheniyam: nauka i obrazovanie*. Moscow. P. 378-394.

Ward, I.A. 1947. The Fulbright Act. *Far Eastern Survey*. Vol. 16 (17). P. 198-200.

Yakovlev, A.N. Bolshevism – a social disease of the 20<sup>th</sup> century: Foreword. 1999. Courtois S. et al. *The Black Book of Communism*. Moscow. «Tri veka istorii» Publishing. P. 5-32. (In Russian)

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**АРТАМОНОВА Ульяна Звядиевна**, кандидат политических наук, научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН). Российская Федерация, 117997, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23.

**Uliana Z. ARTAMONOVA**, Candidate of Sciences (Politics), Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. 23, Profsouznaya street, Moscow, 117997 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 05.07.2023 / Received 05.07.2023.

Поступила после рецензирования 18.07.2023 / Revised 18.07.2023.

Статья принята к публикации 20.07.2023 / Accepted 20.07.2023.

УДК: 327

DOI: 10.31857/S268667302312009X

EDN: NHRBMH

## **«Обзор ядерной политики» США администрации Дж. Байдена: новое видение?**

**О.О. Криволапов**

*Институт США и Канады им. Г.А. Арбатова*

*Российской академии наук (ИСКРАН)*

*РФ, 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3.*

*Scopus Author ID: 57222130904      РИНЦ ID: 808237*

*ORCID: 0000-0001-9658-2671      e-mail: o.krivolapov@iskran.ru*

**Н.В. Степанова**

*Институт США и Канады им. Г.А. Арбатова*

*Российской академии наук (ИСКРАН).*

*РФ, 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3.*

*Scopus Author ID: 57211409957      РИНЦ ID: 767996*

*ORCID: 0000-0001-9594-4431      e-mail: n.stepanova@iskran.ru*

---

**Резюме.** Статья посвящена сравнительному анализу доктринальных документов США – обзорам ядерной политики 2018 и 2022 годов. Авторы ставят перед собой задачу определить, произошло ли снижение/повышение ядерного порога при администрации Дж. Байдена. Анализ соответствующих разделов документов приводит к выводу о преемственности между Обзорами. Это касается вопросов модернизации ядерных вооружений, стратегии «гибкого сдерживания», региональных аспектов политики ядерного сдерживания. Относительно по-новому звучит раздел документа 2022 г., посвящённый контролю над вооружениями, однако внешнеполитические условия и по сути развал современной архитектуры контроля над вооружениями не позволяют авторам доктрины быть оптимистичными в этом вопросе.

**Ключевые слова.** Обзор ядерной политики, ядерные вооружения, модернизация, контроль над вооружениями, сдерживание, нераспространение, безопасность

**Благодарности.** Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

**Для цитирования:** Криволапов О.О., Степанова Н.В. «Обзор ядерной политики» США администрации Дж. Байдена: новое видение? *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2023; 53 (12): 99–109. DOI: 10.31857/S268667302312009X  
EDN: NHRBMH

---

## **The Biden Administration Nuclear Posture Review: A New Vision?**

**Oleg O. Krivolapov**

*Department of Military-Political Studies.*

*Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies,*

*Russian Academy of Sciences.*

*2/3, Khlebyny pereulok, Moscow, 121069, Russian Federation.*

*Scopus Author ID: 57222130904 PIИЦ ID: 808237*

*ORCID: 0000-0001-9658-2671 e-mail: o.krivolapov@iskran.ru*

**Nataliya V. Stepanova**

*Department of Military-Political Studies.*

*Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies,*

*Russian Academy of Sciences.*

*2/3, Khlebyny per., Moscow, 121069, Russian Federation.*

*Scopus Author ID: 57211409957 PIИЦ ID: 767996*

*ORCID: 0000-0001-9594-4431 e-mail: n.stepanova@iskran.ru*

---

**Abstract.** The article is devoted to a comparative analysis of US doctrinal documents - the Nuclear Posture Reviews of 2018 and 2022. The authors set themselves the objective of determining whether the nuclear threshold has decreased/increased during the Biden administration. Analysis of the corresponding sections of documents leads to the conclusion about continuity between the Reviews. This concerns issues of nuclear modernization, the "tailored deterrence" strategy, and regional aspects of the US nuclear deterrence. The section of the 2022 document devoted to arms control sounds relatively new, however, foreign policy landscape and virtual collapse of the modern arms control architecture do not allow the authors of the doctrine to be optimistic in this matter.

**Keywords.** Nuclear Posture Review, nuclear weapons, modernization, arms control, deterrence, non-proliferation, security

**Acknowledgements.** The article was prepared within the project "Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

**For citation:** Krivolapov, O.O., Stepanova, N.V. The Biden Administration Nuclear Posture Review: A New Vision? *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53 (12): 99-109. DOI: 10.31857/S268667302312009X EDN: NHRBMH

---

## ВВЕДЕНИЕ

В октябре 2022 г. администрация Дж. Байдена обнародовала несекретную часть «Обзора ядерной политики» (далее – «Ядерный обзор»). Документ выпущен одним блоком с новой Национальной оборонной стратегией и «Обзором политики в сфере ПРО». Ещё при администрации Д. Трампа был сформулирован тезис о том, что на международную арену вновь возвращается соперничество великих держав [1: 27]. Национальная оборонная стратегия 2018 г. и тогдашние «Ядерный обзор» и «Обзор ПРО» были выстроены вокруг данного положения. Нынешняя стратегия также строится на противостоянии, в первую очередь, великим державам – Китаю и России. Северная Корея и Иран тоже указаны среди угроз, но уровнем ниже. «Ядерный обзор-2018» был раскритикован некоторыми американскими [Reif, 2018]; [Rusten, 2018]; [Sands, Mihalik, Camacho, 2018] и российскими [Арбатов, 2018]; [Бужинский, Веселов, 2018]; [Кузнецов, Степанова, 2019] экспертами, по мнению которых этот документ повысил вероятность применения ядерного оружия (ЯО) Соединёнными Штатами. С выходом «Ядерного обзора-2022» вопрос о пороге применения ядерного оружия со стороны США не теряет своей актуальности. Авторы статьи ставят перед собой основную цель:

определить, повысился или понизился он по сравнению с декларативными документами 2018 года?

«Ядерный обзор-2022» тут же попал в фокус экспертов в России [Стефанович, 2022]; [Тебин, 2023] и за рубежом [Expert Commentary, 2023]; [Kroenig, 2022]; [Kimball, 2022]; [Horovitz, Schneider, 2023]. В то же время пока нигде не давался более подробный сравнительный анализ обзоров ядерной политики 2018 и 2022 годов.

Рассматриваемые документы различны по своему объёму. В 2022 г. подход Вашингтона к публикации таких документов сместился в сторону большей секретности, что называют среди возможных причин сокращения объёма обнародованной части данного документа. Но с точки зрения структуры, в обоих «Обзорах» есть разделы, посвящённые следующим темам: международная обстановка; место и роль ЯО в военной стратегии США; «гибкое сдерживание»; региональная специфика; контроль над вооружениями; ядерный арсенал США; инфраструктура.

## **МЕЖДУНАРОДНАЯ ОБСТАНОВКА**

Данный раздел «Обзора-2022» заметно отличается от аналогичного раздела «Обзора-2018». В первую очередь, это касается видения взаимоотношений с Россией и Китаем. В документе 2018 года признаётся, что «Соединённые Штаты не хотят воспринимать ни Россию, ни Китай в качестве соперников и стремятся к стабильным отношениям с обоими» [2: V]. При этом США ожидают, что создадутся условия, при которых будет возможно транспарентное и конструктивное сотрудничество с Россией.

В документе 2022 года имеются отсылки к возможному диалогу с Россией, прежде всего по вопросам контроля над вооружениями. Однако акцент делается на том, что РФ представляет наиболее острую угрозу в вопросе сдерживания неядерной агрессии, способной эскалировать до ядерного конфликта любого масштаба [3: 5]. В целом обстановка в стратегической сфере для США описывается как стрессовая. Эксперты, изучившие документ, открыто говорят о реальности трёхсторонней гонки стратегических ядерных вооружений [Kroenig, 2022: 10], где США придётся проявить гибкость и реагировать на вызовы как со стороны России, так и Китая. Представляется, что уточнение ядерной стратегии Китая и причин его ядерной модернизации будет основным драйвером возможных изменений в политике США в ядерной сфере в ближайшие годы.

Основные вызовы в сфере ядерного сдерживания формулируются в обоих документах. В «Обзоре-2018» они менее структурированы и соотносятся с каждой из стран-соперниц, обладающих ядерным оружием. Что касается России, то авторы говорят о повышении значимости и роли ЯО в своей политике; в отношении Китая речь идёт о модернизации ядерного арсенала отсутствии транспарентности; в связи с КНДР – о провокационных действиях в ядерной сфере; в отношении Ирана – о возобновлении ядерной программы и повышении угрозы ядерного терроризма [2: 9, 11, 12, 13]. В документе 2022 года вызовы подразделены на 4 категории [3: 5-6]. Первая связана с растущей ролью ядерного оружия в военных стратегиях соперников США, что может повлечь за собой рост рисков в сфере стратегического противостояния, а также кризисной и военной конфронтации. Этот пункт перекликается с текстом 2018 года, в первую очередь, в контексте восприятия угрозы со стороны России.

Второй вызов связан с наращиванием ядерных вооружений Китаем, а также возможными изменениями в его ядерной стратегии. Это придётся учитывать как

в будущей архитектуре системы контроля над вооружениями, так и в поддержке ядерного сдерживания.

В отдельную категорию включена оппортунистическая агрессия со стороны как крупной державы, так и регионального противника. В этом пункте прослеживается основное отличие от подхода к международной обстановке в документе 2018 г. Предыдущий обзор чётко указывал на неопределённость в геополитической сфере в целом. Там присутствовали отсылки к резким скачкам в восприятии США другими странами, изменениям в расстановке сил среди других стран и на мировой арене в целом и даже к распаду режима нераспространения ядерного оружия [2:14].

Четвёртая категория связана с ростом многодоменных вызовов в сфере стабильности. Особым уязвимостям подвержены области кибер- и космической безопасности, где ощущается явная нехватка установленных международных норм и правил поведения. Этот пункт представляет собой логическое продолжение соответствующего раздела «Обзора-2018», где указывается на неопределённость в технологической сфере, которая может привести к изменению самой природы угроз, с которыми могут столкнуться США, и необходимости проявления гибкости в выработке ядерной стратегии.

## МЕСТО И РОЛЬ ЯО В ВОЕННОЙ СТРАТЕГИИ США

Роль ЯО формулируется в рассматриваемых документах как сдерживание ядерной и неядерной атаки; заверение союзников и партнёров; достижение целей США в случае провала сдерживания; страховка от неопределённого будущего [2: 20]. При этом в документе 2022 г. указано, что «страховка от неопределённого будущего» удалена из этого списка. Возможно, это прописано чтобы представить ядерную доктрину администрации Байдена как более стабильную, в сравнении доктриной времён администрации Трампа.

Эксперты критиковали «Ядерный обзор-2018» за то, что в нём понижался порог применения ЯО. В документе говорилось о том, что крайние обстоятельства, при которых ядерное оружие будет применено, могут включать «неядерную стратегическую атаку». То есть не только атаку с применением оружия массового уничтожения, но теоретически и кибератаки на критическую гражданскую инфраструктуру США и их союзников, а также нападение на них с применением стратегических неядерных вооружений [2: 21]. В документе 2022 г. были, по сути, полностью повторены эти тезисы [3: 8].

В период составления «Обзора-2022» американские политики и эксперты обсуждали возможность принятия администрацией Дж. Байдена если не доктрины неприменения ЯО первыми (*no first use*), то хотя бы доктрины «единственного предназначения» (*sole purpose*) (См., например, [4]; [Panda A., Narang, 2021]). В соответствии с последней ядерные вооружения применялись бы только в ответ на применение ядерного оружия или других видов ОМУ, что было бы близко к фактическому неприменению ЯО первыми. В «Обзоре-2022» прямо указывается, что принятие доктрины «единственного предназначения» «привело бы к неприемлемому уровню риска в свете набора неядерных средств, которые наши конкуренты разрабатывают и развёртывают и которые могут причинить стратегический ущерб США, их союзникам и партнёрам» [3: 9]. При этом заместитель министра обороны США по политике в ядерной сфере и ОМУ Ричард Джонсон в феврале 2023 г. отметил, что «Обзор ядерной политики устанавливает очень высокий порог применения ядерного оружия», и США будут рассматривать эту опцию только в крайних

обстоятельствах, а именно для защиты жизненно важных интересов себя и своих союзников и партнёров [5]. В разделе о «гибком сдерживании» к крайним обстоятельствам отнесён одновременный конфликт с двумя ядерными державами [3:12]. Возможно, имеются в виду одно из условий применения ЯО со стороны США.

Примечательно то, что при упоминании региональных агрессий акцент был сделан именно на РФ и КНР [3: 9]. То есть администрация Дж. Байдена, конечно, учитывает возможность региональной агрессии со стороны КНДР и Ирана, но предпочитает обратить внимание Пекина и Москвы на это положение и ещё раз подтвердить провозглашённый при администрации Д. Трампа тезис о соперничестве великих держав.

Интегрированное сдерживание представлено в Национальной оборонной стратегии 2022 г. как скоординированные усилия всего правительства по сдерживанию агрессии в отношении Вашингтона и его союзников. При этом в «Ядерном обзоре-2022» утверждается, что «один из важных элементов интегрированного сдерживания – улучшение синхронизации ядерного и неядерного планирования, учений и операций» [3: 10]. Данная тенденция, кроме усиления ядерного сдерживания, может одновременно и осложнить ситуацию в случае острого военно-политического кризиса, так как угроза для неядерных вооружений может быть неверно интерпретирована как угроза для ядерных, что может в итоге явиться стимулом для упреждающих действий какой-либо из сторон (См., например, [Acton, 2018]).

Относительно новым для данного документа является тезис о том, что «в случае операций обычных сил против противника, вооружённого ЯО, войска должны быть способны выжить, поддерживать слаженность и продолжать действовать перед лицом ограниченной ядерной атаки» [3: 10]. Речь идёт о том, чтобы и готовить своих военных к реальности применения ЯО, и подчеркнуть факт этой подготовки потенциальным противникам США.

## «ГИБКОЕ СДЕРЖИВАНИЕ»

Подход, предполагающий «гибкое сдерживание» (*tailored deterrence*), был новацией «Ядерного обзора-2018». Тогда подчёркивалась возможная уникальность каждого случая ядерного сдерживания в зависимости от противника и обстоятельств, а также потенциальная необходимость создания новых ядерных вооружений [2: 26-27]. Концепция «гибкого сдерживания» в 2018 г. также была воспринята экспертным сообществом как дестабилизирующая и понижающая ядерный порог (См., например, [Арбатов, 2018: 12]).

В сходном разделе документа 2022 г. администрация постаралась не только заново обосновать правомерность «гибкого сдерживания», но и показать, что она учитывает возможные неправильные понимания обстановки со стороны как потенциальных противников, так и самих США [3: 12]. В качестве меры страховки от подобного развития событий – «диалог с потенциальными противниками в мирное время. Обсуждения по стратегической стабильности, прозрачность, взаимное понимание восприятия угроз, доктрин, возможностей, установление и усиление процедур урегулирования кризисов» [3: 13]. Возможно, именно этими тезисами администрация Дж. Байдена хочет смягчить фактическое подтверждение ядерной доктрины, составленной при президенте Д. Трампе.

## РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА



Как отмечено ранее, «Обзор-2018» ввёл в оборот понятие «гибкого сдерживания». Такие подходы были отдельно прописаны для России, Китая, КНДР и Ирана. Эффективное сдерживание России предполагало создание условий для того, чтобы руководство страны не допустило ошибок в расчётах последствий нанесения ограниченного ядерного удара первыми в региональных масштабах или против США [2: 30]. Это стало ответом на так называемую доктрину эскалации для деэскалации, которую Вашингтон активно приписывал Москве с 2017 г. Сдерживание в Европейском регионе планировалось осуществлять за счёт американской ядерной триады, нестратегических ядерных сил, развёрнутых в Европе, а также ядерными средствами Франции и Великобритании. Для Китая, КНДР и Ирана также были прописаны стратегии нанесения неприемлемого ущерба в ответ на ядерную или неядерную стратегическую атаку. Отдельного внимания заслуживает раздел, посвящённый расширенному сдерживанию в региональном контексте. При этом назывались два региона – Европейский и Азиатско-Тихоокеанский (в Стратегии национальной безопасности 2017 г. АТР фигурирует как Индо-Тихоокеанский регион). Предполагалось, что сдерживание также будет подстраиваться под требования конкретного региона в зависимости от обстановки в сфере безопасности, потенциалов соперников и различий в союзнических структурах [2: 35]. В документе 2022 г. выделяются те же регионы [3: 14-15]. Примечательно, что если европейская безопасность в обоих документах связана со структурой НАТО, то в ИТР документ 2018 г. не называл ни одно союзное государство. В «Обзоре-2022» чётко прописывается стремление США поддерживать диалог в сфере сдерживания в трёхстороннем (с Японией и Республикой Корея) и четырёхстороннем (плюс Австралия) форматах. Ни один из документов не упоминает Индию, несмотря на то что в американской Национальной оборонной стратегии 2022 г. партнёрству с последней отдаётся роль сдерживания агрессии Китая. Это связано с тем, что Индия всё ещё не является признанным ООН государством – обладателем ЯО. Синхронизация ядерных и неядерных элементов сдерживания, эффективное использование союзнических неядерных потенциалов в этих целях очень схожи с задачами программы SNOWCAT (*Support of Nuclear Operations with Conventional Air Tactics*), осуществляемой в рамках НАТО и направленной на проведение учений по поддержке ядерных операций обычными военно-воздушными силами союзников США. Это свидетельствует о том, что администрация Дж. Байдена старательно идёт по пути организации системы коллективной безопасности, от которой практически полностью отказался Д. Трамп.

## КОНТРОЛЬ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ

Администрация Трампа пересмотрела участие Соединённых Штатов в целом ряде международных инициатив, объявив о выходе из Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе (2018), из Парижского соглашения по климату (2020), в которое США вернулись в феврале 2021 г., и из Договора по открытому небу (2020). Наиболее болезненной точкой в истории системы контроля над ядерными вооружениями стало прекращение действия Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) после того, как США объявили о выходе из него в феврале 2019 года.

Были ли предпосылки таких резких политических шагов отражены в опубликованном годом ранее «Обзоре-2018»? Многие эксперты высказывали надежду на сохранение архитектуры контроля над вооружениями, опираясь именно на текст

документа [Rose, 2018: 3]. В разделе, посвящённом данной теме, говорится, что Соединённые Штаты будут добиваться соглашений в сфере контроля над вооружениями, которые укрепляют безопасность, обладают верификационными механизмами и исполняются всеми сторонами [2: 70]. При этом в отношении России высказывался ряд претензий, которые впоследствии выразились в выходе США из ДРСМД и затягивании решения вопроса о продлении Договора СНВ-3. В итоге он был спешно продлён на пять лет до 2026 г. сразу после прихода к власти администрации Дж. Байдена в январе 2021 г. В «Обзоре-2018» свидетельств намерения американской стороны продлить ДСНВ не было.

В «Обзоре-2022» контролю над вооружениями уделяется гораздо больше внимания. Утверждается, что «взаимный, верифицируемый контроль над ядерными вооружениями представляет самый эффективный, надёжный и ответственный способ уменьшения роли ядерного оружия в стратегии и предотвращения его использования» [3: 16]. В документе отмечается роль стран «ядерной пятёрки», взаимодействие которых может создать форум для сотрудничества на высоком уровне. О возможности заключения трёх- или многостороннего соглашения в этой сфере речи не идёт.

Нельзя назвать ярко выраженным доктринальный подход администрации Д. Трампа и к вопросам нераспространения ОМУ [Hersmann, 2018], который рассматривается в основном в контексте КНДР и Ирана. В этой связи заметную разницу и более сдержанный подход демонстрирует «Обзор-2022» по вопросу проведения ядерных испытаний. Если в документе 2018 г. заявляется, что США будут сохранять мораторий на проведение ядерных испытаний до тех пор, пока это не будет необходимым для «обеспечения безопасности и эффективности ядерного арсенала США» [2: 72], то в 2022 г. такой оговорки нет – Соединённые Штаты намерены соблюдать мораторий и призывают другие страны-обладательницы ядерного оружия объявить о нём [3: 18].

Кардинальные отличия в доктринах затронули Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), который США всё ещё не ратифицировали. В «Обзоре-2018» отмечается, что ДВЗЯИ может повредить не только потенциалу американского ядерного сдерживания, но и подорвать военное сотрудничество со странами-подписантами договора [2: 72]. «Обзор-2022» напротив свидетельствует о положительном восприятии роли ДВЗЯИ в поддержании режима нераспространения и заявляет о намерении действующей администрации двигаться к его ратификации и полноценному вступлению в силу [3: 18].

## ЯДЕРНЫЙ АРСЕНАЛ США

В сравнении с разделом о ядерном арсенале из «Обзора-2018» соответствующий параграф в ныне действующем документе отличается широкой программой модернизации ядерных сил США. При этом в «Обзоре-2022» заново подтверждается сама идея «Обзора-2018» о том, чтобы сделать ЯО более применимым и тем самым, по мысли американских стратегов, усилить ядерное сдерживание.

В «Обзоре-2022» перечислен целый ряд мер по модернизации ядерного арсенала США. Снятие с вооружения свободно падающих ядерных бомб B83-1 было объяснено возрастающими ограничениями для этих систем и растущими затратами на их обслуживание. В то же время упомянуто намерение создать бомбу для уничтожения заглубленных объектов. Критика программы создания ядерной

КРМБ сводится к тому, что БРПЛ с боеголовкой W76-2 пока достаточно для сдерживания ограниченного применения противником его ядерного оружия, а затраты на НИОКР по ядерной КРМБ будут слишком большие. Кроме того, в документе утверждалось, что роль W76-2 будет пересматриваться после развёртывания истребителей-бомбардировщиков F-35A и крылатой ракеты воздушного базирования LRSO [3: 20]. 400 МБР «Минитмен 3» (*Minuteman III*) планируется заменить на 400 МБР «Сентинел» (*Sentinel*). 12 новых ПЛАРБ класса «Колумбия» ожидаются около 2030 г. Модернизация тяжёлых бомбардировщиков B-52H должна будет обеспечить их службу до 2050 г. 100 новых бомбардировщиков B-21 заменят бомбардировщики B-2A. Продолжается разработка новой крылатой ракеты воздушного базирования LRSO с ядерной боеголовкой W80-4. Для совместных ядерных миссий НАТО подтверждён переход с самолётов F-15E на самолёты пятого поколения F-35A. Планируется замена свободно падающих бомб B61-3/4/7 на бомбы B61-12 с увеличенным сроком службы [3: 21].

## ИНФРАСТРУКТУРА

В «Обзоре-2018» основа плана развития ядерной инфраструктуры была в обеспечении быстрого начала разработки и производства новых ядерных вооружений [2: 63]. В обнародованной части «Обзора-2022» нет ничего о разработке нового ЯО. Речь идёт о развитии инфраструктуры так, чтобы обеспечить наращивание производства ЯО прежних разработок. Насчёт натуральных ядерных испытаний, если в документе 2018 г. было лишь отмечено фактическое соблюдение США моратория, то в документе 2022 г., как уже упоминалось, авторы постарались чётко заявить об отсутствии намерений возвратиться к натурным ядерным испытаниям [3: 22]. В обоих документах говорится о необходимости восстановления производства плутониевых пеллет и модернизации стареющей инфраструктуры. При этом в «Обзоре-2022» акцент сделан на внедрении новых технологий в процесс производства ЯО, чтобы сократить требуемое на это время и затраты [3: 24].

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из вышесказанного следует, что ни «Обзор ядерной политики» 2018 г., ни аналогичный документ 2022 г. не являются революционными документами. Их эволюционность чётко прослеживается, и по большинству аспектов они сохраняют преемственность. Наиболее показательным моментом является сохранение роли и места ядерного оружия в американской стратегии – оно может быть использовано для защиты жизненно важных интересов США. Не были приняты ни доктрина неприменения ядерного оружия первыми, ни доктрина «единственного предназначения».

«Обзор-2022» отличает более умеренный, упорядоченный подход, особенно это касается сфер контроля над ядерными вооружениями и нераспространения. США заявляют о своей готовности искать новые подходы к сотрудничеству по ограничению ядерных вооружений, как в двухстороннем, так и в многостороннем форматах. Также администрация Байдена выступает за ратификацию ДВЗЯИ, в то время как в «Обзоре-2018» утверждалось прямо противоположное.

Отдельно стоит отметить подход действующей администрации к отношениям с союзниками и партнёрами. Вопросы обеспечения регионального сдерживания напрямую завязаны на взаимоотношениях с НАТО в европейском регионе и

новые форматы с участием Японии, Республики Кореи и Австралии в Индо-Тихоокеанском.

В итоге администрация Байдена не перешла к концепции «единственного предназначения» ядерного оружия и поддержала принятую в 2018 г. концепцию «гибкого сдерживания». Кроме того, нападение на США или их союзников с применением неядерных стратегических вооружений оставлено среди оснований для применения американского ЯО. Новое «интегрированное сдерживание» подразумевает большую взаимосвязь ядерных и неядерных вооружений, что может угрожать стабильности в случае острого военно-политического кризиса с участием США. Таким образом, если говорить именно о пороге применения ядерного оружия Соединёнными Штатами, то он остался ровно на том же, несколько пониженном уровне, на котором его установила администрация Д. Трампа.

## ИСТОЧНИКИ

1. National Security Strategy of the United States of America. *The White House*. December 2017. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed 02.10.2023).

2. 2018 Nuclear Posture Review. *U.S. Department of Defense*. Available at: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF> (accessed 02.10.2023).

3. 2022 Nuclear Posture Review. *U.S. Department of Defense*. Available at: <https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.PDF> (accessed 01.10.2023).

4. Risch, J. The US must reject a 'sole purpose' nuclear policy. *Defense News*, 25.10.2021. Available at: <https://www.defensenews.com/opinion/commentary/2021/10/25/the-us-must-reject-a-sole-purpose-nuclear-policy/> (accessed 01.10.2023).

5. Vergun, D. Officials Outline Strategy in Nuclear Posture Review. *DoD News*, 24.02.2023. Available at: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/3309790/officials-outline-strategy-in-nuclear-posture-review/> (accessed 01.03.2023).

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арбатов А.Г. Трансформация ядерного сдерживания. *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. № 7. С. 5-16.

Бужинский Е.П., Веселов В.А. Ядерная политика США в XXI веке: преемственность и различия в подходах администраций Дж. Буша-мл., Б. Обамы и Д. Трампа. *Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика*. 2018, № 3. С. 3-47.

Кузнецов В.С., Степанова Н.В. Политика России и США в области ядерных вооружений на современном этапе. *Россия и Америка в XXI веке*, 2019, № 4. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760008175-9-1/> (accessed 25.09.2023).

Стефанович Д.В. Обзор ядерной политики и противоракетной обороны Джо Байдена и его команды. *Россия в глобальной политике*. 13.12.2022. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/obzor-yadernoj-politiki/> (accessed 01.03.2023).

Тебин П.Ю. Наша священная оборона – их варварская агрессия. *Россия в глобальной политике*. 2023. № 1. С. 99-116.

## REFERENCES

- Acton, J. Escalation through Entanglement. *International Security*. 2018. No. 1. P. 56-99.
- Arbatov, A.G. Transformatsiia iadernogo sderzhivaniia [Transformation of Nuclear Deterrence] (In Russ.) *World Economy and International Relations*. 2018. No. 7. P. 5-16.
- Buzhinski, E.P., Veselov, V.A. Iadernaia politika SShA v 21 veke: preemstvennost' i razlichii v podkhodakh administratsii G. Busha, B. Obamy i D. Trampa [The US Nuclear Policy in the 21<sup>st</sup> Century: Continuity and Change in the Strategies of the George W. Bush, Barack Obama, and Donald Trump Administrations] (In Russ.) *Moscow University Bulletin of World Politics*. 2018. No. 3. P. 3-47.
- Kimball, D. Biden's Disappointing Nuclear Posture Review. *Arms Control Today*, December 2022. Available at: <https://www.armscontrol.org/act/2022-12/focus/bidens-disappointing-nuclear-posture-review> (accessed 20.01.2023).
- Kroenig, M. Arms Racing Under Nuclear Tripolarity: Evidence for an Action-Reaction Cycle? *The Atlantic Council Issue Brief*, December 2022. Available at: <https://www.atlanticcouncil.org/wp-content/uploads/2022/12/Arms-Racing-Under-Nuclear-Tripolarity-Evidence-for-an-Action-Reaction-Cycle.pdf> (accessed 15.09.2023).
- Kuznetsov, V.S., Stepanova, N.V. Politika Rossii i SShA v oblasti iadernykh vooruzhenii na sovremennom etape [Current State of the Russian and US Nuclear Weapons Policies] (In Russ.) *Russia and America in the 21<sup>st</sup> Century*. 2019. Issue 4. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760008175-9-1/> (accessed 25.09.2023).
- Expert Commentary on the 2022 Nuclear Posture Review. National Institute for Public Policy Occasional Paper, vol. 3, no. 3, March 2023. Available at: <https://nipp.org/wp-content/uploads/2023/02/OP-Vol.-3-No.-3.pdf> (accessed 02.06.2023).
- Hersmann, R. Nuclear Posture Review: The More Things Change, The More They Stay the Same. Center for Strategic & International Studies, 06.02.2018. Available at: <https://www.csis.org/analysis/nuclear-posture-review-more-things-change-more-they-stay-same> (accessed 02.09.2023).
- Horovitz, L., Schneider, J. The Biden administration's official strategy on nuclear arms control: Just first steps, or the whole story? *Stiftung Wissenschaft und Politik*, 13.06.2023. Available at: <https://www.swp-berlin.org/publikation/the-biden-administrations-official-strategy-on-nuclear-arms-control-just-first-steps-or-the-whole-story> (accessed 30.06.2023).
- Panda, A., Narang, V. Sole Purpose is not No First Use: Nuclear Weapons and Declaratory Policy. *War on the Rocks*, 22.02.2021. Available at: <https://warontherocks.com/2021/02/sole-purpose-is-not-no-first-use-nuclear-weapons-and-declaratory-policy/> (accessed 01.10.2023).
- Reif, K. Trump Seeks Expanded Nuclear Capabilities. *Arms Control Today*, March 2018. Available at: <https://www.armscontrol.org/act/2018-03/news/trump-seeks-expanded-nuclear-capabilities> (accessed 20.09.2023).
- Rose, F. Is the 2018 Nuclear Posture Review as Bad as the Critics Claim It Is. *Brookings Institution Policy Brief*, April 2018. P. 3. Available at: [https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2018/04/fp\\_20180413\\_2018\\_nuclear\\_posture\\_review.pdf](https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2018/04/fp_20180413_2018_nuclear_posture_review.pdf) (accessed 02.10.2023).
- Rusten, L. The Trump Administration's 'Wrong Track' Nuclear Policies. *Arms Control Today*, March 2018. Available at: <https://www.armscontrol.org/act/2018-03/features/trump-administrations-wrong-track-nuclear-policies> (accessed 20.09.2023).

Sands, T., Mihalik, R., Camacho, H. Theoretical Context of the Nuclear Posture Review. *Journal of Social Sciences*. 2018. P. 124-128.

Stefanovich, D.V. Obzor iadernoi politiki i protivoraketnoi oborony Dzho Baidena i ego komandy [Nuclear Posture Review and Missile Defense Review of Joe Biden and his team] (In Russ.) *Russia in Global Affairs*, Opinions, 13.12.2022. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/obzor-yadernoj-politiki/> (accessed 01.03.2023).

Tebin, P.Yu. Nasha sviashchennaia oborona – ikh varvarskaia agressiia [Our Sacred Defense – Their Barbarian Aggression] (In Russ.) *Russia in Global Affairs*. Vol. 21. 2023. No. 1. P. 99-116.

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

**КРИВОЛАПОВ Олег Олегович**, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела военно-политических исследований, Институт США и Канады им. Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3.

**СТЕПАНОВА Наталия Владиславовна**, научный сотрудник Отдела военно-политических исследований, Институт США и Канады им. Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3.

**Oleg O. KRIVOLAPOV**, Candidate of Sciences (Politics), Senior research fellow, Department of Military-Political Studies, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies Russian Academy of Sciences.

2/3, Khleby pereulok, Moscow, 121069, Russian Federation.

**Nataliya V. STEPANOVA**, Research fellow, Department of Military-Political Studies, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences.

2/3, Khleby per., Moscow, 121069, Russian Federation.

*Статья поступила в редакцию 30.09.2023 / Received 30.09.2023.*

*Поступила после рецензирования 15.10.2023 / Revised 15.10.2023.*

*Статья принята к публикации 17.10.2023 / Accepted 17.10.2023.*

УДК: 94; 327.2; 327.54

DOI: 10.31857/S2686673023120106

EDN: NYZTEW

## Генри Киссинджер и политика США на юге Африки

**С.Г. Карамаев**

*Национальный исследовательский институт мировой экономики  
и международных отношений имени Е.М. Примакова*

*Российской академии наук (ИМЭМО РАН).*

*Российская Федерация, 117997, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23.*

*РИНЦ ID: 1135848*

*ORCID: 0000-0001-5137-3948*

*E-mail: tiomkin@gmail.com*

---

**Резюме:** В статье проводится анализ политики советника по национальной безопасности и госсекретаря США Генри Киссинджера на африканском направлении в эпоху администраций Р. Никсона – Дж. Форда. Рассматривается мотивация Г. Киссинджера, стоявшая за его действиями и решениями по отношению к Анголе, в частности вовлечения США в гражданскую войну в этой стране и последствия его политики в региональном и глобальном масштабе.

**Ключевые слова:** США, Ангола, Киссинджер, Куба, ЮАР, вмешательство

**Для цитирования:** Карамаев С.Г. Генри Киссинджер и политика США на юге Африки. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2023; 53 (12): 110–122. DOI: 10.31857/S2686673023120106 EDN: NYZTEW

---

## Henry Kissinger and US Policy in the South of Africa

**Sergei G. Karamaev**

*Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,  
Russian Academy of Sciences.*

*23, Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russian Federation.*

*РИНЦ ID: 1135848*

*ORCID: 0000-0001-5137-3948*

*E-mail: tiomkin@gmail.com*

---

**Abstract:** The article deals with the American policy towards the southern Africa in the era of Henry Kissinger. The main driving force behind that enterprise in this direction was the National Security Advisor and US Secretary of State during the Nixon-Ford administration. The author examines how US relations to the southern portion of this continent, Angola in particular, unfolds from virtually non-existent to almost full-scale intervention in 1970s – and makes findings of the Kissinger's dealings with the issue.

**Keywords:** USA, Angola, Cuba, South Africa, Kissinger, interventionism

**For citation:** Karamaev, S.G. Henry Kissinger and US Policy in the South of Africa. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture.* 2023; 53 (12): 110–122.

DOI: 10.31857/S2686673023120106

EDN: NYZTEW

---

## ВВЕДЕНИЕ

Генри Киссинджер считается одним из самых известных политических и государственных деятелей XX века. Будучи советником президента США по национальной безопасности (1969–1975 гг.), а позже – государственным секретарём США (1973–1977 гг.), он формировал и активно проводил в жизнь внешнюю политику государства. Результаты его деятельности противоречивы: он добился мира на Ближнем Востоке в ходе войны 1973 г.; был удостоен Нобелевской премии мира (1973 г.) за подписание Парижских соглашений, что привело к выводу войск США из Вьетнама; стал одним из архитекторов политики «детанта» – разрядки в международных отношениях [Isaacson, 1992]. Вместе с тем, его небезосновательно обвиняют в политике вмешательства США в Чили (помощь в организации переворота 1973 г.) [Kornbluh, 2013]; участии США в войне в Камбодже [Hersh, 1983] и ряде других сомнительных действий.

В дипломатической деятельности Г. Киссинджера особняком стоит регион, где его активность привела к результатам, последствия которых ощущаются и сегодня – это южная часть Африки. Современные исследователи сходятся в том, что американская политика по отношению к южной Африке, сформированная Г. Киссинджером, в лучшем случае противоречива, в худшем – провальна [5]. Можно сделать вывод, что действия Г. Киссинджера на ангольском направлении вызвали обострение холодной войны в Африке и дальнейшее усиление напряжённости в глобальном масштабе [O'Sullivan, 2020].

Поскольку в одной статье невозможно рассмотреть всю деятельность Г. Киссинджера в Африке, акцент сделан на его политике по отношению к Анголе, ставшей вследствие действий США одной из «горячих точек» холодной войны.

## ВЫБОР СТРАТЕГИИ

Вплоть до конца 1960-х годов юг Африки относился к наименее приоритетным направлениям внешней политики США. Единственной территорией в регионе, которой Вашингтон уделял внимание, была португальская колония Ангола, где с весны 1961 г. шла война между португальской армией и национально-освободительными движениями (НОД) [De Melo, 1998]. Администрация Джона Кеннеди активно поддерживала инициативы Организации Объединённых Наций, что вызывало неудовольствие Лиссабона [5]. Однако, кроме словесной критики, никаких шагов не предпринималось. Во-первых, Португалия была членом НАТО, и США не желали трений в альянсе, а во-вторых, у Португалии было важное преимущество – база ВВС Лажеш на Азорских островах, которую США активно использовали ещё с 1940-х годов. С началом президентства Линдона Джонсона риторика в адрес Лиссабона смягчилась – США всё реже выступали с поддержкой действий ООН по отношению к Португалии. Ричард Никсон, сменивший Л. Джонсона на посту президента США, был первым послевоенным президентом, который более или менее разбирался в африканских делах: он дважды побывал в Африке – в 1957 и 1967 гг. [Cohen, 2020]. Его инаугурация состоялась 20 января 1969 г., и в этот же день его советником по национальной безопасности стал доктор Генри Киссинджер, к тому моменту известный учёный и политический консультант.

Несмотря на то, что в отличие от других американских президентов, Р. Никсон имел представление, что такое Африка, большого желания разбираться в вопросах,



связанных с этим континентом, у него не было. Известна его реплика (Г. Киссинджеру): «Генри, оставь этих нигтеров Биллу (Роджерсу, госсекретарю США с 1969 по 1973 г. – С.К.), а мы займёмся остальным миром» [Hersh, 1983]. Он сразу дал понять, что намеревается заниматься «только теми внешнеполитическими вопросами, которые могут оказать значительный эффект на американскую внешнюю политику в обозримом будущем». Р. Никсон прямо указал в меморандуме своим помощникам: «Поскольку приоритетом остаётся баланс сил в Азии, то я не желаю выслушивать вопросы по поводу той части Африки, которая не имеет непосредственного отношения к ближневосточному кризису – разве что они могут быть решены исключительно на президентском уровне» [10].

Г. Киссинджер, тем не менее, понимал, что полностью упускать из виду Африку нельзя – хотя бы в свете растущего антиколониального движения. 10 апреля 1969 г. он направил главам Министерства обороны, Госдепартамента и ЦРУ меморандум № 39, в котором затребовал обзор внешней политики США по отношению к субэкваториальной Африке [12]. Через некоторое время межведомственная группа представила доклад с пятью вариантами африканской стратегии – «Разработка меморандума СНБ – 39» (*National Security Study Memorandum – NSSM 39*) [6]. Наиболее предпочтительным выглядел второй вариант, в котором было подчёркнуто: «Белые из Африки никуда не денутся, и единственный способ добиться перемен в регионе возможен только через них. У чёрных нет ни единого шанса добиться политических прав с помощью насилия. Смягчив нашу позицию по отношению к белым режимам, мы можем добиться определённых изменений в их расовой и колониальной политике. Чёрным государствам мы должны предоставлять более весомую экономическую помощь. Таким образом, мы сможем объединить эти две группы и повлиять на них, чтобы ситуация привела к мирным переменам». При этом отмечалось, что если данный вариант будет принят, то США – в случае, если стратегия окажется неуспешной – не смогут остановить её проведение в жизнь. Последнее примечание определило негласное, а потом и полуофициальное название данной стратегии: «вариант Смоляного чучелка» (*Tar Baby Option*) [17]. Это была отсылка к одной из «Сказок дядюшки Римуса», в которой Братец Кролик, ударяя человечка, сделанного из смолы, постепенно прилипает к чучелку без возможности освободиться. Р. Никсон с подачи Г. Киссинджера одобрил данный вариант.

## УКРЕПЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ КИССИНДЖЕРА

В 1969 г. помощником госсекретаря по африканским вопросам (главой Африканского бюро Госдепартамента) был Дэвид Ньюсом, считавший «вариант Смоляного чучелка» ошибочным и выступавший за более жёсткую линию по отношению к белым режимам [O'Sullivan, 2020]. Постепенно данная позиция Африканского бюро стала вызывать неудовольствие Г. Киссинджера, настаивавшего на своём видении политики, и противостояние разрешилось заменой Д. Ньюсома на Дэвида Исума, бывшего посла в Верхней Вольте. Г. Киссинджер был назначен на пост государственного секретаря в сентябре 1973 г., а уже в октябре он приступил к расстановке на ключевые посты в Госдепартаменте своих людей. Д. Исум был вызван в Нью-Йорк в ноябре 1973 г. и после беседы с Г. Киссинджером возглавил бюро в январе 1974 г. При этом Д. Ньюсом предупредил преемника, что «Киссинджер будет присваивать себе всё заслуживающее внимания, что разработало

Бюро». Д. Исум, однако, скоро убедился, что Г. Киссинджер не столько присваивает себе идеи Государственного департамента, сколько игнорирует или отбрасывает вопросы, которые в Госдепартаменте полагали ключевыми [6].

Д. Исум столкнулся с мнениями с госсекретарём буквально в первые дни после назначения. Португалия потребовала от США вооружений для своей войны в колониях, а взамен гарантировала пролонгацию договора об использовании базы Лажеш. Г. Киссинджер лоббировал этот вариант, но Д. Исум предупредил о негативной реакции со стороны африканских стран. На это Г. Киссинджер резко заметил: «Я уже сказал вам, в чём заключается наш выбор, и меня не интересует мнение Африки» [6]. Такая позиция свидетельствовала о непонимании госсекретарём реалий текущего момента: усилившегося движения африканских колоний к самоопределению и необходимости изменения африканской политики США.

Осенью 1973 г. Г. Киссинджер не уделял Африке никакого внимания, поскольку был занят разрешением ближневосточного кризиса (арабо-израильская война 1973 г.). В этот период он предпринял инициативы, которые вызвали своеобразную «цепную реакцию». Видя ухудшающееся положение Израиля на фронтах, Г. Киссинджер убедил Р. Никсона в необходимости скорейшей переброски вооружений для Тель-Авива [11]. Воздушный мост США – Израиль осуществлялся, главным образом, через базу Лажеш [21]. В ответ на данный шаг арабские страны объявили эмбарго на поставки нефти в страны, поддерживавшие Израиль, включая Португалию. Это привело к резкому повышению цен, инфляции и ухудшению экономической ситуации. Вкупе с остальными проблемами в Португалии – непомерные расходы на войну в колониях, растущую оппозицию режиму, бегство капитала и пр. – это привело к военному перевороту левого толка 25 апреля 1974 г. [Amaral, 2019]. Первыми шагами нового правительства Португалии стали переговоры с лидерами НОД в колониях – фактически на повестке стоял вопрос о конкретных сроках предоставления полной независимости, поскольку на меньшее там были не согласны. В условиях конфронтации двух миров – социалистического и капиталистического – новые государства третьего мира превращались в очередное поле противостояния [8].

В период с августа 1974 г. по сентябрь 1975 г. большинство португальских колоний получили независимость. Самым сложным оказался ангольский вопрос – в этой стране борьбу против португальцев вели три движения – ФНЛА (лидер – Холден Роберто), УНИТА (Жонас Савимби) и МПЛА (Агостиньо Нето). Первые два больше опирались на Запад и КНР, третье поддерживал СССР. Каждое из этих движений считало себя единственным законным представителем народа Анголы и каждое претендовало на верховную власть. Правительство Португалии не спешило с разработкой плана по переходу к независимости – тем временем, движения всё чаще вступали между собой в вооружённые стычки. Это вызвало озабоченность в африканских государствах – их представители настаивали, чтобы США заставили Лиссабон ускорить процесс.

В октябре 1974 г. Д. Исум отправился в пятидневное турне по Африке, чтобы выяснить отношение африканских лидеров к ситуации в Анголе и их оценку политики США. Он посетил десять стран, общаясь с главами государств и лидерами движений. Визит Д. Исума был в прорывным – так, он стал первым американским дипломатом, который встретился с временным президентом Мозамбика Саморой Машелом. По возвращении он представил отчёт, в котором предлагал продолжить следить за развитием событий, но уклоняться от активного участия в Анголе. Турне вызвало гнев Г. Киссинджера: Д. Исум, по его мнению, получил слишком много

внимания в прессе, слишком прислушивался к африканским лидерам и «проявлял излишнюю инициативу» [6].

Спустя менее чем 48 часов после возвращения Д. Исум был уволен с поста главы Африканского бюро. На место Д. Исума Г. Киссинджер взял Натана Дэвиса, что вызвало резкую реакцию в африканских странах: Н. Дэвис был послом США в Чили в 1973 г. и за ним закрепилась «слава» участника переворота Пиночета. В реальности это было не так, но данный шаг африканские страны расценили как недружественный, считая, что США будут проводить тайные операции (и, как выяснилось позже, оказались правы). Г. Киссинджер поначалу на мнение Африки не обратил внимания – ему нужен был послушный проводник его воли. Однако критика со стороны Африки была столь сильна, что это вызвало вопросы и в Вашингтоне (Организация африканского единства, считавшаяся лояльной к США, единогласно осудила новое назначение) [Lemarchand, 1978] – и Киссинджеру пришлось отстаивать его назначение. Госсекретарь настолько активно уговаривал сенаторов, что Н. Дэвис является наилучшим кандидатом на этот пост, что интерес Конгресса к Африке вышел на новый уровень [1].

## РЕШЕНИЕ ОБ ИНТЕРВЕНЦИИ

Тем временем стычки между движениями в Анголе начали перерастать в гражданскую войну. Лиссабон придерживался политики нейтралитета, запретив колониальным войскам вмешиваться в происходящее. Г. Киссинджер в это время был озабочен Азией: Северный Вьетнам развивал наступление, и падение Сайгона было вопросом дней. В этих условиях Г. Киссинджер фактически игнорировал всю остальную международную повестку.

На самом деле США уже начали тайно вмешиваться в ангольские события. Ещё в январе 1975 г. секретный «Комитет 40» (орган, отвечающий за тайные операции) [19] одобрил выделение 300 тыс. долл. на помощь ФНЛА как самой, по мнению ЦРУ, «прозападной партии». Г. Киссинджер, не вникавший в детали, знал об этом, но считал, что деньги пойдут на политическую поддержку, в то время как в реальности финансы шли на закупку вооружений. Несмотря на помощь, ФНЛА всё же потерпела ряд поражений от МПЛА. Президент Замбии Кеннет Каунда во время своего визита в США в апреле 1975 г. выразил серьёзную озабоченность положением в Анголе и на встрече с президентом Джеральдом Фордом (возглавившим США после отставки Р. Никсона в августе 1974 г.) несколько раз подчеркнул необходимость пересмотра политики США по отношению к Африке. Он озвучил своё мнение в «Нью-Йорк таймс» (*“The New York Times”*): «...то, что вызывает серьёзную озабоченность в Африке, это политика США по отношению к Африке, точнее – её отсутствие» [7]. Заявление К. Каунды совпало по времени с падением Сайгона, что во всём мире было расценено как унижительное поражение США на международной арене. Озабоченный этим, Г. Киссинджер решил предпринять более решительные шаги, чтобы показать, что США остаются самой влиятельной силой в глобальном масштабе. Вмешательство в ангольские дела казалось наиболее приемлемым вариантом.

Позиция Г. Киссинджера развернулась на 180 градусов буквально в одночасье. Вплоть до весны 1975 г. он едва ли не демонстративно игнорировал африканские вопросы. Но падение Сайгона и озабоченность госсекретаря авторитетом США превратили его в самого активного сторонника африканского направления. Г. Киссинджер внезапно увидел угрозу со стороны СССР в Африке, что было не

совсем верно: Москва помогала МПЛА, но не активно [Gleijeses, 2006]. Более того, теперь он требовал от Н. Дэвиса того, за что уволил Д. Исума – инициативности, собственного мнения и напористости в африканских делах. Г. Киссинджер теперь считал, что осторожность, которую проявлял Н. Дэвис, – это признак слабости и пораженческих настроений: «Дэвис оказался человеком, способным с готовностью применять традиционную политику – иными словами, невмешательство. Но он явно не желал иметь ничего общего с более активными действиями, в частности, с тайными операциями» [Kissinger, 1999].

Н. Дэвис, однако, всего лишь пытался убедить Г. Киссинджера, что в условиях общей нестабильности в стране (протесты, раскол общества после Вьетнама, недавний Уотергейтский скандал) США не стоит торопиться влезать в очередную операцию за океаном: в случае если тайное станет явным, это даст СССР предлог для увеличения помощи с его стороны [O'Sullivan, 2020]. Но Г. Киссинджер, озабоченный своим видением «советской угрозы», уже принял решение. В меморандуме Н. Дэвису он указывал: «Если Ангола станет коммунистической, то это окажет эффект на Анголу, Заир, Замбию и т.д. Они решат, что США не являются важным фактором в южной Африке. <...> Они решат, что, если Советы могут оказывать им массированную помощь, а мы нет, значит Советы являются мощным политическим фактором. Вследствие чего у нас нет иной возможности вмешаться в гражданскую войну в постколониальной Африке, кроме как с помощью тайной операции» [Kissinger, 1999].

Несмотря на сопротивление со стороны Госдепартамента и ЦРУ, Г. Киссинджер настоял на своём и убедил президента Дж. Форда одобрить программу тайной помощи ФНЛА и УНИТА. Дж. Форд подписал директиву о претворении в жизнь секретной операции “*IAFEATURE*” 18 июля 1975 г., выделив 6 млн долл. (через месяц бюджет был увеличен до 25 млн долл.) [Andrew, 1995]. Уже 29 июля первые военно-транспортные самолёты ВВС США с оружием на борту взяли курс на Киншасу [Stockwell, 1984]. Узнав о том, что президент Дж. Форд дал добро, Н. Дэвис на следующий день подал в отставку [Davis, 1978]. Г. Киссинджер ожидал этого шага и не считал нужным уговорить Н. Дэвиса остаться. Как отмечали политические обозреватели, Н. Дэвис ушёл потому, что не смог примириться с «ключевым политическим пунктом политики по отношению к Анголе: использованием Г. Киссинджером гражданской войны в Африке для демонстрации СССР и Конгрессу США, что поствьетнамская дипломатия США не растеряла остроты клыков» [16].

## ВОЙНА В АНГОЛЕ – ПОЯВЛЕНИЕ КУБЫ И ЮАР

Между тем, в Анголе гражданская война развернулась в полную силу. После того как в начале лета 1975 г. отряды МПЛА выбили ФНЛА из Луанды и оттеснили их к северу, партизаны Х. Роберто отошли в Заир, глава которого Жозеф Мобуту поддерживал ФНЛА. В конце июля со стороны Заира отряды ФНЛА вошли в Анголу и начали марш на Луанду [Токарев, 2006]. В начале августа ФНЛА поддержала УНИТА – отряды Ж. Савимби вступили в бои с МПЛА в центральной и южной Анголе. В довершение всего 9 августа взвод мотопехоты ЮАР пересёк границу Анголы и Намибии и занял ГЭС Калуэке и Руакана для их защиты, попутно преодолев сопротивление кордонов УНИТА [Steenkamp, 1989]. Таким образом в войну вступила и Южно-Африканская Республика. К концу августа южноафриканцы продвинулись к г. Перейра-д-Эса, а в сентябре они начали поставлять оружие УНИТА и ФНЛА и готовить их кадры на севере Намибии [Шубин,

2013]. К тому времени Ж. Савимби пошёл на беспрецедентный шаг, обратившись за прямой военной поддержкой к ЮАР, несмотря на действовавший там режим апартеида, то есть угнетения чёрного большинства [Namann, 2008]. И тут внезапно для всех – СССР, США и стран Африки – на «ангольской сцене» непредсказуемо возник новый игрок – Куба.

Вопреки распространённому мнению, решение Фиделя Кастро послать в Анголу войска не было одномоментным. Оно также не было принято по приказу Москвы. Посол СССР в США Анатолий Добрынин вспоминал: «Вмешательство кубинцев в дела Анголы произошло по их собственной инициативе, без какого-либо согласования с нами» [Добрынин, 2019]. По словам заместителя министра иностранных дел СССР Георгия Корниенко, ещё в самом начале гражданской войны в Анголе МИД, Минобороны и КГБ СССР представили в ЦК КПСС записку, в которой «предлагалось оказывать МПЛА <...> определённую материальную помощь, но ни в коем случае не ввязываться в гражданскую войну в Анголе в военном плане». По настоянию ЦК КПСС было решено удовлетворить просьбу А. Нето о поставках оружия: «За этим по мере расширения гражданской войны последовали новые просьбы от МПЛА и наши новые поставки... Резко возросшие поставки в Анголу советского оружия и военной техники после прибытия туда кубинских войск однозначно расценивались в Вашингтоне и в целом на Западе, да и многими у нас в стране, как бесспорное доказательство того, что и сами кубинские войска были направлены туда по наущению Москвы» [Корниенко, 1995]. Именно так считал и Г. Киссинджер. Позже в своих мемуарах он признал ошибку: «В то время мы полагали, что Кастро действует в качестве подручного Советов. Мы и помыслить не могли, что он мог действовать столь вызывающе вдалеке от своих границ, если только он не выполнял требования Москвы. Нынешние свидетельства показывают, что всё было наоборот» [Kissinger, 1999].

Что же касается решения о посылке контингента, то Ф. Кастро размышлял над ним большую часть лета. Только в сентябре 1975 г. первые 300 инструкторов с вооружением и техникой отправились морем в Анголу; ещё около 150 были переброшены самолётом. Что касается именно боевых частей, то первые подразделения Ф. Кастро послал в Африку только 4 ноября [Gleijeses, 2002]. Позже Г. Киссинджер излагал другую картину – на слушаниях в Конгрессе в 1976 г. он заявил, что «в августе 1975 г. разведка предоставила данные, что в Анголе находятся советские и кубинские инструкторы, включая боевые части» [Hearings, 1976]. На самом деле ЦРУ вообще не упоминало о сколь-нибудь значительном числе кубинцев в Анголе вплоть до начала октября.

Тем временем операция «IAFEATURE» продолжалась: США поставляли оружие ФНЛА и УНИТА, а также негласно сотрудничали с ЮАР, вынашивавшей свои планы. Г. Киссинджер был доволен – он полагал, что успех уже не за горами [Kissinger, 1999]. 14 октября ЮАР начала операцию «Саванна» – вторжение в Анголу с юга [Steenkamp, 1989]. Южноафриканские подразделения с отрядами УНИТА быстрыми темпами продвигались на север. В конце октября наступление на Луанду (которую контролировала МПЛА) со стороны Заира предприняли и отряды ФНЛА. И у тех, и у других цель была одна – успеть занять столицу до 11 ноября, дня провозглашения независимости, и объявить себя законным правительством. Отряды Х. Роберту подошли к Луанде на расстояние артиллерийского выстрела – но это был пик успеха. 9 ноября у городка Кифангондо подразделения МПЛА с кубинскими инструкторами наголову разгромили противника, причём решающую роль сыграли советские РСЗО БМ-21 [2]. Поражение было тотальным –

армия ФНЛА перестала существовать и Х. Роберту сошёл с политической сцены. Колоннам ЮАР также не удалось достичь Луанды – части южноафриканцев, поначалу с лёгкостью разбивавшие небольшие отряды МПЛА, на подступах к столице впервые столкнулись с хорошо оснащёнными и подготовленными кубинскими солдатами [Namann, 2008]. 11 ноября МПЛА провозгласила независимость Анголы и была признана большинством мирового сообщества, став законным правительством.

Это был провал как ЮАР, так и США – хотя на тот момент это ещё не было осознано. С чисто военной точки зрения, позиции законного правительства выглядели слабо. МПЛА контролировала только Луанду и центральную Анголу – южная часть страны была под контролем УНИТА и ЮАР. На севере располагалась ФНЛА, и, хотя она уже была разгромлена, в США ещё этого не знали. Г. Киссинджер настаивал на продолжении американской военной помощи. Но для этого было необходимо запросить в Конгрессе дополнительное финансирование.

## **ВМЕШАТЕЛЬСТВО КОНГРЕССА США И ПРЕКРАЩЕНИЕ ИНТЕРВЕНЦИИ**

Запрос привёл к неожиданным результатам. Сенатор от Демократической партии Дик Кларк, глава подкомитета по африканским вопросам сенатского комитета по международным отношениям, затребовал обоснование необходимости суммы в 28 млн долл., которые запросило ЦРУ. Д. Кларк лично отправился в Анголу и по возвращении подверг резкой критике политику США по отношению к этой стране (стратегию Г. Киссинджера). Он выступил с предложением о запрете военной помощи со стороны США неправительственным группировкам, вовлечённым в военные действия в Анголе («Поправка Кларка»), что и было принято Сенатом 19 декабря [4].

Вторым ударом по Г. Киссинджеру стало обнародование сведений, что в Анголе воюют регулярные войска ЮАР. До этого времени присутствие южноафриканцев держалось в секрете – о том, что в Анголе воюет регулярная армия, не знало даже население ЮАР. Однако 18 декабря премьер-министр Анголы Лопу де Нашименту представил общественности двух солдат ЮАР, взятых в плен в 600 км от границы с Намибией [3]. ЮАР мгновенно оказалась под огнём критики со всего мира. Более того, в американской, европейской и советской прессе прозвучали обвинения, что ЮАР в Анголе действует совместно с США. В этих условиях премьер-министр Бальтазар Форстер принял решение о выводе войск из Анголы [Steenkamp, 1989].

Едва стало известно о предполагаемой связи США и ЮАР, Г. Киссинджер поспешил от этого откеститься: «ЮАР вмешалась в ангольские события без предварительной консультации с США. Мы узнали о вторжении только из доклада ЦРУ от 31 октября» [Kissinger, 1999]. Б. Форстер настаивал на обратном: «Госсекретарь США Киссинджер торопил нас со вторжением, а потом резко отказал в помощи» [Miller, 2016]. В 1978 г. министр обороны ЮАР Питер Бота заявил в парламенте: «Единственный раз за эти годы, когда мы пересекли границу, была Ангола, и мы сделали это с одобрения и полного понимания США. А потом они бросили нас на произвол судьбы» [13].

В январе – феврале 1976 г. в Сенате прошли слушания по поводу участия США в ангольских событиях. Одним из критиков Г. Киссинджера на них выступил сена-

тор Джозеф Байден, ныне президент США: «Я помню, как вы уверяли нас, что операция помощи не выйдет за пределы 10 млн долл. и что дальнейшие траты на неё в принципе необсуждаемы» [9]. Куда более жёстко отозвался об операции “IAFEATURE” конгрессмен Эндрю Янг (будущий представитель США в ООН): «...фундаментальной причиной ситуации в Анголе явилось отсутствие африканской политики со стороны доктора Киссинджера... Мы открыли шлюзы для смуты и хаоса по всей южной Африке» [Hearings, 1976].

Несмотря на серьёзную критику, никаких последствий для Г. Киссинджера слушания в Сенате не имели. Более того, госсекретарь только укрепился во мнении, что «причина всех бед – в Конгрессе»: «...в первый раз в нашей истории Конгресс остановил деятельность государства во время кризиса... Если так пойдёт и дальше, то это создаст серьёзный прецедент и платить за него мы будем дорого» [O'Sullivan, 2020]. Он продолжал считать, что, если бы не козни конгрессменов, США могли бы выиграть в Анголе, увеличив помощь ФНЛА/УНИТА и разбив кубинцев.

После этого Ангола фактически исчезла из дискурса внешней политики США. Г. Киссинджер пересмотрел свои взгляды по отношению к Африке и уже в апреле 1976 г. объявил о том, что США будут проводить политику невмешательства, но при этом всячески поддерживать введение большинства в ещё не освободившихся странах (Родезия и Намибия) [18]. Интересно, что данная политика была, по сути, повторением тезисов Н. Дэвиса, который в 1975 г. рекомендовал госсекретарю выбрать именно этот путь вместо интервенции и конфронтации. Как известно, Г. Киссинджер тогда с упрёками отверг эти рекомендации.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно сделать вывод, что у Генри Киссинджера, по существу, не было выработано никакой политики по отношению к югу Африки. Вместо этого он действовал, во-первых, в жёсткой парадигме «холодной войны», где главный акцент делался на противостояние, а не на поиск путей решения проблем [Арбатов, 1983], а во-вторых, он подчинялся сиюминутным решениям, основанным на собственных суждениях, предпочитая избегать поисков комплексного подхода.

Кадровая политика характеризует Г. Киссинджера как человека самолюбивого, авторитарного и нетерпимого к чужому мнению. Все главы Африканского бюро лишились своих постов из-за неприязни Г. Киссинджера, который позволял своему личному отношению к человеку брать верх над его деловыми качествами. И Д. Ньюсом, и Д. Исум, и Н. Дэвис пали жертвой его непомерных амбиций: если Г. Киссинджер видел несогласие со своими идеями, то человек превращался в противника, от которого надо было избавиться. При этом все эти дипломаты были куда большими профессионалами, чем сам Г. Киссинджер, однако в столкновении с его и упрямством они оказались бессильны. Это лишний раз подчёркивает особенность, отмечаемую многими исследователями, причём как российскими [Арбатов, 1983], так и зарубежными [5]: репутация Г. Киссинджера как выдающегося дипломата преувеличена. Он не был карьерным дипломатом, не имел опыта практической работы и пришёл в политику из академической среды. Пренебрежение к мнению профессионалов привело к тому, что его ошибочная стратегия в сочетании со значительным сомнением вызвала обратные результаты: вместо урегулирования конфликта он, напротив, обрёл интенсивность.

Глобальные последствия «политики Киссинджера» оказались масштабными. ЮАР, раздосадованная предательством США и военным поражением, твёрдо взяла курс на жёсткую конфронтацию с Анголой. С 1975 по 1988 г. (когда было подписано перемирие) армия ЮАР более 35 раз вторгалась в Анголу [14]. В войну, помимо Кубы, оказался втянут и СССР – в 1975–1992 гг. в стране побывали около 12 тысяч советских военных специалистов, более ста из них погибли [2]. Гражданская война в Анголе длилась до 2002 г., по разным оценкам в ней погибли от 500 тысяч до 1 миллиона человек [15].

Юг Африки стал не просто «горячей точкой», а настоящим полем боя «холодной войны» именно в результате усилий Г. Киссинджера. Урок, который лично он извлёк из Вьетнама, заключался в том, что главным для него стало недопущение любой ценой падения престижа США в международных делах в любом регионе – вместо поиска решения проблем дипломатическим путём. Его видение заключалось в том, что США обязаны быть мировым гегемоном и распространить своё влияние на весь мир. Хотя после Анголы на словах он осуждал политику вмешательства во внутренние дела, в реальности он одобрял политику интервенционизма [20]. Юг Африки в этом отношении пал жертвой его амбиций и политики, которую он так и не сумел сформировать.

## ИСТОЧНИКИ

1. The Department of State Bulletin. Vol. 72. Office of Public Communication, Bureau of Public Affairs, United States, 1975.
2. Коломнин С. Русский спецназ в Африке. Союз ветеранов Анголы. Available at: <https://www.veteranangola.ru/main/vospominaniya/kolovnin2> (accessed 30.06.2023).
3. Angolans in Lagos Display 2 Captured South Africans. *The New York Times*, 19.12.1975. Available at: <https://www.nytimes.com/1975/12/19/archives/angolans-in-lagos-display-2-captured-south-africans.html> (accessed 20.07.2023).
4. Clark Amendment. Available at: <http://academic.brooklyn.cuny.edu/history/johnson/clark.htm> (accessed 19.07.2023).
5. Henry Kissinger at 100: history will judge the former US secretary of state's southern African interventions to be a failure *The Conversation*. 10.02.2023. Available at: <https://theconversation.com/henry-kissinger-at-100-history-will-judge-the-former-us-secretary-of-states-southern-african-interventions-to-be-a-failure-198316> (accessed 30.06.2023).
6. Fobanjong, John M. Interventionary alliances in civil conflicts. Available at: <https://repository.arizona.edu/handle/10150/184749> (accessed 22.06.2023).
7. Kaunda: 'Dismayed' by America. *The New York Times*. 25.04.1975. Available at: <https://www.nytimes.com/1975/04/25/archives/kaunda-dismayed-by-america.html> (accessed 11.07.2023).
8. Kissinger at 100: How his 'sordid' diplomacy in Africa fuelled war in Angola and prolonged apartheid. *The Guardian*. 25.05.2023. Available at: <https://www.theguardian.com/global-development/2023/may/25/henry-kissinger-100-strategic-genius-or-damaging-diplomacy-held-back-africa> (accessed 30.06.2023).
9. Kissinger Reports U.S. Is Weighing Open Angolan Aid. *The New York Times*. 30.01.1976. Available at: <https://www.nytimes.com/1976/01/30/archives/kissinger-reports-us-is-weighing-open-angolan-aid-tells-senate.html> (accessed 11.07.2023).



10. Memorandum from President Nixon to the President's Assistants (Haldeman), (Ehrlichman) and (Kissinger), Washington. March 2, 1970. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve05p1/d10> (accessed 22.06.2023).

11. Memorandum of Conversation between Ambassador Simcha Dinitz and Secretary of State Henry Kissinger. National Security Archive. October 9, 1973. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB98/octwar-21b.pdf> (accessed 01.07.2023).

12. National Security Study Memorandum 39 Washington, April 10, 1969. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v28/d6> (accessed 26.06.2023).

13. Noel Anderson. Competitive Intervention and the Angolan Civil War, 1975-1991. MIT Political Science Department Research Paper No. 2015-5. Available at: [https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract\\_id=2593886](https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2593886) (accessed 20.07.2023).

14. Parabat Veterane Organisasie. Available at: <https://parabat.org.za/wp-content/uploads/2017/09/SADF-Military-Operations.pdf> (accessed 01.07.2023).

15. Political Economy Research Institute University of Massachusetts. Available at: <https://www.peri.umass.edu/fileadmin/pdf/Angola.pdf> (accessed 04.07.2023).

16. Roger Morris. A Rare Resignation in Protest: Nat Davis and Angola. *The Washington Monthly*, February 1976. The *Unz Review*. Available at: <https://www.unz.com/print/WashingtonMonthly-1976feb-00022/> (accessed 26.06.2023).

17. Sebenius, James K., R. Nicholas Burns, Robert H. Mnookin, and L. Alexander Green. "Henry Kissinger: Negotiating Black Majority Rule in Southern Africa". Harvard Business School Working Paper, No. 17-051, December 2016. Available at: <http://nrs.harvard.edu/urn-3:HUL.InstRepos:30011597> (accessed 07.07.2023).

18. Text of Kissinger's Address in Zambia on U.S. Policy toward Southern Africa. *The New York Times* 28.04.1976. Available at: <https://www.nytimes.com/1976/04/28/archives/text-of-kissingers-address-in-zambia-on-us-policy-toward-southern.html> (accessed 04.07.2023).

19. The Secret Committee Called '40'. *The New York Times*. 19.01.1975. Available at: <https://www.nytimes.com/1975/01/19/archives/the-secret-committee-called-40-at-least-in-theory-it-controls-the.html> (accessed 01.07.2023).

20. Thomas Meaney. The Myth of Henry Kissinger. *The New Yorker Magazine*. 11.05.2020. Available at: <https://www.newyorker.com/magazine/2020/05/18/the-myth-of-henry-kissinger> (accessed 19.07.2023).

21. Walter J. Boyne. Nickel Grass. *Air & Space Forces Magazine*. 01.12.1998. Available at: <https://www.airandspaceforces.com/article/1298nickel/> (accessed 20.07.2023).

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арбатова Г.А. Вступая в 80-е... М.: Агентство печати Новости, 1984. 335 с.

Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М.: Международные отношения, 2019. 688 с.

Коломнин С.А. Русский след под Кифангондо. Неизвестные страницы истории Чёрной Африки. М.: Этника, 2014. 127 с.

Корниенко Г.М. Холодная война. Свидетельство ее участника. М.: Международные отношения, 1995. 415 с.

Токарев А. ФНЛА в антиколониальной борьбе и гражданской войне в Анголе. М.: Институт Африки РАН, 2006. 184 с.

Шубин В.Г. Горячая «холодная война»: Юг Африки (1960–1990 гг.). М.: Издательский дом «ЯСК», 2013. 368 с.

## REFERENCES

- Amaral, L. The Modern Portuguese Economy in the Twentieth and Twenty-First Centuries. Palgrave Macmillan, 2019. 348 p.
- Andrew, C. For the President's Eyes Only: Secret Intelligence and the American Presidency from Washington to Bush. Harper Collins, 1995. 660 p.
- Arbatov, G.A. Vstupaya v 80-e... Moscow: Agentstvo pechati Novosti, 1984. 335 p.
- Cohen, H. US Policy toward Africa: Eight Decades of Realpolitik. Lynne Rienner Publishers, Inc., 2020. 280 p.
- Davis, N. The Angola Decision of 1975: A Personal Memoir. *Foreign Affairs*. Vol. 57, No. 1 (1978): 109-24. Available at: <https://doi.org/10.2307/20040055> (accessed 04.07.2023).
- De Melo, J. Os Anos da Guerra 1961-1975 - Os Portugueses em Africa. Dom Quixote, 1998. 500 p.
- Dickson, D. U.S. Foreign Policy toward Southern and Central Africa: The Kennedy and Johnson Years. *Presidential Studies Quarterly*. Vol. 23. No. 2. Presidential Perception and Persuasion (Spring 1993). P. 301-315. Available at: <http://www.jstor.org/stable/27532280> (accessed 22.06.2023).
- Dobrynin, A.F. Sugubo doveritel'no. Posol v Vashingtone pri shesti prezidentah SSHA (1962–1986 gg.) [In Confidence: Moscow's Ambassador to Six Cold War Presidents (1962–1986)]. University of Washington Press, 2001. 672 p.
- Gleijeses, P. Conflicting Missions: Havana, Washington, and Africa, 1959–1976. The University of North Carolina Press, 2002. 552 p.
- Gleijeses, Piero. "Moscow's Proxy? Cuba and Africa 1975–1988". *Journal of Cold War Studies*. Vol. 8. No. 4 (2006). P. 98–146. Available at: <https://www.jstor.org/stable/26925953> (accessed 19.07.2023).
- Hamann, H. Days of the Generals. Zebra Press, 2008. 268 p.
- Hard Times for the Africa Bureau 1974–1976. *American Diplomacy*, June 2010. Available at: <https://americandiplomacy.web.unc.edu/2010/06/hard-times-for-the-africa-bureau-1974-1976/> (accessed 11.07.2023).
- Hearings before the Subcommittee on African Affairs of the Committee on Foreign Relations, United States Senate, Ninety-fourth Congress, second session, on U.S. involvement in civil war in Angola, Jan 29 - Feb 6 1976. US Government Printing Office, 1976.
- Hersh, S. The Price of Power: Kissinger in the Nixon White House. Summit Books, 1983. 698 p.
- Isaacson, W. Kissinger: A Biography. Simon & Schuster, 1992. 896 p.
- Kissinger, H. Years of Renewal. Simon & Schuster, 1999. 1152 p.
- Kolomnin, S.A. Russkij sled pod Kifangondo. Neizvestnye stranicy istorii CHyornoj Afriki [Batalha Historica de Quifangondo]. Moscow, 2014. 127 p.
- Kornbluh, P. The Pinochet File: A Declassified Dossier on Atrocity and Accountability. The New Press, 2013. 354 p.
- Kornienko, G.M. Holodnaya vojna. Svidetel'stvo ee uchastnika. [The Cold War: Testimony of the Participant]. Moscow, 1995. 415 p.
- Lemarchand, R. American Policy in Southern Africa: The Stakes and the Stance. Washington, D.C., University Press of America, 1978. 500 p.

Miller, J. An African volk: the apartheid regime and its search for survival. Oxford University Press, 2016. 464 p.

O'Sullivan, S. Kissinger, Angola and US-African Foreign Policy. Routledge, 2020. 232 p.

Shubin, V.G. Goryachaya "holodnaya vojna": Yug Afriki (1960–1990 gg.) [The Hot 'Cold War': The USSR in Southern Africa]. Pluto Press, 2008. 368 p.

Steenkamp, W. South Africa's Border War, 1966-1989. Ashanti, 1989. 256 p.

Stockwell, J. In Search of Enemies: A CIA Story. W.W. Norton, 1984. 285 p.

Tokarev, A. FNLA v antikolonial'noy bor'be i grazhdanskoy vojne v Angole. Moscow, 2006. 184 p.

### **ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR**

**КАРАМАЕВ Сергей Георгиевич**, научный сотрудник Центра проблем развития и модернизации, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН). Российская Федерация, 117997, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23.

**Sergei G. KARAMEEV**, Research Fellow, Centre for Development and Modernization Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences.

23, Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russian Federation.

*Статья поступила в редакцию 24.07.2023 / Received 24.07.2023.*

*Поступила после рецензирования 10.08.2023 / Revised 10.08.2023.*

*Статья принята к публикации 12.08.2023 / Accepted 12.08.2023.*

## Содержание за 2023 год

**Акимов Ю.Г.** Коалиция будущее Квебека у власти: автономизм, национализм и прагматизм, № 9

**Акимов Ю.Г.** Первый российский учебник по культуре Квебека, №5

**Акимов Ю.Г., Минкова К.В.** Конференция «80 лет российско-канадских дипломатических отношений, 1942–2022», №2

**Антонов Е.В., Честнягина К.С.** Республиканский проект избирательной реформы: борьба за «честные» выборы? №11

**Ануреев С.В.** Военные расходы США: реальные размеры и причины завышения, №5

**Артамонова У.З.** Обменные программы как инструмент публичной дипломатии США, №12

**Архангельский И.Ю.** Информационное обеспечение контроля иностранного капитала в США, №10

**Бабкина С.К.** Военно-промышленный комплекс США как фактор сохранения доминирующего положения в мире: современное состояние и структурные проблемы, №11

**Батюк В.И.** Идеологическая борьба в российско-американских отношениях, № 9

**Батюк В.И.** Политика администрации Дж. Байдена на китайском направлении, №10

**Белова Е.Д.** Самые популярные в мире фильмы: есть ли альтернатива Голливуду? №2

**Бобкин Н.Н.** Прецеденты нераспространения: конфликт между США и Ираном в контексте сдерживания иранской ядерной программы, №4

**Бобкин Н.Н.** США в первый год войны на Украине: интересы, выгоды, дипломатия, № 6

**Богаевская О.В.** Рынок труда США: тенденции и вызовы, № 8

**Болдырев В.Е.** Индо-Пацифика во внешнеполитическом планировании США, №3

**Братерский А.В.** «Мозговые центры» при президентстве Джоозефа Байдена, №4

**Быстрова И.В.** Мост через океан и «рукопожатие в космосе», №4

**Васильев В.С.** Банки как экзистенциальное, но безальтернативное Зло мировой экономики (о Нобелевской премии по экономике за 2022 г.), №3

**Вернигора А.А.** Оборонно-промышленный комплекс Турции как фактор внутренней и внешней политики, №11

**Виватенко С.В., Сиволап Т.Е.** В поисках себя и дикой природы. Теодор Рузвельт в Северной Дакоте, №1

**Власкин П.Г., Теняков И. М.** Влияние финансиализации на экономический рост (на примере США и России), №11

**Володин Д.А.** Претензии Канады на континентальный шельф в Арктике, №9

**Воробьев Д.Н.** Значение промежуточных выборов в Конгресс США 2022 года для афроамериканского сообщества, №9

**Воробьев Д.Н.** Исторические и современные проблемы афроамериканцев в сфере школьного образования США, №6

**Газман В.Д.** Ветряной и солнечный энергетический эффект в Канаде, №4

**Гегелашвили Н.А.** Политика Вашингтона в Закавказье на фоне новых геополитических реалий, №2

**Гегелашвили Н.А.** Политика Вашингтона в условиях роста конкуренции между США и КНР в Центральной Азии, № 6

**Голиней В.А., Розенталь Д.М.** Гегемония США в Латинской Америке и возможности по её преодолению: горизонт 2040, №12

**Грецкая О.С.** Конгресс и односторонний выход США из международных соглашений по контролю над вооружениями (2002–2020 гг.), №3

**Гулиева М.Э.** Сравнительно-правовой анализ вопросов защиты персональных данных в процессе развития искусственного интеллекта, №4

**Давыдов А.С.** Сценарии взаимоотношений в «большом треугольнике» в нынешней геополитической ситуации, № 7

**Дмитриев С.С.** Американско-китайские внешнеэкономические связи на этапе «частичного разъединения», № 8

**Евченко Л.И.** «Мы не Институт США, мы Институт СССР», №5

**Ермаков Д.Н., Попов Г.Г., Казенков О.Ю.** Начальный период японо-китайской войны 1937–1939 гг., №1

**Зайцев И.А.** Оценка роли Индии как одного из экспортеров вооружений в Мьянму в период с февраля 2021 г. по май 2023 г., №11

**Заманапулов Д.М.** Американские подходы к посткризисному мироустройству, № 9

**Захарова М.С.** Влияние аналитических центров на северокорейскую политику США, № 9

**Зуенко И.Ю.** Проблемы восприятия внешней политики КНР как фактор китайско-американского противостояния, № 7

**Иванов Р.А., Пусенкова Н.Н.** Климатическая повестка ведущих нефтяных компаний США, №1

**Израелян Е.В.** Канадско-японские отношения: к 95-летию установления, № 6

**Карамеев С.Г.** Генри Киссинджер и политика США на юге Африки, №12

**Карамеев С.Г.** Оборонная промышленность ЮАР – отрицательное развитие, №11

**Кириченко Э.В.** Проблемы долгового потолка: грозит ли США технический дефолт, № 8

**Клименко А.Ф.** США, Китай и Россия в новой глобальной политической среде, № 7

**Козлов В.О.** Теория международных отношений на примере взаимодействия США и Китая, №12

**Комкова Е.Г.** Будущее монархии в Канаде, №4

**Комкова Е.Г.** Североамериканская интеграция как ресурс для укрепления лидерства США, № 8

**Конарева Л.А.** Глобализация как угроза для американских промышленных предприятий в эпоху цифровой экономики, №1

**Корошунов В.О.** Оборонная промышленность Европы: актуальные вызовы и возможные пути развития, №11

**Кочегуров Д.А.** Япония в Индо-Тихоокеанской стратегии США: усиление роли для сдерживания Китая, №12

**Кравченко Е.И.** Опыт функционирования системы стратегического планирования в США и возможности его использования в России, №2

**Криволапов О.О., Степанова Н.В.** «Обзор ядерной политики» США администрации Дж. Байдена: новое видение? №12

**Кулинцев Ю.В.** Четвёртый кризис безопасности в Тайваньском проливе: ответ КНР на визит Н. Пелоси, № 7

**Куприянов А.В.** Вооружённые силы и ВПК Индии в эпоху мировой турбулентности, №11

**Куприянов А.В.** Присутствие США и КНР в регионе Индийского океана: взгляд из Нью-Дели, № 9

**Куриллы И.И.** Университет и общество в Соединённых Штатах, №3

**Лебедева Л.Ф.** Вызовы и риски социальной защищённости населения США в третьем десятилетии XXI века, №2

**Лебедева Л.Ф.** О рисках финансовой устойчивости государственной пенсионной системы США, №5

**Легвольд Р.** Арбатов был поистине выдающейся личностью, №5

**Лукин В.П.** «Не трогайте Юру – он фронтовик», № 5

**Макаревич Г.Г.** Пакистанский ВПК между «поворотом на Восток» и «сохранением традиционных стратегических связей», №11

**Меньшикова А.М.** Экономика в системе национальной безопасности США, №10

**Минаев М.В.** «Русская» группа в аппарате СНБ администрации Джозефа Байдена (2021–2022 гг.), № 9

**Минаев М.В.** Группа специалистов по России в аппарате СНБ администрации Дональда Трампа, №10

**Морозов Ю.В.** Взаимоотношения КНР – США – РФ в условиях военного кризиса на Украине, № 7

**Немчанинов Д.Г.** Советизация Польши: восприятие и политика США, 1945-1949 гг., № 6

**Неренц Д.В.** Роль американских СМИ в информационной войне XXI века, №2

**Никитин Л.В.** Банковский феномен Северной Каролины: истоки и современность, №12

**Никольская Г.К.** Модернизация иммиграционной системы США как важное условие сохранения глобального технологического лидерства, № 8

**Панов А.Н.** Японо-американский военно-политический союз: секреты долголетия (ч.2), №1

**Пекарникова М.Е., Полонский А.Б.** Изменение вектора климатической политики Соединённых Штатов Америки в 1992–2023 годах, №10

**Переверзева М.В.** Пора зрелости американской живописи: образы восьмидесятых годов XX века, №1

**Перминова А.А.** Политика США в ЦА в контексте противостояния с Россией и КНР, №10

**Печатнов В.О.** Он всегда оставался настоящим патриотом своей страны, №5

**Погосян Б.П.** Трансформация международного порядка после холодной войны и политика глобальных и региональных держав на Южном Кавказе после Карабахской войны 2020 г., №1

**Подлесный П.Т.** «Западу нужна новая стратегия в отношении Украины», №10

**Полуях Д.С.** Мультилатерализм и минилатерализм как механизмы глобального управления, №3

**Пороховский А.А.** Трансфертное ценообразование: американский опыт и цифровая революция, №4

**Приходько О.В.** Конфликт вокруг Украины в контексте отношений между Россией и США, № 6

**Приходько О.В.** США – ЕС: торгово-экономические взаимоотношения в эпоху глобального соперничества, №12

**Пусенкова Н.Н., Светенко М.А.** Станут ли США лидером глобального энергоперехода? Политика декарбонизации американских нефтяных компаний, № 8

**Рогов С.М.** Арбатов – человек, который остановил холодную войну, №5

**Рогов С.М.** Российско-китайское партнёрство и США, № 7

**Романов Р.Р.** Метод шкалирования: стратегия США на китайском направлении в 2017–2021 гг. (пример Тайваня), №6

**Селянин Я.В.** Американо-китайское противостояние вокруг Тайваня: микросхемы и война, № 6

**Сербюк А.Н.** Республиканская мать: женский идеал в ранней истории США, №10

**Солдатенкова О.И.** Продовольственная безопасность арктических территорий Северной Америки, №12

**Солдатенкова О.И.** Особенности экономических санкций как инструмента защиты стратегических интересов США, № 8

**Степанов А.С.** Китайский разведывательный шар как фактор в американо-китайских отношениях, № 7

**Супян В.Б.** Третий год президентства Дж. Байдена: состояние экономики, №4

**Супян В.Б.** Экономика и население США в региональном измерении (зоны ускоренного роста), №3

**Сургуладзе В.Ш.** Актуализируя Роберта Джервиса, №2

**Сюй Б., Дин Х.** Китайско-российское сотрудничество в контексте китайско-американского стратегического соперничества, № 7

**Толкачёв С.А.** Фундаментальные векторы промышленной политики

администрации Дж. Байдена: итоги первой половины президентского срока, №4

**Трунов Ф.О.** Отношения ФРГ и США в 2022 г. в политической и военной сферах: кооперация или конкуренция? №2

**Труш С.М.** Российско-украинский конфликт как фактор отношений КНР – США: динамика ситуации, №7

**Уянаев С.В.** Китай в индо-тихоокеанской политике США: цели и эволюция, №7

**Фейст А.А.** Политика президента США Дж. Байдена в отношении автомобильной промышленности страны, №3

**Фоминых А.Е.** Космическая программа «Аполлон» в публичной дипломатии США для Советского Союза (1961–1972), №5

**Хлопов О.А.** Проблема изменения климата в энергетической политике администрации Джозефа Байдена, №3

**Цибиков В.А.** Американский фактор в деятельности современной сирийской политической оппозиции, №10

**Черных М.А.** Тенденции испаноязычных избирателей: сдвиг в сторону Республиканской партии? №9

**Чудинова К.О.** «Антикитайский курс» и расширение кооперации США с союзниками в АТР, №12

**Шведова Н.А.** Необычные промежуточные выборы: итоги и тенденции, №5

**Шведова Н.А.** Соединённые Штаты Америки: по следам пандемии, №10

**Шкробтак И.О.** Оборонно-промышленный комплекс США в свете украинского конфликта: проблемы и перспективы, №11

**Шкробтак И.О.** Поставки вооружений США, ЕС и Великобритании на Украину, №10

**Шкробтак И.О.** Сотрудничество США и Великобритании в военно-технической сфере в современный период, №5

**Эллисон Г.** «В ядерной войне не может быть победителей...», №5

**Юрк А.В.** Дипломатия Барака Обамы и сирийский мирный процесс, №1

**Светлана Николаевна Бабич**, №1

*Информация для авторов*, №1–12

## Информация для авторов

Редакция принимает материалы, соответствующие тематическому профилю журнала, отвечающие международным стандартам научных публикаций и оформленные в соответствии с установленными правилами. Рукопись должна представлять результаты оригинального авторского исследования, изложенные в научном стиле. Объём принимаемых к рассмотрению статей до 45 тыс. знаков, рецензий – до 15 тыс. знаков.

К статье должны прилагаться: информативная аннотация (200–250 слов), ключевые слова и подробные данные об авторе (полностью фамилия, имя, отчество, степень, учёное звание, должность и полное название места работы, адрес организации с индексом, e-mail). При этом аннотация представляет собой резюме, подробный пересказ содержания и выводов статьи. В аннотации следует избегать использования словосочетаний вроде «в статье рассматривается», «автор считает» и пр. Под ключевыми словами подразумеваются наиболее часто упоминающиеся в работе понятия и термины.

Вся прилагаемая информация должна быть продублирована на академическом английском языке. *Бумажная версия* печатается на одной стороне листа (шрифт *Arial*, кегль 12, интервал полуторный, поля слева и справа по 3 см). Автор индексирует свою статью по Универсальной десятичной классификации (УДК). Обязательно наличие у автора цифрового идентификатора ORCID. Его можно оформить на сайте <http://orcid.org/>.

*Электронная версия* представляется в форматах *doc*, *docx* или *rtf*. Текст статьи и вся сопровождающая информация представляется в одном файле в следующем порядке: название статьи (русс., англ.), аннотация (русс., англ.), ключевые слова (русс., англ.), полная информация об авторе (русс., англ.), текст статьи, библиографический список.

Отсутствие библиографического списка может стать причиной отказа в регистрации статьи. Материалы для рубрик "Размышляя над прочитанным" и "Книжная полка" могут не содержать библиографический список. На каждый источник из списка обязательна ссылка в тексте.

Полные библиографические описания даются в списке литературы, размещённом после текста статьи. В список включаются ссылки на статьи из научных периодических изданий и монографии. Этот список состоит из двух частей: на русском и английском языках ("Список литературы" и "References" соответственно). Англоязычная часть содержит перевод и транслитерацию названий русскоязычных источников на английский язык (см. сайт: <http://translit.net/>). Транслитерация производится по системе Библиотеки Конгресса США (ALA-LC).



Отсылки в тексте заключаются в квадратные скобки и содержат фамилию автора (авторов), год издания, номера цитируемых страниц; допускается частичная замена длинных заглавий многоточием.

1. При описании книг указываются в следующем порядке: фамилия и инициалы автора, год издания, название (*курсивом*), город издания, издательство, количество страниц.

2. Если книга написана коллективом авторов, на первое место выносится её название, после года издания в круглых скобках указывается редактор, редактор-составитель и т.п.

3. При описании переводной книги следует указать сначала ссылку на оригинальное издание, а затем – на издание русского перевода (если русское издание не является оригинальным составным сборником трудов иностранного автора).

4. Ссылки на информационные, официальные и прочие источники, в том числе на интернет-ресурсы, не являющиеся научно-аналитическими материалами (законы, материалы слушаний, выступления и обращения официальных лиц, статистические источники, материалы прессы), следует приводить в разделе "Источники", который размещается после текста статьи перед списком литературы. Ссылки в этом разделе нумеруются, отсылки к ним в тексте имеют вид номера публикации в квадратных скобках.

5. Публикации в разделах "Источники" и "Список литературы/References" приводятся в алфавитном порядке.

Примеры отсылок в тексте статьи: [1] – на публикацию в разделе "Источники", [Иванов И.И. 2001: 25] – на публикацию в разделе "Список литературы".

Все таблицы и рисунки должны быть пронумерованы, иметь заголовки и ссылки в тексте. Данные, заимствованные из другого источника, сопровождаются библиографической ссылкой. Весь графический материал принимается только в редактируемом виде (не картинками!).

Все присланные в Редакцию материалы отдаются на рецензирование.

Плата за публикацию не взимается.

Дополнительные варианты оформления ссылок и библиографии авторы могут найти на страницах журнала и на сайте <http://www.iskran.ru/journal.php>.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Все статьи журнала размещаются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК). С декабря 2015 г. журнал входит в базу *Russian Science Citation Index (RSCI)* на платформе *Web of Science*.